

1914 год. ГИБЕЛЬ РУССКОЙ ГВАРДИИ

XX военные
тайны
века

А.Ю. ПЕТУХОВ

Военные тайны XX века

Андрей Петухов

**1914 год. Гибель
русской гвардии**

«ВЕЧЕ»

2017

Петухов А. Ю.

1914 год. Гибель русской гвардии / А. Ю. Петухов — «ВЕЧЕ», 2017 — (Военные тайны XX века)

Гибель русской гвардии в боях 1914 г. имела трагические последствия. В книге А.Ю. Петухова впервые подробно описаны не только отдельные эпизоды, но и все бои гвардии в первый маневренный период Великой войны в августе – декабре 1914 г. Автор рассматриваются малоизвестные эпизоды боевых будней гвардейцев генерал-майора Маннергейма, штабс-капитана Кутепова, подпоручика Тухачевского, делается попытка разобраться, почему верховное командование в первые же дни войны использовало личную охрану императора в качестве простой пехоты. Такая беспечность, расточительность и недальновидность в недалёком будущем стоила русскому народу и государству многих и многих напрасных жертв.

Содержание

Память сильнее времени	6
Глава первая. Дорога на фронт	10
Глава вторая. Первый бой старой гвардии	22
Глава третья. Успех лейб-гвардии егерского полка	34
Глава четвертая. Долгожданное наступление	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46
Комментарии	

Андрей Петухов

1914 год. Гибель русской гвардии

© Петухов А.Ю., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Память сильнее времени

Осень 1914 года стала прологом мировой драмы. Многократно возросший технический уровень вооружений и массовое применение боевых ядовитых газов определили прежде невиданные масштабы Великой войны. Её исполинский размер заслонил баталии XIX века. Именно тогда, в начале XX столетия, человечество впервые приблизилось к возможности самоистребления. И в дальнейшем неоднократно оно доказывало, что способно положить конец своей жизни на Земле. Сегодня, вглядываясь в будущее, мы видим, что каждая следующая война может оказаться последней. Зыбкое равновесие ядерного противостояния всё чаще становится квинтэссенцией политической мысли. И не случайно именно в прошлом мы ищем рецепт выживания.

Трагические события вековой давности, словно далекие звезды, сияют ярче сегодня – на новом витке эволюции человечества. Теперь нелепыми и тщетными кажутся попытки советской историографии замолчать, исказить, забыть их. Словно плотная пелена спадает с наших глаз. Всё явственнее проступают образы героев тех жестоких сражений. Мы не можем забыть их. Ведь забвение – означает предательство...

С первых недель войны многое происходило не так, как планировали довоенные стратеги. Через два-три месяца боёв обе противоборствующие стороны окончательно поставили крест на идее блицкрига.

На Западном фронте немецкая армия 2 (15) августа заняла Люксембург, 4 (17) августа вошла в Бельгию, 25 августа (7 сентября) вторглась в Северную Францию и к 1 (14) сентября вышла на рубеж в сорока километрах от Парижа. Однако она потерпела поражение в битве на реке Марне 5–12 (18–25) сентября, где шесть англо-французских армий, численностью 1 082 000, и пять немецких армий, силой 900 000 человек сошлись в ожесточённой схватке. Беспрерывные бои, переходы и манёвры истощили силы немецких солдат. Известны случаи, когда французы брали немцев в плен спящими. При этом солдатский сон был так глубок, что их долго не могли разбудить.

В то же время в Восточной Пруссии немецкие части завершили разгром армии генерала Самсонова, взяв в плен около 56 тысяч наших солдат. На польском театре военных действий в августе – сентябре первоначально бои шли с переменным успехом. Но в дальнейшем немецкие и австро-венгерские части потерпели ряд поражений от русских войск в ходе Галицийской битвы.

И в высокие правительственные кабинеты воюющих держав, и в штабы всех уровней, и в действующие армии пришло понимание – быстрой победоносной войны, малой кровью и на чужой территории, не будет. Перед воюющими державами разверзлась пропасть масштабной, изнурительной и кровопролитной бойни, по праву названной Великой войной, с непредсказуемыми последствиями для политической карты послевоенной Европы.

Маневренный период войны летом и осенью 1914 года вылился в небывалые масштабы потерь с обеих сторон. Новые виды артиллерии, активное применение пулемётов и скорострельные винтовки создавали плотность огня, при которой ни одна компактная цель на поле боя не могла выжить. Потери пехотной части в двадцать пять процентов за несколько часов боя стали обычным делом. Причём огромные потери несли не только вновь сформированные полки и дивизии, но и наиболее подготовленные, мотивированные регулярные части¹.

¹ Например: во время атаки в ночь с 26 на 27 августа (с 8 на 9 сентября) 1914 года лейб-гвардии Московский полк едва не был уничтожен полностью. Убитыми и ранеными он потерял 68 офицеров и 2500 нижних чинов – около семидесяти процентов личного состава. – *Примечание автора.*

Некоторые положения уставов и наставлений устарели. Опыт ведения войны по лекалам стратегии минувшего века мешал командирам всех уровней. Однако многие из них, образно говоря, продолжали идти вперёд с головой, повёрнутой назад.

Вновь и вновь лобовые атаки пехоты густыми цепями обрекали на истребление целые полки и дивизии. Применение крупных отрядов, действовавших изолированно от основной группировки, тоже приводило к неоправданным потерям. Стремительная смена обстановки требовала гибкого оперативно-тактического мышления, а управление большими соединениями – эффективного взаимодействия кавалерии, пехоты и артиллерии, с учётом нового технического уровня вооружений и масштабов боевых действий. Скорое появление боевых отравляющих веществ, развитие авиации и артиллерии стало сигналом к началу эры глобальных войн с десятками миллионов человеческих жертв.

Главные герои книги – солдаты и офицеры Старой гвардии, созданной Петром Великим. Это лейб-гвардии Преображенский и лейб-гвардии Семёновский полки – 1-я бригада 1-й гвардейской пехотной дивизии. В честь первого русского императора её называли Петровской. Более двух столетий она выполняла роль личной охраны династии. Однако с самого начала Великой войны командование использовало Старую гвардию в качестве обычной пехотной части – «царицы полей». Она сражалась на самых ответственных и опасных участках фронта, что привело за короткий срок к гибели почти всего первого, довоенного её состава. Подробно описывая боевые действия Петровской бригады в августе – декабре 1914 года, автор стремился рассказать о жертвенном отношении к службе и высоких мотивах поступков лейб-гвардейцев, об их духовном стержне. Прежде всего, они ставят перед потомками нравственный вопрос.

Как влияют события столетней давности на сегодняшний технотронный мир, наш хрупкий мир, живущий в калейдоскопе материального и виртуального круговорота, который увлекает его в чудовищную воронку самоуничтожения? Пусть не покажутся наивными эти суждения взыскательному читателю, но именно сегодня мы пытаемся нащупать начало цепи апокалипсических событий. Словно удар в колокол, приходит понимание того, что все мы, люди этой планеты, находимся в одной лодке.

Скоро, ещё в горизонте XXI века, наука сменит модель мировоззрения, признав симбиоз материи и духа – двух миров, видимого и невидимого. Новая парадигма откроет путь к познанию главных причин исторических процессов. Обнажится дефект искусственных социальных систем – деспотии и демократии. Откроется новый путь – ненасильственный строй можно создать только на основе Любви и Сострадания, что требует преображения душ...

Любовь, как закон, цель и способ жизни, даровал нам Творец. Он любит всех нас одинаково.

Кого и что готов любить современный человек? Себя, свой дом и свою семью – мать, отца, детей, реже – братьев и сестёр, иногда – мужа, жену, друзей. Сплочённая семья – гарант продолжения рода, колыбель и крепость человека. За её узкий круг людская любовь, как правило, не распространяется. За порогом дома простирается враждебный мир, полный столкновений интересов его обитателей...

С таким несовершенным чувством любви человек обречён существовать в обществе лжи и насилия, где более сильный и более наглый живёт за счёт менее сильного и менее наглого, где нравственный закон подменяют понятия, а правовые нормы в первую очередь обслуживают интересы сильного. Отношения, созданные инструментом насилия, недолговечны. Итог – частая смена форм отношений, ведущая к самоуничтожению.

Темпы технического прогресса цивилизации катастрофически опережают духовную эволюцию человека. Раб инстинктов, он зол и непредсказуем. Вместо гуманного правоведа и богослова он выбирает практичного физика-ядерщика. Наука обслуживает его пещерную

мораль, создавая абсолютный инструмент контроля и безупречный алгоритм убийства. Что впереди? Коллапс Природы. Синтетическая пища. Чипирование и непосредственное воздействие на поведение и психику людей... Чем ниже градус нравственности, тем ближе крах такого мира. Ущемлённый в правах, человек взбунтуется, понимая свободу как вседозволенность. Этого зверя трудно удержать на цепи. Без тотальной слежки не обойтись. В апокалипсическую эру энтропии духа неотвратимо технотронное иго, как модель государства. Самой практичной и жизнеспособной формой правления станет удавка в виде электронного рабства. Трон займёт циничный, грубый, беспощадный властелин, достойный собственных подданных. В руках бездушного хозяина мир, на свою погибель, превратится в гигантский процессор. Хватит одного «клика» или одной чёрной мысли, чтобы «обнулить» его...

Однако Создатель вложил в сердца некоторых людей способность любить землю, на которой они родились, и всех, кто живёт на ней. Эта любовь отличается по сути и качеству от чувств, дающих продолжение рода. Патриотизм пробуждает в человеке любовь к окружающему его миру, рождает высокие мотивы поступков, исцеляет и преображает душу. Он приближает нас к пониманию Любви Божественной и даёт человечеству надежду на спасение. За такую Любовь и сражалась на полях Великой войны Старая гвардия...

15 (28) июня 1914 года прогремели роковые выстрелы в Сараеве. Пуля из браунинга Гаврилы Принципа смертельно ранила австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда, став отправной точкой для мировой войны². Кто бы тогда мог подумать, какими бедами обернётся этот выстрел для России?! Великая война, Февральская и Октябрьская революции 1917 года, Гражданская война, массовые политические репрессии – звенья одной цепи. Сегодня, спустя столетие, в сравнении с жертвами русского народа, кажутся такими мелочными, такими ничтожными амбиции, эмоции и обиды политических лидеров, что послужили поводом для начала Великой войны...

В центре внимания автора данного исторического исследования – боевые дела преображенцев и семёновцев. На страницах книги есть персонажи, ставшие в дальнейшем яркими историческими личностями, например, командир отдельной гвардейской кавалерийской бригады генерал-майор Маннергейм, командующий 4-й ротой преображенцев штабс-капитан Кутепов, младший офицер 7-й роты семёновцев подпоручик Тухачевский, но подавляющее большинство героев исследования малоизвестны или неизвестны современному читателю. Основные события разворачиваются на Польском театре военных действий в период Галицийской битвы.

Наиболее детально показан первый бой Старой гвардии у польских деревень Владиславов, Стрыйна, и фольварка³ Анусин. Там 20 августа (2 сентября) 1914 года лейб-гвардии Преображенский и Семёновский полки штурмовали вершины безымянных высот, а потом стояли на них насмерть. Так в глухом углу империи, без артиллерии, без поддержки частей фронта и почти без резервов, в первом же своём бою на Великой войне погибала Старая гвардия... Кто, кроме узкого круга историков, помнит сегодня об этом?

Элитные полки, на протяжении более чем двух столетий выполнявшие роль личной охраны особ правящей династии, были использованы командованием в качестве обычной пехотной части. Лейб-гвардейцы, офицеры, унтер-офицеры и солдаты – это были люди, воспитанные в духе преданности престолу, готовые выполнить любую боевую задачу. Технический уровень вооружений европейских держав к началу Великой войны шагнул далеко вперёд. Скорострельная артиллерия и пулемёты, дальнобойные винтовки создавали такую

² * Великая война началась 15 (28) июня 1914 года, завершилась 29 октября (11 ноября) 1918 года. – *Примечание автора.*

³ Фольварк (польск. folwark от диалектизма нем. Vorwerk) – мыза, усадьба, обособленное поселение, принадлежащее одному владельцу, помещичье хозяйство. – *Примечание автора.*

плотность разящего огня, что за несколько часов пехотная часть могла потерять до четверти личного состава, что и произошло со Старой гвардией в первом же бою.

Петровская бригада – лейб-гвардии Преображенский и лейб-гвардии Семёновский полки – восемь тысяч солдат и офицеров. Те лейб-гвардейцы, что ушли на фронт в августе 1914-го, по своему воспитанию существенно отличались от солдат, надевших гвардейские мундиры в конце 1916-го или в начале 1917-го. Разве могли они приколоть к своим однобортным суконным шинелям символ революции – красный бант? Многие из них погибли в огне Великой войны, а те, кто остался в живых, – в дни революции сражались на фронте. В результате – в феврале 1917-го в столице не нашлось ни одной крупной боевой части, способной встать на защиту монархии!..

Почему Верховное командование в первые же дни войны использовало военную элиту – личную охрану государя – в качестве «царицы полей»? Такая беспечность, расточительность и недальновидность в недалёком будущем стоила русскому народу и государству многих и многих жертв. Ведь Старая гвардия не только являлась гарантом безопасности монарха, но, при необходимости, обеспечивала поддержание порядка и законной власти в столице. Несомненно, истребление Старой гвардии на фронте сыграло роковую роль в судьбе России.

Вспомним, что в Древнем Риме преторианские когорты всегда оставались при императоре и Сенате, гарантируя безопасность и законную власть.

История учит: тех, кто не делает работу над ошибками, ждут новые суровые испытания.

Так почему же Старую гвардию истребили на фронте? Сегодня, спустя сто лет, попытаемся ответить на этот вопрос... Мало кто догадывался тогда, в 1914 году, что, образно говоря, на часах уже без пяти двенадцать. Неотвратимо приближалось время революции, когда сердцами многих людей овладел демон. Зверь заходя расчищал себе дорогу, чтобы в свой час творить чёрное дело – для наказания одних, для испытания других.

Устранение Старой гвардии являлось одним из главных условий победы тёмных сил в России...

С чем пришли мы к большой исторической дате? Подавляющее большинство имён героев Великой войны вычеркнуто из хроники тех лет и учебников истории. Их почти нет в Интернете, в книгах, в кинематографе. Остались лишь разрозненные, скудные упоминания в немногочисленных мемуарах, дневниках и записках их боевых товарищей. Уцелел в огне мировой бойни и Гражданской войны, на чужбине они издавали свои книги крохотными тиражами. Но и в этих трудах многие имена и события замалчивались или искажались, по субъективным причинам или намеренно, чтобы не навредить тем, кто остался в Советской России. Правда, сохранились отрывочные сведения, разбросанные по архивам, семейным альбомам и частным коллекциям...

Настал срок вспомнить офицеров русской императорской гвардии, сражавшихся на поле чести в Великую войну. Сегодня имена многих из них незаслуженно забыты, а иные оболганы. Чем восстановим мы память о них? Не дежурным славословием, приуроченным к исторической дате, не выпрєнными, трескучими фразами, затёртыми до неузнаваемости чрезмерным употреблением.

Пришло время для обстоятельного рассказа о боевых делах тех, кто столетие назад дал яркий пример доблести, мужества и благородства.

Сегодня уроки русской истории встают перед нами во всей своей справедливости. И мы пишем книги и слагаем песни о героях Великой войны. Они вправе ожидать, что справедливые потомки принесут им свою любовь и благодарность.

Глава первая. Дорога на фронт

Накануне объявления мобилизации в Санкт-Петербурге прокатилась волна манифестаций сочувствия сербскому народу. Вечером 18 (31) июля всех офицеров лейб-гвардии Преображенского полка срочно вызвали в Собрание, на Миллионную, где командующий полком полковник граф Игнатьев^[1] сообщил, что согласно телеграмме из штаба дивизии первым часом мобилизации надо считать одну минуту первого в ночь на 19 июля (1 августа). От себя он прибавил, что хотя война ещё не объявлена, но положение дел серьёзное. Все присутствующие поняли, что настало время каждому исполнить свой долг. Приказ о мобилизации не был неожиданностью для офицеров. Событиями последних дней они были подготовлены к такой ситуации. Полковой адъютант, поручик Зуев 1-й^[2], принёс из канцелярии мобилизационные пакеты для каждого офицера. Получил его и начальник полковой учебной команды штабс-капитан Кутепов. «Эта должность как нельзя больше соответствовала характеру и наклонностям Александра Павловича, и, конечно, не случайно он в своей дальнейшей службе часто вспоминал о ней», – отмечал впоследствии генерал Б.А. Штейфон (*Штейфон Б.А.* Генерал А.П. Кутепов. М.: Посев, 2009. С. 15).

Согласно мобилизационному плану, учебная команда была расформирована, а её начальник оставался в Санкт-Петербурге при запасном батальоне для подготовки пополнения. Начальство считало, что штабс-капитан Кутепов «в строевой и внутренней службе незаменим» (Генерал Кутепов. М.: Посев, 2009. С. 356), и назначение в запасной батальон – достойное применение его способностям в военное время. Сам Александр Павлович так не считал и не желал оставаться в тылу, когда его товарищи будут сражаться на поле чести. Он немедленно обратился к командующему полком с настоятельной просьбой отправить его на фронт. Учитывая боевой опыт штабс-капитана Кутепова, полученный им во время Русско-японской войны, полковник граф Игнатьев уже 20 июля (2 августа) назначает его командующим четвёртой роты первого батальона (РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 44501. Послужной список 378–865. Л. 2).

К завершению мобилизации в лейб-гвардии Преображенском полку состояло 83 офицера и около 5000 нижних чинов. В том числе 15 офицеров, находившихся в командировке и 11 офицеров и 220 нижних чинов, назначенных в Запасной батальон, что оставался в Санкт-Петербурге.

Накануне дня отправки на фронт – 31 июля (13 августа) – весь полк собрался на площади перед Спасо-Преображенским собором. Проститься с преображенцами пришли великие княгини Мария Павловна (Старшая), Виктория Фёдоровна и Елена Владимировна. У многих присутствующих от нахлынувшего волнения в глазах стояли слёзы. Торжественно отслужили молебен. Внушительно смотрелись пять тысяч отборных солдат-великанов, занявших всю соборную площадь.

Ранним утром 1 (14) августа перед казармами на Миллионной улице выстроился 1-й батальон. При нём шло в поход полковое знамя. Перед молебном его взяли из кабинета государя в Зимнем дворце и перенесли в помещение Государевой роты. Полковой адъютант поручик Зуев 1-й по какой-то причине опаздывал, и по приказанию командира батальона полковому святыню вынес бледный от волнения поручик Мещеринов 1-й^[3].

В 6 часов утра первый батальон покинул свои казармы и под звуки музыки молча проследовал к Варшавскому вокзалу для погрузки в первый эшелон. Погрузка лейб-гвардии Преображенского полка состоялась в пять эшелонов на запасных путях Варшавской железной дороги⁴. Родные и близкие преображенцев толпились на перроне. Из всех расста-

⁴ Утром ушёл первый эшелон с первым батальоном; второй эшелон: штаб полка, команда связи, обозы и пулеметная

ваний – такое самое тягостное. Наконец-то прозвучал долгожданный сигнал к посадке. Сказаны последние прощальные слова, последние благословения. Оркестр с чувством заиграл полковой марш. Бесподобно звучали флейта и кларнеты, волторны и тромбоны, тарелки и барабаны. Трубаچی неподражаемо выдували медь. Тихо и торжественно эшелон тронулся в путь.

На следующий день – 2 (15) августа, тоже на Варшавском вокзале, грузились в эшелоны части лейб-гвардии Семёновского полка. Около 8 часов вечера на отдалённую платформу подали под погрузку эшелон для второго батальона, где младшим офицером 7-й роты уезжал на фронт подпоручик Тухачевский. Погрузка длилась почти 9 часов, и проводы 2-го батальона затянулись. Всё это время на перроне стояло множество людей – родные и близкие семёновцев. «...я как сейчас помню среди провожающих небольшого роста незнакомую нам старушку со старинной иконой Божией Матери на руках, которою она благословляла отъезжающих офицеров и солдат, – пишет А.В. Иванов-Дивов. – Когда они прикладывались к иконе, она каждому что-то шептала, и я слышал, как, благословляя, она говорила стоявшему рядом со мною фон дер Лауницу^[4]: “Ангел ты мой небесный!”... Лауниц был убит одним из первых в бою под Владиславовым...» (*Иванов-Дивов А.В. 7-я рота Лейб-гвардии Семеновского полка в Галиции // Военная быль. № 91. Париж. Май 1968*). М.Н. Тухачевский держался непринуждённо, шутил и успокаивал мать, то и дело высматривал кого-то среди скопления народа. Около пяти часов утра поезд тронулся и начал медленно набирать ход. В это время со стороны вокзала появилась девушка. М.Н. Тухачевский прыгнул на платформу, обнял девушку, поцеловал ей руку и, догнав свой вагон, вскочил на подножку...

Лейб-гвардейцы ехали на фронт в приподнятом настроении. Многие офицеры везли с собой новое обмундирование для торжественного входа в Берлин, считая, что война закончится не позднее Рождества. Вблизи Вильно, ночью, недалеко от станции Игнаино произошёл инцидент. На эшелон, в котором следовали штаб преображенцев, команда связи, часть обоза и пулемётная команда, сзади налетел поезд. В итоге – три последних вагона разбиты, семь солдат пулемётной команды получили ранения, погибли две лошади и ещё две – покалечены. Виновником происшествия оказался машинист наскочившего поезда. Его, испуганного и бледного, сдали в ближайшую комендатуру. Двух тяжелораненых солдат оставили в станционной больнице. Остаток ночи преображенцы расчищали пути и оказывали первую помощь пострадавшим. Утром состав двинулся на Вильно, где его встретил губернатор П.В. Верёвкин, бывший офицер-преображенец. Он распорядился определить оставшихся четырёх легкораненых солдат в лучший виленский лазарет.

Проехав Варшаву, эшелоны выгрузились в Новогеоргиевской крепости⁵. 5 (18) августа в живописном месте на лесистом берегу реки Вкра у деревни Помехувек, расположенной в тридцати четырёх километрах от Варшавы, преображенцы встали бивуаком. Был канун полкового праздника, и вечером отслужили всенощную. Посреди небольшой поляны на возвышении установили аналой. Перед ним поставили святыни – старинные образа, два столетия сопровождавшие полк в боевых походах. Огромные деревья окружали поляну. Возвышенно и проникновенно на этой исторической всенощной звучал голос полкового священника отца Михаила Тихомирова^[5]. Необыкновенное молитвенное настроение охватило солдат и офицеров. Словно в прекрасном храме, стояли лейб-гвардейцы под кронами вековых деревьев, и поднималась к небу молитва Господня:

– Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя...

команда; третий эшелон: второй батальон; четвёртый эшелон: третий батальон; поздно ночью ушёл пятый эшелон с четвёртым батальоном.

⁵ Новогеоргиевская крепость (ныне Модлин, Польша) располагается примерно в 35 километрах к северо-западу от Варшавы, у слияния рек Вислы и Нарев.

Четыре тысячи душ горячо просили Всевышнего даровать победу в первом бою.

Будет победа! Ибо всегда слышит Отец Небесный молитву верных рабов Своих. Их боевые дела в Великую войну – свидетельство торжества духа над материальным миром. Однако и тогда, и в наши дни не настал ещё срок развенчать мудрость века сего...

С 3 (16) августа гвардейский корпус временно находился в распоряжении главнокомандующего Северо-Западным фронтом для усиления левого фланга второй армии. С 6 (19) августа – назначен в оперативный резерв Ставки, став ядром вновь формируемой 9-й армии, с местом сосредоточения на левом берегу Вислы.

7 (20) августа пришёл приказ лейб-гвардии Преображенскому и лейб-гвардии Семёновскому полкам ночью походным порядком идти в Варшаву. В тот день в Новогеоргиевске выгружался из эшелонов лейб-гвардии Измайловский полк. Он тоже направлялся в столицу Польши. Переход был трудный. Всю ночь три лейб-гвардейских полка шли по шоссе, только на рассвете устроили привал, затем уже шли без остановок. День выдался жаркий и душный. Необычную нервную обстановку создало солнечное затмение. Многие лейб-гвардейцы сочли его дурным знаком... К вечеру преображенцы и измайловцы расположились в Повонзке, предместье Варшавы, а семёновцы – в деревне Бабице.

В один из дней пребывания преображенцев в Повонзке случился пожар в деревянных бараках, что стояли вблизи от артиллерийских складов. Благодаря отваге солдат и находчивости офицеров, усилиями всего полка, пожар локализовали всего за несколько часов. Вскоре пришли тяжёлые известия с театра военных действий в Восточной Пруссии. Преображенцы узнали о крупных потерях сводного кавалерийского корпуса, в состав которого входили 1-я и 2-я гвардейские кавалерийские дивизии. Корпус прикрывал правый фланг наступавшей 1-й армии генерала П.К. Ренненкампа. Только 6 (18) августа в бою у Каушена и Краупишкена два полка 1-й гвардейской кавалерийской дивизии – Кавалергардский и Лейб-гвардии конный, потеряли убитыми и ранеными более половины своих офицеров. В тот же день в деле у города Вормдит погиб начальник 3-й кавалерийской дивизии доблестный генерал В.К. Бельгард и ранен командир корпуса генерал Гусейн Хан Нахичеванский.

В православном соборе в Варшаве преображенцы отслужили панихиду по погибшим гвардейцам.

Среди офицеров появилось стремление поскорее выступить на фронт. Речь зашла о Франции и Англии, о союзническом долге. В пику мнению большинства прозвучала фраза, что с наполеоновских времён в мире мало что изменилось, что самые преданные союзники у России – это её ресурсы, территории и мороз. Ещё поговаривали, что Старую гвардию берегут, что война скоро закончится без их участия и надо бы отправить полк хотя бы в один значительный бой, как при Ташкисене в Русско-турецкую войну 1877–1878 годов⁶. Слушая разговоры нетерпеливых молодых офицеров, штабс-капитан Кутепов не знал, что вскоре чудесным образом на всю жизнь он будет духовно скреплён с героями Ташкисена. История эта началась в 1878 году, когда в награду за подвиги преображенцев император Александр II снял со своей шеи Георгиевский крест и привязал его к знамени полка. В декабре 1917 года, перед отъездом в Добровольческую армию, полковник Кутепов взял эту полковую святыню на хранение⁷. Через четыре года, находясь уже в изгнании, в Галлиполийском лагере он признался генералу М.А. Пешне:

⁶ Ташкисен – селение в Болгарии, на шоссе из Софии в Орхание. Бой при Ташкисене в Русско-турецкую войну 1877–1878 годов произошёл 19 (31) декабря 1877 года. Укреплённую позицию занимал отряд Бекера-паши. Он насчитывал до 8 батальонов и 3 эскадронов (около 4000) при 7 орудиях. По колено в снегу, в сумерках короткого зимнего дня, под сильным артиллерийским и ружейным огнём врага, лейб-гвардии Преображенский полк лихо штурмовал два турецких редута и ряды ложементов (окопов), расположенных на возвышенности. Стремительная, умело спланированная атака увенчалась успехом. Под огнём неприятеля преображенцы находились чуть больше двух часов. Потери полка составили около 50 человек. – *Примечание автора.*

⁷ Из протокола допроса Д.Д. Зуева в ПП ОГПУ в Ленинграде 25.01.1931: «Перед ликвидацией полка ещё при командо-

«— Вы знаете, — говорил Александр Павлович, — как я дорожил своим полком. В нём были ещё унтер-офицеры, которых я сам учил в учебной команде. Они меня понимали с одного слова, и вот, как лучшую память об этом полку, я храню у себя на груди эмблему его Всероссийской славы...

Александр Павлович расстегнул гимнастёрку и показал Георгиевский крест со знамени полка, который носил всегда на цепочке с нателным крестом» (Генерал-майор Пешня. Первый марковец. Генерал Кутепов (сборник статей). Париж: Издание комитета имени генерала Кутепова, 1934. С. 250–251).

На Великой войне Александр Павлович был тяжело ранен три раза. Почти всю Гражданскую он провёл на передовой. В «Ледяном походе» в одной из атак его плащ был трижды пробит пулями, но сам он чудом остался невредим. Однажды, обманно выбросив белый флаг, красные в упор расстреливали группу офицеров, готовых принять пленных. Полковник Кутепов был среди них, но пули его не задели. А когда в штабной вагон подбросили бомбу, её вовремя удалось обезвредить... 18 октября 1920 года в Северной Таврии у деревни Отрадное на поле боя приземлился аэроплан с известием из Крыма. Генерал Кутепов приказал шофёру гнать к лётчику. Автомобиль помчался под мощным огнём красной батареи. От частых разрывов машину засыпало мёрзлой землёй. Но артиллеристы не могли нащупать цель — их снаряды неизменно уходили мимо... За всю Гражданскую войну Александр Павлович не получил и царапины, словно хранил его императорский Георгий...

— Не спешите. Будет вам Ташкисен... — сказал штабс-капитан Кутепов своим нетерпеливым товарищам. А они продолжали сетовать, что Старую гвардию берегут.

Нет! Старую гвардию не берегли. В первом же бою она будет брошена в огонь в лоб на пушки и пулемёты, на превосходящего по численности врага, воодушевлённого победоносным наступлением. Она будет штурмовать господствующие высоты без артиллерии, так как она ещё не подошла, без резервов, поскольку они ещё не сформированы, без поддержки частей фронта, которые несколько дней отступали, деморализованы и не способны выдерживать даже незначительный нажим неприятеля. Но об этом рассказ впереди...

16 (29) августа полковник граф Игнатъев получил долгожданный приказ о погрузке лейб-гвардии Преображенского полка и отправке на фронт. Направляясь к вокзалу, преображенцы шли по улицам Варшавы бодро и молодецки, весело гремела над польской столицей старая солдатская песня:

Солдатушки, бравы ребятушки,
Кто же ваши деды?
Наши деды — славные победы
Вот кто наши деды!

Отношение поляков к России резко стало радушным с момента издания манифеста Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича о воссоединении польского народа под скипетром русского царя⁸. Вдоль улиц толпились горожане. Они про-

вании Кутепова поздней осенью 1917 года. Знамя Преображенского полка было разделено. Георгиевский крест и ленты взял КУТЕПОВ, скоба была передана КАЗАКЕВИЧУ, остатки полотнища, запечатанные в конверте, были переданы мне...» — *Примечание автора.*

⁸ 1 (20) августа 1914 года великий князь Николай Николаевич издал воззвание к полякам о воссоединении польского народа под скипетром русского царя и о возрождении Польши, «свободной в своей вере, в языке и в самоуправлении». В документе говорилось: «Пусть сотрутся границы, растерзавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, языке и самоуправлении». Поскольку Польша стала театром военных действий, а солдаты польской национальности находились в составе армий обеих сторон, остро встал «польский вопрос». Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов в своём выступлении в Совете министров 29 сентября 1914 года сформулировал тезисы о будущих границах Польши и компетенции органов

вожали рослых лейб-гвардейцев приветливыми взглядами, а варшавянки бросали русским воинам цветы. Многие весело подпевали богатырям. Глядя на стройные ряды храбрых солдат-великанов, все присутствующие искренне верили, что нет в мире силы, способной остановить такую мощь.

Чётко и слаженно на варшавском вокзале прошла погрузка Петровской бригады. Перед отправкой лейб-гвардейцы увидели раненых, прибывших из 2-й армии генерала Самсонова. Об этом эпизоде семёновец полковник Зайцов 1-й^[6] писал: «Раненые были совершенно деморализованы (насколько мне помнится, они принадлежали 6-й пехотной дивизии XV корпуса). Их рассказам, конечно, не придавали значения и никому в голову не приходила мысль, что наша 2-я армия понесла такое жестокое поражение (увы, рассказы раненых точно передавали начало катастрофы нашей 2-й армии у Танненберга-Сольдау)» (Зайцов А.А. Семёновцы в 1914 году. Гельсингфорс, 1936).

Эшелоны двинулись на Люблин⁹, на выручку 4-й армии генерала барона А.Е. Зальца, отброшенной австрийцами в итоге ожесточённых встречных боёв 10 (23) – 12 (25) августа под Красником в ходе Люблин-Холмской операции¹⁰. Австрийцы нажимали на левый фланг 4-й армии, пытаясь охватить его. Фронт катился на восток, угрожая Люблину. Из-за перегруженности железной дороги эшелоны двигались медленно и разными путями. Одни шли через Седлец и Луков, другие – через Ивангород¹¹.

Не чуя приближения беды в Восточной Пруссии, Ставка всё своё внимание сфокусировала на ситуации с 4-й армией. 12 (25) августа 18-й корпус включили в состав Юго-Запад-

местного самоуправления. По его мнению, в польский край войдут привисленские губернии Российской империи и польские земли, которые в случае победоносной войны отойдут к России от Германии и Западной Галиции. Во главе Польши предполагалось поставить наместника его императорского величества. Министр иностранных дел считал, что «пределы самоуправления края определяются имперским законодательством, должна быть обеспечена нераздельность связи его с Империей». В компетенции местных органов будут церковные вопросы, управление начальным и средним образованием, местным хозяйством и частично суд, при максимальном приближении местных органов самоуправления к типу российских земских учреждений. С.Д. Сазонов предлагал расширить права польского языка, введя польский как язык преподавания в высших, средних и низших учебных заведениях при сохранении обязательного преподавания русского языка. Единого взгляда на польский вопрос в Совете министров не было. Манифест великого князя Николая Николаевича представлялся его членам совершенно излишним, напрасно беспокоящим польскую общественность. – *Примечание автора.*

⁹ Люблин – город на востоке Польши, административный центр Люблинского воеводства (в 1914 году губернский город Люблинской губернии). Расположен на Люблинской возвышенности, на реке Быстрице – левом притоке Вепжа. Население – 348 450 жителей (2010 год). – *Примечание автора.*

¹⁰ Люблин-Холмская операция: наступление 4-й и 5-й русских армий Юго-Западного фронта против 1-й и 4-й австро-венгерских в ходе Галицийской битвы. Она включала 2 встречных сражения. Первое, в районе Красника, состоялось 10–12 (23–25) августа, когда 4-я русская армия (109 тысяч человек, 426 орудий, командующий генерал А.Е. Зальц), начав наступление 10 (23) августа в направлении на Перемышль, встретила с 1-й австро-венгерской армией (228 тысяч человек, 468 орудий, командующий генерал В. Данкль), пытавшейся охватить её правый фланг. Генерал А.Е. Зальц решил, обороняясь 14-м корпусом у Красника, атаковать центр и правый фланг противника войсками 16-го и гренадерского корпусов. Боевые столкновения протекали с переменным успехом. В ходе двухдневных боёв у Красника 4-я русская армия отступила к Люблину. К исходу 12 (25) августа она закрепилась на рубеже Казимерж, Белжице, Пяски (20–45 км к западу, югу и юго-востоку от Люблина). Результат боя сделал австрийского генерала Данкля национальным героем, и ему был пожалован графский титул «граф фон Красник». За поражение под Красником семидесятилетний генерал А.Е. Зальц был отстранён от командования 4-й армией и его сменил энергичный пятидесятилетний генерал А.Е. Эверт. – *Примечание автора.*

¹¹ Ивангородская крепость (польск. Twierdza Dęblin) – русская крепость XIX века возле города Демблин. Построена в 1832–1847 годах инженер-полковником Рыдзевским по плану, разработанному Иваном Деном. Крепость представляла собой большое укрепление в виде пятиугольного форта. Впоследствии были построены три отдельных люнета. В 1847 году на левом берегу Вислы было построено предмостное укрепление – форт князя Горчакова. В 1872–1882 годах по плану Тотлебена вокруг цитадели было построено кольцо из 6 фортов. Они располагались по окружности радиусом 2,5 километра из центра большого укрепления, которое стало именоваться цитаделью. В начале 1900-х годов Ивангород приобрёл большое значение, сделавшись центром железных и шоссейных дорог. В 1909 году устаревшая крепость была упразднена, но в 1913-м восстановлена. К началу Великой войны она находилась в плохом состоянии. И без того устаревшие укрепления были частично разрушены временем и наводнениями от разливов Вислы. В начале войны крепость была восстановлена энергичными усилиями её нового коменданта А.В. Шварца. Возле крепости шли упорные бои между русскими и немецкими войсками, крепость была опорным пунктом русских войск во время Варшавско-Ивангородской операции. Во время советско-польской войны в 1920 году крепость использовалась польскими войсками как опорный пункт, от которого началось успешное контрнаступление поляков. Впоследствии крепость использовалась польской армией. – *Примечание автора.*

ного фронта. С 16 (29) августа 1-я гвардейская дивизия, а на следующий день 2-я гвардейская дивизия и гвардейская стрелковая бригада направлялись к Люблину.

В 23.30 17 (30) августа в Ставку поступил доклад полковника Новицкого, командира 21-го пехотного Муромского полка, который пробился с остатками своих частей из окружения в Восточной Пруссии. Утром 18 (31) августа пришло донесение штаба Северо-Западного фронта о разгроме 2-й армии генерала Самсонова. В немецкий плен попало около пятидесяти тысяч русских солдат и офицеров. Находясь под тяжёлым впечатлением от катастрофы в Восточной Пруссии, Ставка внесла изменения в стратегические планы.

К Люблину стягивались свежие части за счёт войск Варшавской группировки, что означало отказ от идеи наступления через Познань на Берлин. Туда же шли 3-й кавалерийский корпус и следовавший из Петрограда 22-й корпус, и некоторые другие части. Однако в ответ на переброску двух немецких корпусов из Франции директивой Ставки № 313 от 18 (31) августа 22-й корпус передавался на Северо-Западный фронт для формирования 10-й армии. К директиве прилагались «Стратегические соображения, предложенные на обсуждение штабу Северо-Западного фронта на основании положения дел на этом фронте к 19-му августа (1-му сентября)», подписанные начальником оперативного отделения Ставки полковником Щёлоковым. В документе этом говорилось о необходимости покинуть «Польский мешок». Юго-Западному фронту ставились сжатые сроки для нанесения мощного удара под Люблином, а в случае неудачи – отвести правый фланг фронта на линию Брест-Литовск – Кобрин. Колебания Верховного командования относительно дальнейшей стратегии и нервная обстановка в штабах всех уровней пагубно сказывались на состоянии дел в боевых частях.

Ставка торопила Юго-Западный фронт с завершением Люблин-Холмской операции. Штаб фронта давал указание командующему 4-й армии форсировать наступление. Из-за спешки штаб 4-й армии неоднократно посылал на фронт импровизированные отряды, почти без артиллерии, без средств связи, без должной ориентировки о местоположении врага и своих частей. У многих командиров не было топографических карт и планов. Не было времени на боевое слаживание... Ошибки штабов приводили к напрасным жертвам на поле боя.

Единоличным начальником в боях под Люблином был командующий 4-й армии генерал Эверт, сменивший семидесятилетнего генерала Зальца. 18 (31) августа на фронте левого фланга 4-й армии обстановка продолжала накаляться. В тот день армия занимала линию: Вонвольница – Хмельник – Петровиче – Яблонна – Хмель. В зоне боевых действий соседней 5-й армии противник занял город Красностав. О чём штаб Юго-Западного фронта получил от командующего 5-й армией генерала Плеве донесение с просьбой о помощи. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом приказал генералу Эверту немедленно оказать содействие левым крылом 4-й армии. Нервная атмосфера быстро передавалась по командной вертикали штабов. К тому же позешелонное прибытие в Люблин дивизий создавало соблазн бросать их на фронт частями, не дожидаясь полного формирования.

О том, что происходило в те дни в штабе 4-й армии, красноречиво написал известный военный учёный, профессор Николаевской академии Генерального штаба, генерал Н.Н. Головин: «...я зашел в отделение генкварма¹² и был поражен той суетливой примитивностью, с которой происходила оперативная работа. Применяемые методы могли быть допустимы в штабе полка, самое большое в штабе дивизии, но не в штабе армии. Все что происходило, наглядно показывало, что наштарм генерал А.Е. Гутор плохо представлял себе, как должно происходить оперативное управление Армии... Как правило, без исключения, приказания из Штаба армии получались с таким запозданием, что выполнять их было нельзя; как правило, нас без толку “дергали”, заставляя производить ненужные марши; в крити-

¹² Генерал-квартирмейстера. – *Примечание автора.*

ческие минуты мы оставались не только без указаний, но даже без ориентировки; это не мешало Штабу армии вмешиваться в подробности выполнения, которые всецело входили в круг обязанностей нашего начальника дивизии генерала князя Туманова...» (*Головин Н.Н. Русская армия в Великой войне. Дни перелома Галицийской битвы. Париж, 1940. С. 56*). Н.Н. Головин оказался среди молодых штабных офицеров – его учеников в Академии Генерального штаба. Возмущённые несоответствием требований военной науки и правды жизни, они в красках рассказали о пещерных методах управления войсками в штабе 4-й армии и подвергли их уничтожающей критике. Не желая подрывать авторитет их начальника, Н.Н. Головин не ответил на шквал вопросов и с тяжёлым сердцем уехал в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, которым в то время командовал.

В середине августа в Люблин подвозились части 82-й дивизии второочередной пехоты. Командовал ею шестидесятидвухлетний генерал Ф.А. Волошинов. Он без малого сорок пять лет отслужил в артиллерийских и пехотных частях. Гвардейским подпоручиком участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. С производством в чин генерала от инфантерии, в мае 1914 года Фёдор Афанасьевич Волошинов с почётом ушёл на пенсию. Не прошло и двух месяцев, как началась война и его вновь призвали в армию из отставки. Части его 82-й армейской дивизии состояли из второочередной пехоты. Их надо было выдержать в резерве и на второстепенных участках обороны, прежде чем применять для самостоятельного наступательного манёвра.

В восемь часов утра 18 (31) августа генерал Волошинов приехал в штаб 4-й армии для представления командующему. Первоначально генерал Эверт предложил дожидаться прибытия всех частей дивизии, а затем выдвинуть её в боевую линию. Однако, получив известие о занятии противником Красностава, он изменил своё намерение. После полудня генерала Волошинова вновь вызвали в штаб 4-й, где перед ним поставили новую задачу: «Имеющимися налицо силами 82-й пехотной дивизии, и 3-й Донской казачьей дивизии, “колонне генерала Волошинова”, перейти 19 августа (1 сентября) в наступление на Красновостав и овладеть последним». Генерал Эверт сообщил скудные сведения о численности, о действиях и о местоположении противника. Считалось, что Красновостав занят австрийским полком, усиленным артиллерией. Верстах в десяти или двенадцати справа от «колонны» находились части Гренадерского корпуса генерала Мрозовского, а впереди слева располагался правый фланг 25-го армейского корпуса 5-й армии.

Говоря о причинах неудач в войне с Японией, Императорская Николаевская военная академия указывала на частое нарушение высшим командованием организации войск. Сказывалась привычка побеждать наскоро созданными отрядами, что широко применялось в Русско-турецкой войне и конфликтах колониального характера. Ведение боевых действий подобным способом против передовых армий неизбежно привело бы к неоправданным потерям и поражению. Однако в штабе 4-й армии в августе 1914 года широко использовали устаревшие методы «отрядной войны».

Днём 18 (31) августа для ликвидации возникшей опасности в направлении Красностава был выдвинут наскоро созданный отряд. Он получил название «колонна генерала Волошинова». Местом сбора стала деревня Суходолы, с прилегающей к ней с севера деревне Седлишка Вельке и расположенной южнее Издиковской Воле. «Колонна» состояла из частей 3-й Донской казачьей дивизии генерала Евреинова с десятью орудиями двух артиллерийских батарей и полутора необстрелянных полков 82-й пехотной дивизии. Причём отряд не имел пулемётов и средств связи, не хватало полевых кухонь и многого другого. Пехота не имела артиллерии. Громоздкая «связь людьми» в условиях быстрой смены оперативной обстановки приводила к суете и неразберихе. К тому же чины штаба и штабное имущество были в пути и прибыли на станцию Травники лишь на следующий день к трагическому концу боя «колонны». В распоряжении генерала Волошинова находились лишь начальник

штаба и старший адъютант. У них не было ни средств, ни времени для устройства связи со штабом 5-й армии и соседним Гренадерским корпусом. Хотя попытки такие делались – к генералу Мрозовскому отправили офицера с просьбой дать ориентировку об обстановке на фронте, о расположении левого фланга Гренадерского корпуса и о его действиях 19 августа (1 сентября). Однако в ответ никаких сведений не поступило.

Как пишет генерал Н.Н. Головин, «...“колонна ген. Волошинова” представляла собою типичный продукт канцелярского творчества штаба армии, сымпровизировавшего отряд, и не побеспокоившегося о том, чтобы приезжающему начальнику, по крайней мере, не приходилось бы самому разыскивать назначенные к нему в отряд части. Сила “колонны ген. Волошинова”, которая рисовалась в соображении штаба 4-й армии в две дивизии – одну пехотную и одну кавалерийскую, на самом деле не достигала даже одной пехотной бригады, ибо... при пехоте не было артиллерии, так как имевшиеся при 3-й Донской казачьей дивизии две конные батареи, из 10 орудий, были органически связаны с конными частями» (*Головин Н.Н. Русская армия в Великой войне. Дни перелома Галицийской битвы. Париж, 1940. С. 43.*). В таких условиях не много шансов оставалось у начальника «колонны» для выполнения приказа штаба 4-й армии.

Уже ночью, за несколько часов до выступления, генерал Волошинов сообщил командиру 3-й Донской казачьей дивизии о поставленной задаче. На разведку не было времени. Второпях собирались разбросанные на большой территории сотни. В августе казачьи полки не отдыхали, имея задачу прикрывать левый фланг гренадерского корпуса и поддерживать связь с правофланговым 25-м корпусом 5-й армии. Телефоны в дивизии отсутствовали. Ежедневно большой наряд казаков шёл на розыски штабов, обозов, на обслуживание пехоты. Люди и лошади устали, измотанные не столько боями, сколько бесконечными перемещениями днём и ночью. По мнению старшего адъютанта дивизии И.Г. Акулинина, 18 (31) августа «не было ясного представления – ни о задачах дивизии, ни об окружающей обстановке». Считалось, что впереди находятся два полка австрийской пехоты. На самом деле путь «колонне генерала Волошинова» на Красностав преградила целая усиленная дивизия.

Не имея истинных сведений о противнике, «колонна» шла «на авось». 19 августа (1 сентября) в 6 часов утра её боковой авангард двигался от деревни Седлиска Велька к фольварку Марысин. Головные русские разъезды ещё не достигли фольварка, когда австрийцы открыли по «колонне» мощный пулемётный и ружейный огонь. Первые же минуты боевого столкновения принесли большие потери необстрелянной пехоте 325-го Царевского полка. Его командир полковник Кириллов получил смертельную рану в числе первых.

Разыгрался ожесточённый встречный бой. Русская пехота с одними винтовками густыми цепями атаковала австрийские пушки и пулемёты. Главные силы генерала Волошинова вытянулись в походную колонну от южной окраины деревни Суходолы к шоссе на Красностав. Австрийцы атаковали её со стороны деревни Лопенник Ляцкий. Неожиданное появление противника привело к суете и неразберихе. Неприятель решил взять «колонну» в клещи, обходя её с обоих флангов. Цепи австрийской пехоты развернули решительное наступление одновременно от фольварка Марысина и Лопенник Ляцкий. В ответ батальоны 326-го Белгорайского полка развернулись в боевой порядок, но не выдержали натиска противника и начали отходить. На винокурном заводе в господском доме Сельдиска Вельке прогремел взрыв и вспыхнул пожар. Вокруг обозов и штабных повозок началась паника. Она быстро передалась в войска, приближая трагическую развязку неравного боя. Густые клубы дыма, объятые пламенем построики, беспорядочно скачущие повозки, испуганные возгласы обозных, вносили смятение в ряды солдат и казаков. Общие потери необстрелянной «царицы полей» доходили до шестидесяти процентов личного состава. Несмотря на энергичные усилия офицеров, на мужество и стойкость отдельных рот и взводов, отступление местами превратилось в беспорядочное бегство. Паника передавалась в войска. Основ-

ная масса солдат неудержимо покатила к деревням Пяски и Бискупице. Некоторые казачьи сотни не выдержали огня противника и в замешательстве отскочили за железную дорогу и в северо-западном направлении. Сохранившие боеспособность части 3-й Донской дивизии пытались удержаться на высотах восточнее Красноставского шоссе, но, теснимые австрийской пехотой с фронта и с левого фланга, постепенно отошли к деревне Олесники. Деревня и вся окружающая местность находились в сфере артиллерийского и пулемётного огня неприятеля. Вскоре казакам пришлось искать другой рубеж обороны.

К десяти часам утра деревни Седлиска Велька, Суходолы и Воля Издиковска заняла австрийская пехота. Противник, имея превосходство сил и огневых средств, через четыре часа боя наголову разбил «колонну генерала Волошинова» и устремился к стратегически важному железнодорожному узлу – станции Травники, где в результате паники интендант поджёг склады. Тыловые обозы ринулись на северо-запад, запрудив дорогу. Ожидая с минуты на минуту прибытия эшелонов с подкреплением, генерал Евреинов ядром своей дивизии прикрыл станцию. Для охраны железнодорожного моста через реку Вепрж он отправил доблестного генерала Е.Ф. Кунакова с тремя казачьими сотнями при двух орудиях. Умело организованная оборона позволила на исходе дня пресечь все попытки австрийской пехоты и кавалерии перерезать железнодорожную линию. К ночи начальник дивизии приказал отряду двинуться на деревню Дорогуш. По инициативе подъесаула И.Ф. Быкадорова, для охраны моста осталась одна казачья сотня, которая всю ночь отбивала неприятельские атаки. Не зная об опасности, ночным поездом из Холма проехал начальник штаба Юго-Западного фронта генерал Алексеев... Австрийская артиллерия сосредоточила огонь по району железной дороги, станции и шоссе к мосту, где скопилось много обозов и транспортов, уходивших прочь от фронта. Общими усилиями доставленных эшелонами свежих частей 3-го кавказского корпуса, 82-й пехотной дивизии и остатков разбитой «колонны» станцию Травники удалось отстоять.

Днём 19 августа (1 сентября) в Люблин поступили донесения, что колонна генерала Волошинова разбита, что обозы в панике бегут в Люблин, что горят интендантские склады в Травниках. Командующий 4-й армией вызвал к себе начальника 1-й гвардейской дивизии генерала Олохова^[7] с его начальником штаба полковником Рыльским. По свидетельству офицера лейб-гвардии Егерского полка Н.И. Скорино, состоявшего в те дни при генерале Олохове в качестве ординарца, генерал Эверт кратко обрисовал обстановку на фронте. Он указал на угрозу железнодорожной линии Ивангород – Холм, на потери армии и предложил утром следующего дня дать встречный бой в районе деревень Суходолы и Седлиска Вельке. Генерал Олохов высказался, что для наступления сил недостаточно, что на 19 августа (1 сентября) в его распоряжении только Петровская бригада, лейб-гвардии Егерский полк и три батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Не желая слушать возражения, генерал Эверт категорическим тоном подтвердил приказ – утром следующего дня атаковать противника и отдал распоряжение о подчинении гвардейцев командиру Гренадерского корпуса генералу Мрозовскому. Далее Н.И. Скорино пишет: «Около пяти часов дня в Штаб дивизии прибыл офицер из Штаба Армии и передал мне кусок бумаги, на котором было написано всего несколько строк. Взяв в руки бумагу, я прочел с удивлением подписанное генералом Эвертом приказание дивизии немедленно выступить на фронт и утром 20-го атаковать и разбить противника. Меня очень удивило, что такой важный документ был прислан в виде простой записки и при этом даже не в конверте» (*Головин Н.Н.* Русская армия в Великой войне. Дни перелома Галицийской битвы. Париж, 1940. С. 57). Н.И. Скорино передал приказ генерала Эверта старшему из присутствующих в штабе 1-й гвардейской дивизии начальников – командиру лейб-гвардии Егерского полка генералу Буковскому. В своих воспоминаниях «Лейб-егеря в Великую войну (воспоминания командира полка)» он подтверждал, что получил его на клочке бумаги, и привёл текст приказа: «Противник в превосходных силах

прорывается к станции Травники. Гренадерский Корпус, изнемогая в борьбе, понес большие потери; предписываю дивизии немедленно выступить в направлении на... и разбить противника».

Вновь штаб 4-й армии применил методы «отрядной войны», отправляя на фронт формирования, лихорадочно собранные из того, что оказалось под рукой, без необходимых огневых средств и данных разведки. Понимал ли в тот момент генерал Эверт всю меру ответственности за введение в бой Старой гвардии? Ведь Старая гвардия не отступит, не сдастся в плен. Она – или погибнет, или победит, но победа эта будет пирровой...

Тут мы подходим к большому вопросу об отношении государства и власти к национальной элите во всех сферах жизни. В наши дни он звучит с новой остротой. Потеря элиты не компенсируется ничем!..

Штаб 4-й армии расставлял на топографической карте флажки, словно фигуры на шахматной доске. На что надеялись «гроссмейстеры» в генеральских погонах, жертвуя ферзём в обмен на пешку? Можно возразить, что регулярные войска должны быть готовы к форсажу в случае необходимости. Что после взятия неприятелем Красностава, разгрома колонны генерала Волошинова такой момент настал. Но так ли необходима была эта жертва? Для ответа обратимся к воспоминаниям авторитетного генштабиста генерала Головина: «Отряд генерала Мрозовского, силой в 40 батальонов, 10 батарей и 18 сотен, должен был встретиться 20 августа (2 сентября) с 2,5 пехотными дивизиями и маршевой бригадой X А.-В. корпуса, силой в 37 батальонов, 16 батарей и 5 эскадронов.

Таким образом, преимущество в огневой силе было на стороне нашего врага. Но начиная со следующего дня, несмотря на подход к боевой линии X А.-В. корпуса третьей его пехотной дивизии (45-й), преимущество в силах переходило на нашу сторону, так как у нас заканчивалось сосредоточение частей Гвардейского и III Кавказского корпусов, а в тыл X А.В. корпуса выходил наш XXV корпус. При такой стратегической обстановке нам совсем не нужно было торопиться с атакой. Напротив того, встретив атаку X А.-В. корпуса на позициях Гренадерского корпуса, мы выиграли бы время для более глубокого выхода в тыл X А.-В. корпусу, не только нашего XXV арм. корпуса, но и следовавшего уступом левее его другого корпуса армии ген. Плеве – XIX. Упорствующему в своем наступлении генералу Гуго Мейкснеру¹³ грозило бы полное окружение всего его корпуса» (*Головин Н.Н. Русская армия в Великой войне. Дни перелома Галицийской битвы. Париж, 1940. С. 63*). 20 августа (2 сентября) у отряда генерала Мрозовского было достаточно сил и огневых средств для крепкой обороны, что позволяло сковать и измотать наступающего противника. Уже на следующий день, после подхода подкреплений и флангового удара частей 5-й армии, складывалась удобная ситуация для активных боевых действий для завершения окружения и разгрома X австро-венгерского корпуса. Лихорадочно собранные отряд генерала Мрозовского и колонна генерала Волошинова действовали сами по себе в условиях информационного вакуума. Не было должного согласования действий между штабами 4-й и 5-й армий. Не ощущалось твёрдого управления войсками со стороны штаба Юго-Западного фронта. Оперативная близорукость и стратегическая недалёковидность штабов всех уровней, а также склонность командования 4-й армии к ведению боевых действий авантюрами, ненаучными методами «отрядной войны» привели сначала к разгрому колонны генерала Волошинова, а затем к неоправданным тяжёлым потерям в рядах Гвардейского корпуса.

Интересно, что в то же самое время на правом фланге 4-й армии генерал Эверт проводил боевую операцию по всем правилам военного искусства. Там он стремился лишить свободы действий части генерала Данкля и не дать ему сосредоточить крупные силы на своём ударном правом фланге. Эффективно использовались аэропланы для воздушной раз-

¹³ Командир X австро-венгерского корпуса. – *Примечание автора.*

ведки, что позволило быстро выявить основные укрепленные районы австрийцев на рубеже реки Ходель. На южном берегу русские войска занимали небольшой плацдарм в два-три километра, где неприятель и ожидал от них активных боевых действий. Однако атаковать там пришлось бы по гласису¹⁴ неприятельских позиций, без должной поддержки артиллерии и без удобных наблюдательных пунктов, что грозило большими потерями. В то же время сильная австрийская позиция на северном берегу реки имела форму выступа, охваченного расположением русских войск. На холмистой местности имелось несколько хороших точек обзора. Здесь русское командование и решило нанести главный удар.

Генерал Эверт дал возможность 18-му корпусу собраться за правым флангом 4-й армии и только тогда отдал приказ о наступлении. Упорядоченное оперативное руководство сразу же привело к серьезным тактическим успехам. В 6 часов утра 20 августа (2 сентября) русские части силами 18-го корпуса, правым крылом 14-го корпуса и 13-й кавалерийской дивизии перешли в решительное наступление. Бои 20 и 21 августа (2 и 3 сентября) на реке Ходель завершились поспешным отходом австрийских частей с хорошо укрепленных позиций. В итоге австрийское командование отказалось от переброски целой пехотной дивизии на свой ударный правый фланг, что существенно облегчило положение корпуса генерала Мрозовского, в составе которого сражалась 1-я гвардейская дивизия.

Эшелон с пулемётной командой и штабом лейб-гвардии Преображенского полка неожиданно встал, не доезжая Люблина. По распоряжению коменданта станции командир полка приказал выгружаться. Вскоре выяснилось, что распоряжение ошибочное и надо продолжить движение. Невероятно быстро и слаженно прошла погрузка. От отдачи приказа до заведения последней лошади в вагоны потребовалось всего тридцать две минуты...

Ранним утром 18 (31) августа эшелоны лейб-гвардии Преображенского полка подошли к Люблину. На люблинском вокзале преображенцы увидели большое скопление раненых. На выходе из города тоже часто встречались одиночные легкораненые солдаты Гренадерского корпуса, шедшие с близлежащих позиций. На жадные расспросы о положении на фронте они с пессимизмом отвечали:

– Давно отступаем...

– Зачем это вы отступаете? – прищутив глаза, улыбались преображенцы.

– Так как нет возможности держаться... А вы, братцы, куда идёте?

– Австрийцев бить!

– Австриец сила! Валит видимо-невидимо, – едко шутили егеря. – Иди, иди. Он те покажет...

Преображенцы смеялись и быстро проходили мимо. Полк походным порядком двинулся сначала на юго-юго-восток от Люблина. 1-я гвардейская дивизия собиралась по мере прибытия эшелонов в районе Глуска, что примерно в восьми километрах к югу от Люблина. После продолжительного перехода полк остановился вблизи небольшого леса. Вечером 19 августа (1 сентября) далеко впереди впервые были замечены высокие облачка красноватого дыма – разрывы австрийских шрапнелей. Фронт был совсем рядом.

Около 18 часов полковник граф Игнатьев получил пакет от командира дивизии с приказом немедленно выдвинуться к боевой линии. Наспех поужинали, свернули палатки и двинулись в поход. Настроение у всех было приподнятое. Солдаты шли бодро, в ротах весело гремели русские песни. В полной темноте около 23 часов преображенцы пришли в небольшое селение, деревню Майдан Козице, где остановились на короткий отдых. Осенняя ночь и морозящий дождь многим напоминали красносельские маневры.

¹⁴ Гласис (*фр.* *glacis*, *лат.* *glatia* – покатость, гладкая длинная отлогость) – в фортификации: пологая земляная насыпь, а также естественная пологость перед наружным рвом крепости или укрепленной позиции. Гласис улучшал условия обстрела впередилежащей местности, способствовал маскировке укрепления. – *Примечание автора.*

Командир полка, собрав в одной из хат старших офицеров и начальников команд, прочитал им диспозицию на следующий день. Свидетель совещания барон С.А. Торнау писал: «Судя по диспозиции, положение было очень тяжелое. Гренадерский корпус, ослабленный непрерывными боями, представлял из себя ничтожную боевую силу, и отходил на север. Стратегически важная линия Люблин – Холм находилась под непосредственным ударом противника, и неприятельская артиллерия уже обстреливала станцию Травники. Петровской бригаде приказано было восстановить положение» (*Торнау С.А. С родным полком (1914–1917)*. Берлин, 1923. С. 20). Петровская бригада входила в состав 1-й гвардейской дивизии, которая, в свою очередь, входила во вновь сформированную 9-ю армию. Ею командовал участник Русско-японской кампании генерал Платон Алексеевич Лечицкий, имевший репутацию боевого генерала. Бригада состояла из лейб-гвардии Преображенского и лейб-гвардии Семёновского полков со своей артиллерией, что находилась в пути. Другие части 1-й гвардейской дивизии были ещё на подходе и не могли принять участие в деле. Командир полка отметил, что бой будет встречный¹⁵, а значит – ожесточённый, маневренный и скоротечный; что при любом раскладе отдавать приказ об отходе он не намерен. Без лишних слов офицеры поняли, что настало время каждому исполнить свой долг, что Старая гвардия не имеет права отступить в первом же бою. Томительно тянулись последние ночные часы...

¹⁵ Встречный бой: наступление на наступающего противника, где обе стороны одновременно атакуют, отражают контратаки врага или вводят при обороне резервы для ликвидации прорывов фронта – стремятся захватить инициативу при помощи высокой активности и решительности действий. – *Примечание автора.*

Глава вторая. Первый бой старой гвардии

По замыслу командования 4-й армии, 19 августа (1 сентября) 1914 года части 1-й гвардейской пехотной дивизии влились в наскоро сколоченный отряд генерала Мрозовского. Его состав был довольно пёстрым – отдельные части семи пехотных и одной конной дивизии. Большие массы пехоты численностью около 40 батальонов – сила полутора корпусов, имели только 8 пеших и одну конную батарею. 76 орудий противостояли шестнадцати австрийским батареям. Многие полки вообще не имели артиллерии¹⁶.

Лейб-гвардии Измайловский полк и три гвардейские батареи находились ещё в пути. Их появление ожидалось к вечеру 20 августа (2 сентября). Однако штаб 4-й армии, под впечатлением от прорыва австрийских войск у станции Травники, торопил генерала Мрозовского, который решил наступать, не дожидаясь подхода измайловцев и недостающей гвардейской артиллерии. 19 августа (1 сентября) он отдал приказ – на рассвете следующего дня атаковать неприятеля, занявшего позицию к западу от деревень Седлиско Вельке, Суходолы и Воля Издиковская. Тактика встречного боя сводилась к лобовой пехотной атаке, смонтированной в условиях спешки. Была ли острая необходимость форсировать события, посылая в наступление не собранные полностью, измотанные переходом войска, или можно было подождать один-два дня, находясь в обороне? В чём заключался стратегический расчёт? Приведём мнение генерала Н.Н. Головина: «Отряд ген. Мрозовского, силой в 40 бтл., 10 бтр. и 18 сотен, должен был встретиться 20-го августа (2 сентября) с 2,5 пех. дивизиями маршевой бригады X А.-В. корпуса, силой в 37 бтл., 16 бтр. и 5 эск.

Таким образом, преимущество в огневой силе было на стороне нашего врага. Но начиная со следующего дня, несмотря на подход к боевой линии X А.-В. корпуса третьей его пех. дивизии (45-й), преимущество в силах переходило на нашу сторону, так как у нас заканчивалось сосредоточение частей Гвардейского и III Кавказского корпусов, а в тыл X А.-В. корпуса выходил наш XXV корпус. При такой стратегической обстановке нам совсем не нужно было торопиться с атакой. Напротив того, встретив атаку X А.-В. корпуса на позициях Гренадерского корпуса, мы выиграли бы время для более глубокого выхода в тыл X А.-В. корпусу, не только нашего XXV арм. корпуса, но и следующего уступом левее его другого корпуса ген. Плеве – XIX.

Упорствующему в своём наступлении ген. Гуго Мейснеру грозило бы полное окружение всего его корпуса.

Отсюда видно, что спешно смонтированная атака отряда ген. Мрозовского являлась стратегически преждевременной» (*Головин Н.Н. Русская армия в Великой войне. Дни перелома Галицийской битвы. Париж, 1940. С. 63*).

Наступление гвардии планировалось через позицию гренадерского корпуса. Она простиралась от деревни Пиотрков к Ольшанскому лесу на колонию Хойны, далее тянулась на

¹⁶ Состав отряда генерала Мрозовского к рассвету 20 августа (2 сентября) 1914 года. Находились вблизи деревни Гардзеве к полудню 19 августа (1 сентября): 1-я гренадерская дивизия: 1 батальон 2-го Ростовского и 1 батальон 4-го Несвижского полков; 2-я гренадерская дивизия: по четыре батальона 6-го Таврического, 7-го Самогитского и 8-го Московского полков, 5 батарей 2-й гренадерской артиллерийской бригады; 83-я пехотная дивизия: 4 батальона 331-го Златоустовского полка. После неудачного боя у деревни Суходолы разрозненные части «колонны» генерала Волошинова собрались у деревень Пяски и Бискупице: 3-4 тысячи штыков 325-го Царевского и 326-го Белгорайского полков. В ночь на 20 августа (2 сентября) к деревне Пяски подошли 4 батальона 81-го Апшеронского полка (21-я пехотная дивизия). К ночи на 20 августа (2 сентября) в районе деревни Майдан Козице собралась большая часть 1-й гвардейской дивизии: по 4 батальона лейб-гвардии Преображенского, лейб-гвардии Семёновского и лейб-гвардии Егерского полков, 3-я, 5-я и 6-я батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады; отдельные части 52-й пехотной дивизии силой до трех батальонов; 18 сотен кавалерии и две конные батареи. Таким образом, общая численность отряда составила: около 40 батальонов пехоты, 18 сотен кавалерии, 8 пеших и 2 конные артиллерийские батареи. – *Примечание автора.*

Волю Гадзеницкую, а затем вдоль реки Гелчев. Во время наступления правый фланг гвардии мог опасно открыться. Поэтому план разворачивания дивизии гласил – наступая, полкам следовало двигаться уступами слева, что снижало риск охвата противником правого фланга дивизии, но вместе с тем создавало условия для сложной организации боя.

Передовой левый уступ образовывал лейб-гвардии Егерский полк с приданными ему 5-й и 6-й батареями 2-го дивизиона лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Вектор наступления егерей смотрел на фольварк Жеготов. Сосед слева – 7-й гренадерский Самогитский полк 2-й гренадерской пехотной дивизии, собранной у деревни Гардзеницы и имевшей задачу в итоге боя овладеть деревней Суходолы. Справа от егерей, при огневой поддержке 3-й батареи 1-го дивизиона лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады, уступом назад разворачивался лейб-гвардии Семёновский полк. Перейдя реку Гелчев между деревнями Владиславов и Выгновице, семёновцы должны были наступать на высоту, расположенную севернее фольварка Анусин. Ещё правее, без артиллерии, уступом назад, располагался лейб-гвардии Преображенский полк с задачей двигаться через деревни Стрыйна и Владиславов и занять господствующие высоты 106 и 119.

На долю преображенцев выпала наиболее трудная задача – обеспечение правого фланга дивизии, за которым располагались поредевшие полки Гренадерского корпуса. В предшествующие боевые дни они потеряли от 30 до 50 процентов штатного состава, что подорвало их боеспособность. Гренадеры едва сдержали натиск 37-й австрийской гонведной пехотной дивизии. Ей удалось продвинуться до края долины речки Ольшанки, впадавшей у деревни Стрыйна в реку Гелчев, и создать угрозу правому крылу преображенцев. 37-я гонведная дивизия составляла правый фланг V австро-венгерского корпуса и наступала на север от Крщонова, стремясь сомкнуться с левым флангом X австро-венгерского корпуса. Логика подсказывала, что и 20 августа (2 сентября) наступление австрийцев на данном участке фронта возобновится. Однако лейб-гвардии Преображенский полк не получил в своё распоряжение ни одного орудия, что обрекало его на неоправданные потери.

Кроме того, офицерский состав гвардейских полков до вечера 19 августа (1 сентября) не знал оперативной обстановки, не знали гвардейцы и об особенностях местности в районе будущего сражения, о чём красноречиво свидетельствует семёновец полковник Зайцов 1-й: «Общая обстановка, кроме ощущения близости боя, была, однако, полку совершенно неизвестна. Мало того, спешная переброска полка в состав 4-й армии (генерала Эверта) под Люблин не позволила высшим штабам снабдить полк даже картами нового района. Как это ни может сейчас показаться невероятным, но на полк была выдана только **одна** двухверстная карта окрестностей Люблина. В этой смутной и тревожной обстановке полк простоял первую половину дня 19 августа» (*Зайцов А.А.* Семёновцы в 1914 году. Гельсингфорс, 1936). Даже командиры батальонов не обеспечивались картами. Они имелись только у командиров полков. Как выяснилось позже, карты эти оказались не двухвёрстными, а устаревшими трёхвёрстными, из-за чего в ходе боя возникло немало трудностей. Как с горечью отметил Н.Н. Головин, анализируя причины тяжёлых потерь Петровской бригады: «Неточная карта (3-верстка), – пишет ком. Л.-Гв. Егерского полка, – дала повод к некоторым недоразумениям в течение боя. Объемы лесных площадей на картах не отвечали действительности». (*Головин Н.Н.* Русская армия в Великой войне. Дни перелома Галицийской битвы. Париж, 1940. С. 70.) Он же сделал вывод, что отсутствие карт привело к целому ряду ошибок в воспоминаниях участников боя, путанице в наименовании высот, складок местности и деревень.

Накануне боя в штабе 1-й гвардейской дивизии царила хмурая атмосфера. По свидетельству Н.И. Скорино, приведённому Н.Н. Головиным, причиной тому стало посещение гвардейским начальством штаба Гренадерского корпуса. Вот что он отмечал: «Все они имели озабоченный вид, были молчаливы, и даже обычно веселый и разговорчивый ген. Бринкен был молчалив и задумчив.

По словам ординарца бригадного командира Л. Гв. Преображенского полка, Малецкого^[8], на них сильно подействовало печальное последствие обычной резкости ген. Мрозовского. Он более чем грубо обрушился на приехавшего в штаб, по его вызову, ком-ра Несвижского гренадерского полка, полковника Герцыга. Резко обвиняя его в неудачных действиях полка и угрожая отрешением “по несоответствию”, он настолько мало стеснялся в выборе своих выражений, что полковник Герцыг, чувствуя себя оскорбленным свыше всякой меры, вернувшись в полк, застрелился в своей палатке.

Из разных фраз, которыми время от времени обменивались генералы, мы скоро поняли, что подпоручик Малецкий не вполне прав. Конечно, смерть брата любимого и уважаемого к-ра 2-й бригады (1-й гв. пех. дивизии) ген. м. Герцыга... вызывала у них естественное чувство горечи и сожаления о погибшем, но больше и прежде всего их угнетало беспокойство за грядущий день и неуверенность в успешности выполнения поставленной командующим армией задачи» (*Головин Н.Н.* Русская армия в Великой войне. Дни перелома Галицийской битвы. Париж, 1940. С. 64).

Суетливый и нервный взгляд командования 4-й армии и Гренадерского корпуса на прорыв австрийцев у Травников мог привести к непоправимой ошибке – истреблению элиты императорской армии в первом же бою. Бою, который, по мнению Н.Н. Головина, был совершенно не нужен. Как мы уже говорили, стоило подождать сутки, находясь в обороне, и ситуация на фронте коренным образом менялась в пользу русской армии. И тогда собранные в кулак четыре полка 1-й гвардейской дивизии с артиллерией могли нанести сокрушительный контрудар. Но штаб 4-й армии, не разобравшись в оперативной обстановке, решил иначе. Не успевшую собраться гвардию он суетливо бросал в огонь, подобно издёрганному карточному игроку, что кроет козырным тузом шестёрку.

В 7 часов утра 20 августа (2 сентября) 1-я гвардейская пехотная дивизия сосредоточилась в лесу к северу от деревни Стрыйна. К 8 часам, согласно установленной командованием диспозиции, полки развернулись фронтом на юго-восток по линии реки Гелчев.

Лейб-гвардии Преображенский полк разворачивался от деревни Хойны, где находился с двух часов ночи на привале. Общий вектор направления атаки преображенцев указывал через деревни Стрыйна и Владиславов на высоту 106.

Батальоны преображенцев разошлись в назначенные места. В боевую линию пошли 1, 2 и 4-й батальоны, каждому из которых был придан пулемётный взвод. С ними установили телефонную связь. Отсутствие карт заставило командира полка графа Игнатьева распорядиться снимать с убитых австрийских офицеров походные сумки и карты. Штаб полка расположился на пологом скате, который спускался в лощину, где находилась деревня Владиславов. На склоне окопались части Гренадерского корпуса генерала Мрозовского. Сзади – роща с гренадерскими обозами и переполненными лазаретами.

Накануне было пасмурно и моросил дождь, а к восходу солнца тучи рассеялись. Со стороны неприятеля – тихо. Казалось, вся природа замерла в ожидании чего-то нового, необычного. Ни выстрел, ни крик не нарушали покоя дивного августовского утра. К Владиславу, словно на манёврах, спускались ровные цепи 1-го батальона флигель-адъютанта полковника герцога Н.Н. Лейхтенбергского^[9]. В его расположение вклинилась колонна 2-го батальона полковника Казакевича^[10]. В результате рота Его Величества осталась справа от 2-го батальона, а 2-я и 3-я роты – слева. Прикрывая разворачивание батальонов, далеко вперёд ушла 4-я рота штабс-капитана Кутепова. Он стремился опередить австрийцев и занять ключевую высоту 106 до подхода главных сил 1-го батальона.

Уступом справа на расстоянии полуверсты за 2-м батальоном шёл 4-й батальон полковника графа Литке^[11], назначенный в полковой резерв. 3-й батальон располагался позади центра наступления полка и до поры оставался в резерве командира дивизии. При каждом батальоне находился пулемётный взвод. На левом фланге действовал лейб-гвардии Семё-

новский полк. Без поддержки артиллерии через деревни Стрыйна и Владиславов преобращенцы наступали на высоты, занятые Х австрийским корпусом.

Далеко впереди цепей кружили разъезды конной разведки и шли полковые разведчики. Переправившись через речку Гелчев и пройдя деревню Владиславов, первыми вступили в бой конные разведчики. Они напоролась на ружейный и пулемётный огонь вражеской пехоты. Это наступала 2-я австро-венгерская пехотная дивизия, левое крыло которой касалось деревни Ченстоборовицы. Австрийские цепи выходили из леса неподалёку от юго-восточной окраины Владиславова. Заговорила вражеская артиллерия. Разорвавшейся гранатой сильно контузило в правый глаз помощника начальника конных разведчиков, подпоручика барона Торнау 2-го^[12]. Однако он оставался со своими разведчиками до конца боя и лишь затем отправился на перевязочный пункт, откуда на несколько месяцев уехал на лечение в Петроград.

Вскоре начальник пеших разведчиков – поручик Эллиот 2-й прислал командиру полка ценные сведения о положении частей Х австро-венгерского корпуса. Выяснилось, что его левофланговая 2-я пехотная дивизия, наступала под углом к расположению преображенцев и на левом (западном) берегу реки Гелчев части неприятеля находились на расстоянии 1–2 километров от реки. Кроме того, южнее высоты 119, где ожидалось наступление 37-й гонведной дивизии – правого фланга V австро-венгерского корпуса, неприятель не обнаружен. Следовательно, заняв высоту 119 до подхода австрийцев, преобращенцы могли вклиниться между вражескими корпусами и даже выйти в тыл 2-й пехотной дивизии.

Вскоре пришло донесение командиру полка, что доблестный поручик Эллиот 2-й^[13] пал, сражённый пулей вблизи от австрийских окопов. Солдаты вынесли его тело в тыл. Полк принёс первую кровавую жертву войне. Полковник граф Игнатьев и присутствующие офицеры молча сняли фуражки и перекрестились.

Бой разгорался. То бегом, то шагом, цепи передовых батальонов устремились в ложину, на дне которой у речки Гелчев находилась деревня Стрыйна. Первый батальон двигался к высоте 106, второй – к деревне Владиславов. Грозно гремели вражеские пушки. Над головами наступающих рот густо рвались шрапнели, а гранаты поднимали столбы из комьев земли и едкого дыма. Появились первые раненые. Однако цепи не сбавляли темп наступления. Великаны-преобращенцы без остановок и перебежек в полный рост шли вперёд и бодро равнялись, словно на учении.

Под оглушительный треск и вой шрапнелей русские цепи вошли в деревню Стрыйна. От разрывов вражеских гранат вокруг полыхали и рушились избы. Впереди, увлекая за собой солдат, неизменно бежал капитан Веденяпин^[14] с криками: «Третья рота, за мной!» По мосту 1-й и 2-й батальоны перешли речку Гелчев и вошли в подожжённый вражеской артиллерией Владиславов. Полковник Казакевич остановился посреди деревенской улицы, пропуская вперёд роты, весело размахивал руками и, как всегда, громко острил:

– Австрийцы стреляют горохом, а потому не балдей!

А вокруг оглушительно рвались гранаты и шрапнели, сжигая дома и калеча людей.

За рекой начинался подъём в гору со дна ложины. В это время к орудийным залпам австрийских орудий присоединился ураганный ружейный и пулемётный огонь. Сквозь грохот боя слышались отрывистые команды офицеров, их призывы не замедлять движения. От вражеского огня преобращенцы несли ощутимые потери. Пороховой дым и пыль от разрывов снарядов стояли сплошной пеленой, затрудняя видимость, но цепи не снижали темп наступления. Не обошлось без недоразумения. Согласно диспозиции, лейб-гвардии Семёновский полк наступал впереди уступом слева. Роты 1-го батальона двигались так быстро, что семёновцы приняли их за бегущих австрийцев и вскоре их пули засвистели в спину преобращенцам.

Вскоре на возвышенностях восточного берега реки Гелчев и в самой деревне Владиславов разгорелся жестокий встречный бой.

Двигаясь во главе первого батальона, 4-я рота штабс-капитана Кутепова ушла далеко вперёд. Около половины восьмого она сбила боевое охранение неприятеля, а затем овладела ключом позиции – высотой 106 и под огнём стала укрепляться на ней. «Богатый опытом японской кампании, Кутепов давал ценные советы своим товарищам – ротным командирам 1-го батальона, в первом же бою проявил во главе своей роты чудеса храбрости и дал доказательства глубокого понимания военного искусства», – писал полковник В.В. Свечин (*Свечин В.В. Генерал Кутепов (сборник статей)*. Париж: Издание комитета имени генерала Кутепова, 1934. С. 193).

Штабс-капитан Кутепов послал донесение своему командиру батальона о взятии высоты и стремительно оценил обстановку. Высота 106 господствовала над окружающей местностью. Впереди разворачивались цепи австрийцев с целью вернуть утраченную ключевую возвышенность. Сзади, осыпаемые вражеской шрапнелью, быстро подходили роты 1-го и 2-го батальонов. Несмотря на критическое положение своей роты, штабс-капитан Кутепов твёрдо решил удерживать высоту 106 до подхода подкрепления.

Стремясь перехватить инициативу, лежавшие перед 4-й ротой густые австрийские цепи поднялись в решительную контратаку и пользуясь превосходством в численности ворвались в расположение преображенцев. На скатах и на гребне высоты закипел рукопашный бой. Положение спас капитан Веденяпин. Он со своей 3-й ротой первым пришёл на помощь оборонявшим высоту. Австрийские цепи не выдержали и отхлынули. Русские стрелки проводили их метким ружейным огнём. В это время без ранцев и сапёрных лопаток на гребень поднялась 2-я рота капитана князя Аргутинского-Долгорукова^[15] и влилась в интервалы 3-й и 4-й рот. Чины 1-го взвода пулемётной команды поручика Моллера 1-го^[16] втащили на высоту «максимы».

Поредевшие роты 1-го батальона залегли в полосе травы. После стремительного броска люди выдохлись. Заканчивались патроны. Однако, разгорячённый успешной атакой, капитан Веденяпин громким голосом кричал лежавшему неподалёку штабс-капитану Кутепову, призывая наступать дальше. Несколько раз он вставал во весь рост. В итоге его фуражку пробила австрийская пуля. Хладнокровный командир 4-й роты, видя потери и отсутствие резервов, решил остаться в обороне. Австрийцы не прекращали артобстрел высоты. Их пушки пристрелялись. Всё ниже над головами рвались шрапнели, всё точнее ложились гранаты, а ответить преображенцы не могли, ведь своей артиллерии им не дали. И негде укрыться от вражеских пулемётов, что поливали гребень смертоносным свинцом. Надо бы окопаться, но сапёрные лопатки солдаты побросали во время перебежек, посчитав их обузой. Они крепко пожалели об этом, когда пришлось рыть землю руками и чем попало.

В начале десятого австрийцы возобновили атаки на высоту 106. Густые цепи вражеской пехоты вышли из леса и решительно двинулись вверх по склону. Впереди цепей шли офицеры. Грозно блестели на солнце их обнажённые шашки. Безнаказанно гремели вражеские пушки, подавляя пулемёты преображенцев. Разрывом снаряда контузило в голову штабс-капитана Кутепова, а поручик Вуич^[17] получил пулевое ранение в ногу.

Без четверти десять вражеские цепи залегли в каких-нибудь 70–50 шагах от позиции преображенцев. Несмотря на контузию, штабс-капитан Кутепов продолжал управлять 4-й ротой. Он поднялся в полный рост и тут же упал на землю, как подкошенный. Ружейная пуля угодила ему в левую ногу и раздробила кость. Ногу ему связали, подложив шашку с одной стороны, а с другой – кусок доски. Лёжа на носилках, он остался на поле боя и громко подбадривал солдат.

Роты таяли на глазах. Как только ударили пулемёты поручика Моллера, открыв свое местоположение, то их сразу нащупала вражеская артиллерия. Громыхнули залпы австрий-

ской пехоты. Вскоре все пулемёты умолкли. Рядом с ними лежала перебитая прислуга. А их командир поручик Моллер жадно ловил ртом воздух, захлёбываясь кровью, – пуля тяжело пробилась ему грудь навывлет, прострелив лёгкое.

Меткий ружейный огонь преображенцев не давал вражеским цепям подняться для последнего броска. Но и австрийцы успели пристреляться. Вскоре получил ранение заместитель штабс-капитана Кутепова поручик Галлер^[18], первым со своей полуротой ворвавшийся на высоту 106. Когда оба офицера 4-й роты выбыли из строя, командование ею принял фельдфебель подпрапорщик Ящихин, но вражеская пуля нашла и его, ударив в руку. Теперь остатки роты возглавил младший унтер-офицер Кошкаров.

В перестрелке повторно ранен поручик Вуич. Он стал отползать назад, но и там свистел шальной свинец. Третья пуля оборвала его жизнь. Накануне боя он говорил товарищам, что точно будет убит. Предчувствие не обмануло его... Повсюду раздавались стоны раненых и призывы о помощи. Легкораненые пытались отползти в тыл, но многих настигали шальные пули.

Тяжело ранен пулей в ногу командир 2-й роты капитан князь Аргутинский-Долгоруков. В 3-й роте получил ранение младший офицер прапорщик Зборомирский 1-й^[19].

Австрийцы вновь попытались контратаковать. Их цепи подходили всё ближе к позиции 4-й роты.

– Если противник ворвётся, то 4-й роте принимать в штыки. Приказа отходить не будет! – громко крикнул штабс-капитан Кутепов.

Усилился пулемётный и артиллерийский огонь. Преображенцы огрызались ружейными залпами. Враг совсем близко. Превозмогая боль, Александр Павлович попытался встать и не смог. В глазах товарищей он всегда был бравым гвардейцем, расчётливым и распорядительным командиром, знавшим все тонкости армейской науки, а теперь лежал беспомощный на влажной после вчерашнего дождя польской земле... Смерть он предпочитал плену и выхватил револьвер. Это увидели солдаты Пётр Лисица и Антон Ковалёв. Под огнём приближающихся австрийских цепей они бросились к своему ротному командиру и стали выносить его из боя. Вокруг скрежетали разогретые порохом винтовки. Рота готовилась к штыковой схватке. По земле волоклась едкая гарь. Где-то позади громыхнули орудия. Совсем рядом рванули вражеские шрапнели. Оба солдата получили ранения, но они, истекая кровью, всё же доставили своего командира в полевой лазарет (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 915. Л. 1–1 об.).

Примечательно свидетельство о личных качествах А.П. Кутепова одного из его сослуживцев Владимира Владимировича Дейтриха: «Кутепов, вступив в войну (для него уже вторую) с репутацией блестящего строевика, точно окунулся в родную стихию и сразу завоевал себе репутацию боевого офицера, уже выдающегося во всех отношениях, выдающегося даже среди тех, кто почитаться таковыми могли сами. Мы, младшие офицеры, верили слову Кутепова. Молодость, хотя и склонна к зубоскальству, но, как никто, поддаётся обаянию отваги. Храбрый офицер – в сущности тавтология. Кто не храбр, тот не может, не вправе быть офицером. Храбростью проявляется благородная сторона человеческой натуры. В храбрости и подвиге победа духа над тлением... Рыцарство недаром обозначало во все века тот идеал, к которому мужчина должен стремиться.

Кутепов был храбр той волевой храбростью, которая, сознательно преодолев страх смерти, уже не имеет далее задерживающих рубежей, кроме велений разума. Мы, стараясь изо всех сил быть храбрыми, всё-таки сознавали, что Кутепов храбрее нас. Этим объяснялось то влияние, которое он как начальник имел над нами в бою» (*Дейтрих В.В.* Преображенского полка последний командир. Генерал Кутепов (сборник статей). Париж: Издание комитета имени генерала Кутепова, 1934. С. 219–220).

«Для характеристики Кутепова, как офицера и командира, я приведу то, что мне пришлось слышать о нём от солдат.

– Строг, – говорили про него ещё до войны, – но зря человека не обидит; к тому же нашего брата понимает, можно сказать, насквозь видит, ему не соврёшь. Если в чём провинился – лучше прямо говори – виноват. Тогда – ничего, а коли начнёшь с ним крутить – тогда беда.

С ним ещё то хорошо, что ему ни фельдфебель, ни взводный – не указ, службу знает, да и сам во всё входит и видит, где правда. Одно слово – командир...

Таковы отзывы о Кутепове в мирное время, в военное они ещё любопытнее.

– Герой, – отвечали все, кого, бывало, ни спросишь, а что Кутепов? Если же ещё спросишь: что очень храбрый? – то слышишь: “Да что храбрый, храбростью нас, Ваше Высокоблагородие, не удивишь, – наши господа офицеры все как есть, храбрые... Этот не то что храбр, а Бог его знает, какой-то особенный. Кругом смерть, ну прямо ад иной раз, а он как ни в чём не бывало – смеётся, шутит, нашего брата бодрит”... И опять та же аттестация, что приходилось слышать и в мирное время – службу знает, – но теперь во сколько раз знаменательнее звучат эти два слова!

Слышал я и такие пояснения:

– Одной храбрости на войне мало, – надо и дело разуметь, иначе толку мало, лишь одни потери... Вот на этот счёт капитан Кутепов, дай Бог ему здоровья, молодец – ни одного человека зря не погубит. За ним, можно сказать, как за каменной горой.

– Иные господа и храбрые и вояки хорошие, да горячатся малость – кидаются в атаку, когда ещё нельзя – ну, ничего и не выходит... Капитан же Кутепов всегда спокоен, за всем следит и за своими и за неприятелем, а коли прикажет что, так уж знай, что именно так и надо...» (*Свечин В.В.* Генерал Кутепов (сборник статей). Париж: Издание комитета имени генерала Кутепова, 1934. С. 194–195).

Пока 1-й батальон вёл бой за высоту 106, за правым его флангом наступал 2-й батальон. 5-я рота капитана Есимонтовского^[20] первой взойшла на гребень между высотами 106 и 119. Впереди весь пологий скат покрывали густые цепи австрийцев. Не окапываясь, преображенцы открыли ружейный огонь по врагу. Однако их меткие залпы не остановили австрийцев. Неся ощутимые потери, они продолжали наступать. В это время подоспела 7-я рота штабс-капитана Чернявского^[21] и заняла позицию левее 5-й. Загромыхали её дружные залпы. Вскоре полурота 6-й под командованием подпоручика Верёвкина^[22] подтащила пулемёты приданного батальону 2-го пулемётного взвода и установила их в интервалах 5-й роты. Полковник Казакевич, выказывая презрение к смерти, сел на стул за цепями и принялся руководить ротами. Он приказал ударить в штыки на передовые цепи австрийцев. Коротким контрударом преображенцы заставили врага откатиться назад, на что он ответил ураганным ружейным и пулемётным огнём. Австрийская пуля пробила ногу полковнику Казакевичу. Он упал на землю, но покинуть передовую позицию отказался и лёжа продолжал командовать батальоном и громко подбадривал солдат. Капитан Есимонтовский получил пулевое ранение в область почек. Рана оказалась смертельной. Без малого восемь месяцев лечения и борьбы за жизнь не дали желаемого результата, и 14 (27) мая 1915 года он скончался...

Не сумев отбросить преображенцев атаками пехоты, враг сфокусировал на его позиции всю мощь своих огневых средств, прежде всего подавляя пулемёты и выбивая офицеров. Вскоре пуля ударила в голову штабс-капитану Чернявскому. Его доставили в тыл на перевязочный пункт. Находясь в бессознательном состоянии, А.С. Чернявский слабыми губами шептал – не молитву, не имена родных и близких, – в предсмертном жару он бормотал марш родного полка. Через шесть дней он скончался...

Над правым флангом 2-го батальона зловеще нависла высота 119. На ней заняли позицию австрийские орудия и открыли ураганный огонь, накрывая шрапнелью и гранатами весь

гребень, ведущий к высоте 106. С фронта затрещали австрийские пулемёты, поливая лейб-гвардейцев свинцом.

Шрапнель ударила в голову подпоручику Верёвкину, но после перевязки он не покинул позицию. Вскоре в пулемётном взводе оказались выбиты все наводчики. В строю остались лишь подпрапорщик Крайнов и дальномерщик, которого вскоре срезала австрийская пуля. Его пулемёт замолк. Увидев, что все огневые точки преображенцев подавлены, подняла голову австрийская пехота. На густые залпы лейб-гвардейцы огрызались редкими ружейными выстрелами. Вблизи от замолкшего пулемёта, с залитым кровью лицом и набухшей повязкой на голове лежал подпоручик Верёвкин. Он сам схватился за гашетки «максима» и открыл огонь, прижимая врага к земле. Вскоре его вынесли в тыл, раненного в голову и в ногу. На перевязочном пункте, весело и нервно смеясь, он с восторгом рассказывал о подвигах своих солдат.

Последними поднялись на позицию 2-я полурота 6-й и полурота 8-й роты. Подтягивая на гребень резерв 5-й роты, пал, сражённый пулей в голову, фельдфебель роты подпрапорщик Иваненко. Младший офицер той же роты подпоручик Вестман^[23] получил ранение. Ранены младшие офицеры 7-й роты подпоручик фон Кубе^[24] и прапорщик Трусов^[25].

С высоты 119 бухнули вражеские орудия. Они по-прежнему безнаказанно простреливали гранатами и шрапнелью весь гребень, по которому проходил рубеж обороны 2-го батальона. Часть позиции пересекала Владиславов, разделив деревню на две неравные части. Большая часть находилась в руках преображенцев. Она полыхала одним огромным костром.

Чтобы сообщить о критическом положении 2-го батальона, полковник Казакевич послал в штаб полка донесение со своим ординарцем подпоручиком Гессе 1-м^[26]. Пробираясь в тыл, он пал, сражённый шрапнелью.

2-й батальон из шестнадцати офицеров потерял восьмерых. Не лучше обстояли дела и в 1-м батальоне преображенцев. В 3-й и 4-й ротах из шести офицеров осталось двое. А нижних чинов в обеих ротах насчитывалось не более ста штыков. Потери составили около 80 %!

Так в глухом углу империи, на склонах безымянных высот, без артиллерии, без поддержки частей фронта и почти без резервов, в первом же своём бою на Великой войне погибала Старая гвардия...

К полудню для охвата правого фланга поредевших рот двух батальонов преображенцев австрийцы двинули на высоту 119 2-й батальон своего 58-го пехотного полка. Одновременно вражеская пехота нажимала с фронта. Полковник Казакевич понимал, что в сложившейся обстановке в случае решительной атаки австрийцев его преображенцам трудно будет удержаться на гребне. Оценив опасность, он приказал отвести цепь назад к господскому дому, о чём сообщил командиру полка, прося о поддержке. Отход 2-го батальона заставил и 1-й батальон осадить свой правый фланг, при этом продолжая оборонять ключевую высоту 106. Получив донесение о ходе сражения и о чувствительных потерях передовых частей, полковник граф Игнатьев решил, что настало время ввести в дело 4-й батальон.

В это время левее преображенцев, от опушки леса у колонии Хойны через окопы 6-го гренадерского Таврического полка наступали семёновцы. Справа в первой линии шёл 2-й, а слева 4-й батальоны, во второй линии остались 1-й и 3-й. В деревне Жабья Воля для прикрытия обоза находилась 7-я рота. Младшим офицером в ней служил подпоручик Тухачевский – в будущем один из первых пяти маршалов Советского Союза. Двое суток 7-я рота охраняла обоз и не принимала непосредственное участие в боевых действиях полка.

Около десяти часов батальоны первой линии по пологому скату спустились в широкую и местами заболоченную долину реки Гелчев и повели наступление на высоты кряжа её правого берега. Впереди перед лесным массивом отчётливо виднелся фольварк Анусин. Движение частей по пересечённой местности затруднялось отсутствием карт даже у команди-

ров рот и батальонов. То и дело ротам приходилось останавливаться, чтобы определить своё местоположение и не потерять связь с соседними частями. К тому же размеры лесов и заболоченных участков, очертания высот правобережного кряжа и других складок местности не соответствовали той единственной карте, которая находилась у генерала фон Эттера^[27]. Поэтому ориентиры движения данные офицерам в штабе полка приходилось корректировать на ходу.

Наличие всего одной батареи сводило операцию к лобовой атаке пехоты. С самого начала движения батальоны первой линии попали под мощный шрапнельный огонь вражеских орудий. Однако розовые облачка шрапнелей рвались слишком высоко, и существенных потерь семёновцы не понесли. О работе австрийской артиллерии Н.Н. Головин подмечал: «В бою под Владиславом также и в боях под Суходолами все воспоминания русских участников обращают внимание на высокие разрывы австрийских шрапнелей, что свидетельствует о большом удалении А.-В. артиллерии от фронта пехотных столкновений.

Это обстоятельство чрезвычайно облегчило боевые действия Петровской бригады в бою у Владислава. Отсутствие артиллерийской поддержки ее наступления компенсировалось нарушением связи между наступавшей им навстречу А.-В. пехоты со своей артиллерией» (*Головин Н.Н. Русская армия в Великой войне. Дни перелома Галицийской битвы. Париж, 1940. С. 76*).

Когда батальоны первой линии стали подниматься по склону кряжа на правом берегу реки, то они оказались в сфере ружейного и пулемётного огня австрийцев. Волнами накатывала вражеская пехота. «На фронт Петровской бригады наступала своим левым флангом 2-я австро-венгерская дивизия фельдмаршала-лейтенанта Липошака (X корпус). Дивизия была смешанного состава (поляки, галичане и полк босняков)», – пишет полковник Зайцов 1-й (*Зайцов А.А. Семёновцы в 1914 году. Гельсингфорс, 1936*).

На высотах у фольварка Анусин завязалось упорное встречное сражение. Восемь орудий приданной лейб-гвардии Семёновскому полку 3-й батареи 1-го дивизиона лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады обосновались к северо-востоку от деревни Владиславов и открыли огонь по вражеской позиции. Рубеж, занятый австрийцами, проходил по опушке леса восточнее деревни Выгновице.

Наиболее горячий бой разыгрался на фронте правого флангового 2-го батальона. Под свинцовым дождём австрийских пулемётов семёновцы залегли. Несколько попыток атаковать неприятеля не увенчались успехом. Особенно тревожное положение образовалось на участке 8-й¹⁷ имени А.В. Суворова роты, которой командовал штабс-капитан Мельницкий 1-й^[28]. Тяжёлые ранения получили её младшие офицеры прапорщик Штильберг^[29] и подпоручик Пенхержевский 2-й^[30] – его рана оказалась смертельной. В пылу сражения роты смешались, управление ими нарушилось. Под впечатлением от больших потерь в первом же бою, теснимые плотным огнём неприятеля, некоторые роты 2-го батальона стали отходить. Несколько человек 8-й «суворовской» роты вышла к позиции своих артиллеристов.

Близился полдень. Бой шёл с переменным успехом. Положение выправили части под командованием одного из лучших стрелков полка младшего штаб-офицера 2-го батальона капитана Свечникова^[31]. Хорошо знавший его по совместной службе в полку Ю.В. Макаров^[32] так писал о нём: «...отличный стрелок. Судьба его была самая необычайная. На войну он вышел “младшим штаб-офицером”. Всякую “ученую” войну он презирал и даже карты читал плохо. Девизом его было: “вперед, без страха и сомненья...” Не было ничего удивительного, что при таком девизе он заработал Георгиевский крест, но довольно удивительно

¹⁷ 8-я рота носила имя генералиссимуса А.В. Суворова, так как великий русский полководец начал военную службу именно в ней. 22.10 (02.11).1742 А.В. Суворов в двенадцатилетнем возрасте был зачислен солдатом в восьмую роту лейб-гвардии Семёновского полка, в списках которой находился до 01 (12).01.1748, когда его в чине капрала перевели в третью роту.

было то, что он остался жив и что из пяти полученных им в разное время ран, ни одной не было очень серьезной. Когда началась революция, он «ушел в частную жизнь» и превратился в рабочего на каких-то земляных работах. И вот этого человека, которого в течение 4 лет не сумели убить австрийские и немецкие пули, в 1918 году, где-то около Любани, задавило на смерть вагонеткой» (*Макаров Ю.В. Моя служба в Старой гвардии 1905–1917. СПб.: Северная звезда, 2013*).

Под умелым руководством капитана Свечникова лейб-гвардейцы заняли ключевую высоту и установили на ней пулемёты. После ряда ярых атак вражеская пехота выдохлась.

Выждав удобный момент, семёновцы сами перешли в наступление. В 4-м батальоне ранило командира 15-й роты доблестного капитана Рихтера^[33] и младшего офицера 13-й роты подпоручика Рыльке^[34].

Около двенадцати часов прервалась связь с лейб-гвардии Егерским полком, позиция которого отделялась от фронта Петровской бригады лесным массивом. Об этом генерал фон Эттер сообщил в штаб дивизии в двенадцать часов дня.

Занятый 2-м батальоном рубеж примыкал к позиции преображенцев, за высоты которой шла ещё более ожесточённая схватка. О чём свидетельствует участник боя полковник Зайцов 1-й, а в дни Люблинских боёв – подпоручик, младший офицер 3-й роты. Он пишет: «Несмотря на тяжесть боя у фольварка Анусин, положение наших соседей справа – Преображенцев, наступавших через Стрийну-Владиславов, было ещё тяжелее, так как против них, кроме частей 2-й австро-венгерской дивизии, были двинуты для защиты её фланга, который охватывал Преображенцев, ещё и части соседней 37-й гонведной венгерской дивизии» (*Зайцов А.А. Семёновцы в 1914 году. Гельсингфорс, 1936*). О тяжёлом положении на передовой и чувствительных потерях полка генерал фон Эттер доложил комдиву.

Штаб 1-й гвардейской дивизии обосновался на возвышенности неподалёку от деревни Майдан Полицкий. Наблюдение за боем на командном посту велось при помощи мощной артиллерийской подзорной трубы, но обзор затруднял сложный рельеф местности. До одиннадцати часов утра сведений проясняющих картину боя от командиров частей не поступало, а с десяти часов до начала двенадцатого не удавалось связаться с командиром лейб-гвардии Егерского полка, так как генерал Буковский^[35] отправился на передовую и центральная станция переносилась вслед за ним. Зато часто звонил генерал Мрозовский. Он заметно нервничал. Однако к полудню все необходимые сведения в штаб дивизии поступили. Приведём картину боя со слов одного из штабных офицеров Н.И. Скорино: «...из донесений ген. Бринкена и командиров частей выяснилось, что наступление 1-й бригады встретило упорное сопротивление противника. Преображенцы лихо атаковали и взяли указанную им высоту; несмотря на губительный огонь и большие потери, их цепи шли в рост... К сожалению, вследствие больших потерь, Преображенские роты не успели во время восстановить нарушенные атакой порядок и закрепиться на высотах; австрийцы неожиданно перешли в наступление и Преображенцы, не выдержав их контратаки, были вынуждены очистить высоту, не успев вынести всех своих раненых.

Тяжелые потери понесли и Семеновцы, наступавшие левее Преображенцев на лес восточнее д. Выгнановице; противник, занимавший позицию по опушке леса, сильным ружейным огнем остановил их цепи; малейшая попытка продвинуться вызывала усиление огня противника, наносившего Семеновцам большие потери. Некоторые роты, потеряв офицеров и не вынеся пулеметного огня, смешались и начали отходить; часть 8-й роты вышла к 3-й батарее, к этому времени ставшей на позицию к северо-востоку от д. Владиславов, правее 2-го дивизиона, и обстрелом занятого противником леса, содействовавшей наступлению Семеновцев. Сообщая о приостановке наступления полка, командир полка доносил о большой убыли офицеров и нижних чинов и об утере связи с Л. гв. Егерским полком» (*Головин Н.Н. Русская армия в Великой войне. Дни перелома Галицийской битвы. Париж, 1940. С. 67*).

В полдень, потрясённый известием о потерях Петровской бригады, генерал Мрозовский решил, что наступил предел возможностям. Он распорядился вывести Старую гвардию из боя. Но генерал Олохов и его начальник штаба полковник Рыльский^[36] решительно воспротивились, считая, что отвод в тыл старейших гвардейских полков в первом же бою пагубно скажется на моральном состоянии войск. Их точку зрения разделял и командир преображенцев полковник граф Игнатъев. Генералу Бринкену комдив приказал продолжать выполнение задачи, возложенной на бригаду, а в штаб гренадерского корпуса передал телефонограмму следующего содержания: «Не считаю возможным исполнить Ваше приказание, так как вывод Гвардии из ее первого боя произведет на нее и на Армию тяжелое, непоправимое впечатление» (*Головин Н.Н. Русская армия в Великой войне. Дни перелома Галицийской битвы. Париж, 1940. С. 67*). В это время в штаб дивизии приехал командир гвардейского корпуса генерал Безобразов. Выслушав доклад комдива и ознакомившись с обстановкой, он решил не вмешиваться в управление боем. Приняв позицию стороннего наблюдателя, комкор сказал о необходимости упорства и неотвратимости тяжёлых потерь.

Около двенадцати часов дня, получив от комдива распоряжение продолжать бой, полковник граф Игнатъев отдал приказ взять высоту 119 силами 4-го батальона. Оставив в резерве при штабе полка 16-ю роту, полковник граф Литке развернул свои части уступом за правым флангом 2-го батальона. Заходя правым плечом вперёд, его цепи быстрым шагом атаковали высоту с юго-запада и заставили неприятеля переменить фронт на себя. Яр코 описал минуты атаки Н.Д. Нелидов, в день боя – подпоручик, младший офицер 15-й роты: «Австрийцы стреляют, стреляют, а великаны в красных погонах все идут как на параде. Никто не ложится, не стреляют; сигнализируют флажками. В некоторых местах дошло до рукопашной. С 25 солдатами, мы пошли в атаку на роту и вбежав в их цепи, смешались с ними и полверсты вместе бежали, а потом выяснилось, что мы их взяли в плен, а также два пулемета» (*Головин Н.Н. Русская армия в Великой войне. Дни перелома Галицийской битвы. Париж, 1940. С. 72*).

Не дав австрийцам перестроиться, преображенцы ворвались на высоту. Австрийцы бросили в контратаку резервную роту, но их остановил меткий огонь пулемётного взвода старшего унтер-офицера Юдина. Контратака захлебнулась. Австрийцы отхлынули, оставив на поле боя 123 убитых и раненых. Подавив последнее сопротивление штыковым ударом, преображенцы овладели вражеской позицией.

Взятие высоты 119 4-м батальоном имело решающее значение. Инициатива явно ускользала из рук неприятеля, ведь занятой им южной части Владиславова теперь с обоих флангов угрожали отбитые преображенцами высоты. Австрийцы поспешно ушли из деревни. Теперь 1-й и 2-й батальоны преображенцев смогли выправить линию фронта, вернув оставленную прежде позицию.

В то же время австрийские цепи скрытно пытались обойти левый фланг полкового боевого участка и были сметены прицельным огнём четырёх «максимов» пулемётного взвода под командованием поручика барона С.А. Торнау при поддержке полкового резерва – двух взводов штабс-капитана Шоманского^[37]. Впоследствии барон С.А. Торнау вспоминал: «Когда мы подвинулись вперед, уже по окончании боя, один из моих унтер-офицеров уверял меня, что он бегал вниз и сосчитал 32 трупа на месте, где находились австрийцы. Может быть, он и преувеличивал, но, во всяком случае, результат стрельбы был очень хорошим, и больше из балки противник не появлялся... Граф Игнатъев находился вблизи, и я, воспользовавшись затишьем на моем участке, пошел к нему за новыми распоряжениями. Он был очень доволен результатами моей стрельбы и боем вообще, который явно склонялся в нашу пользу» (*Торнау С.А. С родным полком (1914–1917). Берлин, 1923. С. 25–26*).

Не знаящие до сего дня поражения части 2-й австро-венгерской дивизии явно выдыхались. Им на помощь поспешила 37-я гонведная дивизия V австро-венгерского корпуса. В два

часа дня обозначилось её движение в обход правого фланга преображенцев через фольварк Пассов и деревню Поличизна. Для отражения удара полковник граф Игнатьев вытребовал из резерва бригады свой 3-й батальон и отдал приказ атаковать неприятеля и упредить его манёвр.

В третьем часу дня капитан Иванов^[38] развернул 3-й батальон для атаки. На ходу рассыпаясь в цепи, с безукоризненным равнением великаны-преображенцы перепрыгивали гренадерские окопы. Знаменный взвод со знаменем полка находился при батальоне. Капитан Иванов ожидал распоряжения передать знамя в штаб. Однако, вводя в бой свой последний резерв, полковник граф Игнатьев решил для поднятия духа оставить полковую святыню в наступающих цепях. «Взяв знамя ближе к чехлу, старший унтер-офицер Пономарёв перепрыгнул окоп. В окопах гренадер послышалась команда «смирно». Тут же у окопа ассистент у знамени роты Его Величества ефрейтор Пашков открыл складень образа Преображения Господня, висящего на груди знаменщика» (*Андоленко С.П.* Преображенцы в Великую и гражданскую войны 1914–1920 годы / Составители А.А. Тизенгаузен, С.Б. Патрикеев. СПб.: Славия, 2010. С. 58).

Стремительной атакой преображенцы отбросили врага от деревни Поличизна и двинулись дальше. Австрийцы оказали жёсткое сопротивление, а у преображенцев не осталось резервов. Последней вступила в дело 12-я рота. С ней шёл знаменный взвод. Видно было издали, как знамя двигалось вперёд в рядах пехоты. Когда цепь залегла под огнём, знаменщик и часовой при знамени полка оставались стоять. Вскоре одна из рот овладела фольварком Пассов. Враг отступил на всём участке 3-го батальона. Большой кровью заплатили за это преображенцы. Когда на другой день лейб-гвардии Семёновский полк собрался в деревне Поличизна, со слов полковника Зайцова 1-го: «Всё поле было усеяно павшими преображенцами» (*Зайцов А.А.* Семёновцы в 1914 году. Гельсингфорс, 1936).

В четвёртом часу дня австрийцы предприняли последнюю отчаянную попытку нащупать уязвимое место в позиции преображенцев. Надеясь найти лазейку на их стыке с соседними частями, они попытались обойти её правый фланг ещё глубже, наметив удар западнее деревни Поличизна. Но там их встретили части гренадерского корпуса, срочно стянутые за правый фланг Петровской бригады. Под гром орудий 1-й гренадерской дивизии австрийцы отошли вдоль обоих берегов речки Ольшанки. После провала последней контратаки они явно выдохлись и перешли на всём фронте 1-й гвардейской дивизии от активных действий к обороне.

Многочасовой встречный бой истощил резервы преображенцев. Артиллерия всё ещё не подошла. Утомлённые и обескровленные батальоны старейшего гвардейского полка ожидали новых попыток неприятеля перехватить инициативу. В этой обстановке полковник граф Игнатьев обратился за помощью к левофланговым соседям – семёновцам. Несмотря на тяжесть боя на высотах у фольварка Анусин, генерал фон Эттер счёл возможным откликнуться на просьбу преображенцев. Для содействия им он двинул через деревню Стрыйна свой 3-й батальон, оставив в резерве при штабе полковом штабе только две роты со знаменем. Перейдя реку Гелчев, 3-й батальон семёновцев попал под артиллерийский огонь, однако непосредственное участие в бое в тот день он не принимал.

После четырёх часов на всём фронте лейб-гвардии Преображенского полка неприятель стал отходить. Преображенцы возобновили наступление, не встречая сопротивления.

Глава третья. Успех лейб-гвардии егерского полка

Отход австрийцев стал следствием не только успеха Петровской бригады, но и активных действий лейб-гвардии Егерского полка, наступавшего от деревни Выгновице в восточном направлении.

Обширный лесной массив отделял боевой участок егерей от полков Старой гвардии, связь с которой оборвалась к полудню и не восстанавливалась до исхода дня. Поэтому лейб-гвардии Егерский полк вёл бой отдельно от других частей 1-й гвардейской дивизии, взаимодействуя лишь с левофланговым соседом – 7-м гренадерским Самогитским полком 2-й гренадерской дивизии, наступавшей на деревню Суходолы от села Гадзенице.

Вектор движения егерей смотрел через фольварк Жеготов, затем через лес, расположенный на водоразделе рек Гелчев и Файславка.

На рассвете лейб-гвардии Егерский полк перешёл реку Гелчев близ деревни Воля Гадзеницкая. Головной 1-й батальон двигался через балку, поросшую лесом. Юго-восточнее его опушки раздавалась редкая перестрелка. Вскоре выяснилось, что бой с передовыми частями австрийцев вёл одиночный казак. Вырыв себе шашкой подобие окопа, он вёл прицельный огонь из винтовки, прикрываясь трупом своего убитого коня. На его выстрелы австрийцы отвечали огнём со стороны фольварка Жеготов, тем самым открыв своё местоположение.

Около девяти часов 1-й батальон развернул цепи и повёл наступление на неприятеля. Не оказав сопротивления, австрийцы очистили фольварк Жеготов и близлежащую возвышенность. Редко отстреливаясь, они отошли на опушку леса к рубежу занятому их основными силами, которые стали активно поливать свинцом из ружей и пулемётов. У егерей появились первые раненные. Бой разгорался по всему фронту. Стремясь перехватить инициативу в свои руки, австрийцы повели наступление густыми цепями пехоты.

Передовые части егерей окопались на высоте Жеготова. От него до опушки леса простиралось километровое картофельное поле со скатом от неприятеля. Правее 1-го батальона окопался 2-й батальон. За его правым крылом раскинулся лес. За лесом вела бой Петровская бригада. Командир полка генерал Буковский опасался, что враг попытается скрытно, пользуясь лесным массивом, охватить правофланговые роты и распорядился поддерживать связь с семёновцами. 3-й и 4-й батальоны до поры оставались в полковом резерве. Артиллерия встала на позицию на правом берегу реки Гелчев к северу от деревни Воля Гадзеницкая и открыла прицельный огонь по наступающему неприятелю. Шрапнели рвались над самыми головами вражеских пехотинцев на высоте 4–6 метров от земли, буквально выкашивая их ряды. Понеся ощутимые потери, австрийские цепи залегли. При свете дня на ровном поле они оказались как на ладони. Не давая врагу поднять голову, дружными очередями били гвардейские пулемётчики. Все дальнейшие попытки австрийцев продолжить атаку завершились неудачей. Любое движение неприятеля подавлялось шквалом огня. В итоге наступление австрийцев на свежие гвардейские части по ровному картофельному полю в ясный солнечный день быстро захлебнулось. Вражеская артиллерия пыталась поддержать свою пехоту, но её позиция находилась слишком далеко от линии боевого столкновения. Шрапнели рвались высоко над головами егерей, не принося им значительного урона.

К полудню окончательно потеряв связь с семёновцами, генерал Буковский решил усилить открывшийся правый фланг полка и развернул там 4-й батальон. Во время всего боя командир полка действовал на опережение, стремясь предотвратить любую возможную опасность. Умело используя артиллерию, он стремился победить малой кровью. Как только стало ясно, что австрийская пехота выдохлась, а остатки её цепей отошли к опушке леса, генерал Буковский начал подготовку решающей атаки. Вместе с полковым адъютантом штабс-капитаном Светозаровым^[39] он отправился на позицию артиллерии. Посовещавшись,

отдал приказ командиру 2-го артиллерийского дивизиона полковнику Папа-Фёдорову^[40] начать артподготовку. Для стрельбы прямой наводкой один взвод 6-й батареи выдвинули непосредственно за позицию 2-го батальона.

5-я и 6-я батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады с двух часов повели интенсивную артподготовку. Шестнадцать орудий засыпали гранатами и шрапнелью вражескую позицию, сфокусировав огонь на углу леса перед фронтом 1-го батальона. Туда наметался командиром полка вектор атаки. Опушка леса окуталась сплошной пеленой взрывов. Австрийцы не успели отрыть окопы, что позволило быстро подавить их огневые точки, перебив пулемётные расчёты.

Всех командиров батальонов предупредили о подготовке к решающему броску. К этому времени почти, не понеся потерь, егеря были полны решимости прорвать оборону обескровленного врага. Из дневника командира 5-й батареи полковника Альтфатера^[41]: «Не жалея снарядов, я посылал поочередно гранаты и шрапнели по опушке леса. Австрийская артиллерия отвечала не метко. В начале 4-го часа дня подготовку можно было считать выполненной. Пехота собралась возобновить наступление, но почему то была задержка... Неопределённое положение тянулось до конца 5-го часа дня...» (*Головин Н.Н.* Русская армия в Великой войне. Дни перелома Галицийской битвы. Париж, 1940. С. 78).

Настал удобный момент для общего наступления. Однако то, в чём единодушно утвердились командиры гвардейских полков, вновь подверг сомнению генерал Мрозовский. Обладая достаточными сведениями о ходе сражения, он связался с генералом Олоховым и сообщил о своём решении отвести первую гвардейскую дивизию за реку Гелчев, чем вызвал протест комдива.

Можно себе представить удивление начальников передовых частей, узнавших о распоряжении отступать, когда по всем правилам военного дела требовалось наступление. Об этом эпизоде вспоминает командир 1-го батальона лейб-гвардии Егерского полка полковник Бурман^[42]: «В конце 2-го часа дня батареи открыли меткий беглый огонь по расположению противника. Влитые в цепи пулеметы и ружейный обстрел заглушили австрийцев. Их огонь сильно ослаб. Ротные командиры доносили, что они находят, что подошло время перейти в атаку. Я был согласен, но разрешения свыше не получил... Австрийцы почти перестали стрелять. Наша артиллерия также перешла на редкий огонь. На нашем участке воцарилось нудное спокойствие; люди разморились под горячим солнцем, которое заметно стало сзади нас уже клониться к горизонту. Ротные командиры беспокоились, что придется зря вести тяжелый ночной бой... При моих переговорах со штабом полка, я узнал, что задержка происходила из-за переговоров ген. Мрозовского с ген. Олоховым. Первый распорядился почему-то снова оттянуть нашу дивизию за линию р. Гельчев. Второй – настоятельно просил это распоряжение отставить, чтобы не начинать войны деморализующим впечатлением отхода. Против 1-й бригады встречное наступление противника также остановлено и она также ждет приказаний об атаке...» (*Головин Н.Н.* Русская армия в Великой войне. Дни перелома Галицийской битвы. Париж, 1940. С. 79–83).

Распоряжение из штаба Гренадерского корпуса вызвало крайнее недоумение и у командира лейб-гвардии Егерского полка генерала Буковского. Весь день его полк успешно наступал, образовав головной уступ линии расположения 1-й гвардейской дивизии. С одиннадцати часов он неоднократно докладывал командиру Гренадерского корпуса о позиции артиллерии, о ситуации на флангах и сведениях о соседях, присылал кроки¹⁸ расположения своих и неприятельских частей на передовой. Благодаря умелой организации боя командиром полка, слаженным действиям пехоты и артиллерии, распорядительности офицеров и

¹⁸ Кроки: в топографии – план местности, наскоро сделанный на основе глазомерной съёмки с обозначением важнейших объектов.

высокой профессиональной подготовке всего личного состава успех достигался малой кровью – к концу боевого дня потери лейб-гвардии Егерского полка составили: ранен поручик Мунтянов^[43]; из нижних чинов: трое убито, сорок восемь – ранено. Кроме того, после часа дня генерал Мрозовский высказал согласие на продолжение наступления егерей, при условии их совместной атаки с левофланговым соседом – 7-м гренадерским Самогитским полком.

Таким образом, за время сражения командир Гренадерского корпуса дважды отдавал приказ об отводе 1-й гвардейской дивизии в исходное положение за реку Гелчев. Первый раз – в полдень, в момент наивысшего накала борьбы на фронте Петровской бригады, и второй раз – в четвёртом часу дня, когда враг явно выдохся и настал момент для общего наступления. Момент этот не был упущен лишь благодаря единодушному мнению комдива и командиров гвардейских полков – наступать, что заставило генерала Мрозовского отменить свой приказ, обрекавший весь отряд на изнурительный ночной бой. Так в чём же причина его суетливости, стоившей Старой гвардии огромных потерь и едва не перечеркнувшей все её усилия на передовой?

Вспомним, что накануне боя он устроил разнос полковнику Герцыгу, доведя его до самоубийства – «печальное последствие обычной резкости ген. Мрозовского», как свидетельствует С.В. Малецкий, указывая на неуравновешенный характер комкора. Самообладание и выдержка сопутствуют полководческому таланту, а истерия и суетливость – признак неуверенности в себе, мешают трезво оценить обстановку. Настроение же чинов штаба комдива Олохова после общения с генералом Мрозовским описал Н.И. Скорино: «...их угнетало беспокойство за грядущий день и неуверенность в успешности выполнения поставленной командующим армией задачи».

Для тревожного состояния существовали и объективные причины. В те дни в штабах всех уровней царил нервная атмосфера. Ставка находилась под впечатлением от разгрома армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии и принуждала штаб Юго-Западного фронта ускорить завершение Люблинского сражения. Получив соответствующие указания, в свою очередь штаб 4-й армии торопился ликвидировать последствия наступления австрийцев у станции Травники. Вот мнение на этот счёт авторитетного генштабиста генерала Головина: «К утру 20 августа (2 сентября) в штарме 4 могло наступить некоторое успокоение: пресловутый “Травниковский прорыв” мог обрисоваться уже не в таком мрачном свете, как накануне. Может быть, там начали уяснять себе также и то, что сам X А.-В. корпус попадал в стратегический мешок, вследствие чего незачем было стараться бить его встречным ударом в лоб. Стратегически, гораздо разумнее была оборона отряда ген. Мрозовского за речкой Гелчев, впредь до сбора гвардейского и III кавказского корпусов за правым его флангом и выхода 5-й армии в тыл X А.-В. корпуса. Это изменение в точке зрения штарма 4 и могло отразиться в штабе ген. Мрозовского в решении прекратить начавшееся уже утром 20 августа (2 сентября) наступление частей его “отряда”. Психологически вполне понятно, что при такой перемене взгляда донесение о больших потерях в гвардии и у гренадер могло вызвать отказ от продолжения задуманного удара» (*Головин Н.Н. Русская армия в Великой войне. Дни перелома Галицийской битвы. Париж, 1940. С. 84*).

Накануне боя генерал Мрозовский находился под впечатлением от тяжёлых потерь Гренадерского корпуса, и категорический приказ из штаба 4-й армии разбить наступающие части австрийцев не добавил ему оптимизма. Из приведённых выше цитат видно, что и его штаб сомневался в успешном решении поставленной генералом Эвертом задачи. В сложившейся оперативной обстановке генерал Мрозовский мог встретить неприятеля на занимаемом рубеже. Находясь в обороне, дожидаться прибытия к исходу 20 августа (2 сентября) лейб-гвардии Измайловского полка и всей гвардейской артиллерии, а затем перейти к активным действиям. Однако он предпочёл бросить прибывшие в его распоряжение три полка 1-й

гвардейской дивизии в лобовую атаку, почти без артиллерии и почти без поддержки частей фронта, обрекая их тем самым на неоправданные потери.

Не сумев правильно оценить оперативную обстановку, генерал Мрозовский, кроме того, что отправил лейб-гвардейцев на убой, весь день сражения колебался в принятии решений. Он неоднократно отдавал приказы, отменяющие недавние свои распоряжения, внося сумбур в управление боем. Можно ещё понять его решение отвести Петровскую бригаду за реку Гелчев в полдень, когда он получил донесение о её огромных потерях, а противник активно наседал, угрожая Старой гвардии полным истреблением. Но чем можно оправдать приказ к отступлению в четвёртом часу дня, когда австрийцы выдохлись на всём фронте? Их многочисленные попытки перехватить инициативу потерпели неудачу, а егеря, почти не имевшие потерь, успешно провели артподготовку и с нетерпением ожидали приказа атаковать неприятеля? Оперативную близорукость генерала Мрозовского можно объяснить только отсутствием у него полководческого дарования.

В начале четвёртого часа на участке лейб-гвардии Егерского полка артподготовка завершилась, затем полтора часа длилось томительное ожидание разрешения продолжить наступление. Лишь в половине пятого генерал Буковский смог отдать приказ об атаке. Ровно в пять часов поднялся 1-й батальон. Чуть задержалось наступление соседних 2-го и 4-го батальонов, но вскоре и они пошли в атаку. Воодушевляя егерей, в цепях второго батальона шёл сам генерал Буковский. Три тысячи человек одновременно ринулись на врага. Впереди цепей с блестящими в лучах закатного солнца клинками шашек шли офицеры. Низко над головами егерей летели снаряды гвардейских батарей, продолжавших обстрел вражеских позиций. По мере продвижения цепей артиллеристы перенесли огонь в глубь леса. Батальоны ускорили шаг, затем с криками «ура» перешли на бег.

Поле боя хорошо просматривалось с холма близ деревни Майдан Полицкий, где располагался штаб 1-й гвардейской дивизии. Приведём впечатление одного из штабных офицеров: «... привлекая к себе наше внимание своей ярко-зеленой окраской поляна на наших глазах стала покрываться длинными, густыми цепями. Цепи быстро продвигались по поляне к занятому противником лесу. За первыми появлялись все новые и новые цепи, под лучами солнца резко выделявшиеся на яркой зелени поляны. Двигаясь перекатами, они как морские волны, все ближе и ближе подкатывались к неприятельскому лесу. Эта картина была так красива и нас так захватила, что мы буквально забыли о всем остальном и, не отрываясь от биноклей, следили за цепями, вскоре покрывшими всю поляну. Я был преисполнен невероятным чувством гордости и счастья, когда полковник Рыльский веселым, громким голосом доложил ген. Безобразову и стоявшему около него нач-ку дивизии: “это Егеря...”» (*Головин Н.Н. Русская армия в Великой войне. Дни перелома Галицийской битвы. Париж, 1940. С. 68*).

Австрийская артиллерия сначала стреляла интенсивно. Фейерверки её шрапнелей рвались густо, но слишком высоко, не причиняя вреда цепям наступающих егерей. В половине шестого вражеские батареи прекратили огонь и стали менять позицию. Тем временем егеря добрались до опушки леса. По всей линии фронта замелькали флажки национальных цветов – сигнал артиллеристам для переноса огня дальше, вдогонку отступающему врагу. Этот приём для захвата пункта атаки егеря отработали на учениях во время стоянок под Варшавой в городах Блон и Ловив и теперь успешно применили его в бою.

Резервные роты подошли к первому батальону и тоже бросились на отступающего врага. Большие потери от артподготовки и атака егерей окончательно подорвали боевой дух австрийцев. Сопротивления они не оказали. Одни сдавались в плен, другие бросались в лес, а некоторые в панике забирались на деревья. Их отступление быстро превратилось в беспорядочное бегство. Не переставая, бухали орудия гвардейских батарей, переноса огонь всё дальше и дальше вперёд.

Преследуя неприятеля, головной 1-й батальон полковника Бурмана углубился в Выгнановицкий лес. Слева раздавался грохот боя 2-й гренадерской дивизии с частями 24-й австро-венгерской пехотной дивизии. В это время командир батальона егерей получил от лево-флангового соседа 7-го гренадерского Самогитского полка просьбу о поддержке, поскольку от деревни Суходолы их атаковал свежий противник при активной поддержке пулемётов и артиллерии. Большие потери от жестокого артиллерийского огня понесли не только передовые части гренадер, но и резервы, расположенные в лесном массиве. С пулевым ранением в числе многих офицеров выбыл из строя командир самогитцев полковник фон Зигель^[44].

До наступления темноты оставались считанные часы, и, чтобы не втянуться в изнурительный ночной бой, действовать следовало быстро и решительно. Отправив донесение командиру полка, полковник Бурман дал направление движения на северо-восток. Вскоре его батальон вышел на опушку Выгнановицкого леса южнее села Козновец, где и развернулся для атаки. Здесь полосу лесов прерывало поле шириной около километра. Манёвр создавал угрозу левому флангу главных сил 24-й австро-венгерской дивизии, наседавших на 7-й гренадерский Самогитский полк. При этом опасно открывался правый фланг батальона. Для его усиления генерал Буковский выдвинул из полкового резерва 10-ю роту. Командир роты капитан Кукель^[45] проявил инициативу. Быстрым шагом он вывел своих егерей из восточного выступа леса и, заходя правым крылом, ударил во фланг наступавшим австрийским цепям. Манёвр этот застал врага врасплох. Не давая австрийцам опомниться, 10-я рота погнала их вдоль лесной опушки на цепи 1-го батальона и самогитцев, которые тоже перешли в наступление. Угодив в приготовленный для них мешок полуокружения, вражеские роты стали метаться, стремясь вырваться из ловушки. Уйти удалось далеко не всем. Несколько сотен австрийцев, их командир полка и знамя достались самогитцам. Командир их ближайшей роты восторженно благодарил за поддержку и обнимал капитана князя Кугушева^[46], командира 4-й левофланговой роты егерей.

В то же время остальные три батальона егерей миновали Выгнановицкий лес. Выйдя к восточной его опушке, они развернулись и открыли огонь по противнику, отступавшему к деревням Суходолы и Седлишка Вельке. Подождённая австрийцами, полыхала южная часть деревни Суходолы. Село это простиралось на три километра с северо-востока на юго-запад. К тому времени северо-восточной и средней её частью успели овладеть части 81-го Апшеронского пехотного полка, подошедшего днём раньше от станции Минковице и вступившего в бой в составе колонны генерала Волошинова. Смеркалось. Стремительно приближалась по-осеннему тёмная ночь, но бой всё ещё не затихал. Одна батарея 7-го Самогитского полка выдвинулась вперёд и обстреливала все видимые селения и складки местности, где могли укрыться спешно отступающие австрийцы.

К исходу дня части 2-й гренадерской дивизии генерала Ставровича^[47] сковали боем в Гадзеницком лесу главные силы 24-й австро-венгерской пехотной дивизии. В то же время с юга за её левый фланг зашли части лейб-гвардии Егерского полка, а с севера и востока брали в кольцо батальоны 81-го Апшеронского полка. В итоге боя в плен сдалось около пяти тысяч австрийцев. Из них егеря пленили одного офицера и 128 солдат.

Обращают на себя внимание незначительные потери лейб-гвардии Егерского полка за боевой день: один раненый офицер, нижних чинов – 3 убито и 48 раненых, что наглядно показывает, какое огромное значение для пехоты сыграла надлежащая поддержка шестнадцати орудий двух гвардейских батарей. В то же время не имевший артиллерии лейб-гвардии Преображенский полк потерял убитыми и ранеными почти четверть личного состава, а лейб-гвардии Семёновский – около 600 человек. Умелое использование артиллерийского огня генералом Буковским и несогласованность действий австрийской пехоты и артиллерии дали возможность егерям весь боевой день господствовать на поле боя и добиться больших успехов малой кровью.

В 16 часов австрийцы стали поспешно отступать по всему фронту.

Полковник граф Игнатъев приказал перенести штаб в расположение передовых цепей, за переполненный ранеными, догоравший Владиславов. Местоположение противника не было известно. Ночью могли произойти боевые столкновения, и командир полка распорядился выставить охранение и окопаться на все четыре стороны.

Утром следующего дня в штабе полка подводили итоги боя, допрашивали пленных. Австрийцы признавались, что испытали ужас, видя шедших на них в атаку солдат-великанов, которых не останавливали кинжальный огонь пулемётов и артиллерийская шрапнель. «Частями полка под Владиславовым было взято в плен 56 офицеров и 1450 нижних чинов. Из них сдано в штаб 1-й гвардейской дивизии 15 офицеров и 150 нижних чинов, а остальные – гренадерам. Пулемётов взято 21. Из них 4 – 4-й ротой и 4 же – 2-й. Победа была куплена дорогой ценой: 17 офицеров и более 600 солдат выбыло из строя, из них убито и смертельно ранено 5 офицеров и более 200 нижних чинов» (*Андоленко С.П.* Преображенцы в Великую и Гражданскую войны. 1914–1920 годы. СПб.: Славия, 2010. С. 59).

Атака Старой гвардии в центр X австрийского корпуса увенчалась блестящим успехом. Противник стал медленно отступать по всему фронту Петровской бригады. «2 сентября, – пишет австро-венгерская история войны, – наша 2-я дивизия подверглась сильной атаке. Несмотря на содействие своих резервов и 37-й гонведной дивизии, русская контратака в её левый фланг вскоре заставила её уступить противнику то небольшое пространство, которое ей удалось захватить» (*Андоленко С.П.* Лейб-гвардии Преображенский полк в Великую войну. Париж, 1969. С. 2).

Победа Петровской бригады над 2-й австро-венгерской дивизией имела решающее значение в успехе боя всего отряда генерала Мрозовского. Прорыв фронта на стыке V и X австрийских корпусов на правом фланге 1-й австрийской армии во многом определил итог всего встречного сражения. Успешные действия лейб-гвардии Егерского полка и 2-й гренадерской дивизии генерала Ставровича за левым флангом Петровской бригады также внесли значительный вклад в успех боевого дня. В результате общих усилий войск отряда генерала Мрозовского части X австро-венгерского корпуса отошли примерно на двенадцать километров на линию деревень Лопенник Русский – Издебно. К ночи с 20 на 21 августа (со 2 на 3 сентября) между Крщёновским лесом и деревней Издебно в австрийском фронте образовалась брешь величиной в восемь километров.

За Владиславов полковники граф Игнатъев и Казакевич получили ордена Святого Георгия 4-й степени.

Лейб-гвардии Преображенский полк выиграл бой. Но какой ценой досталась победа!..

В 00.55 в ночь на 21 августа (3 сентября) начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии генерал Олохов отправил генералу Мрозовскому донесение об итогах операции. В нём говорилось, что задачи, возложенные на 1-ю гвардейскую пехотную дивизию, выполнены полностью, и что наибольшие потери понёс лейб-гвардии Преображенский полк. Вот полный текст донесения: «Доношу, что задачи, возложенные на части 1-й гв. пех. дивизии, выполнены. Л. Гв. Преображенский полк, кроме пунктов, о которых доносилось раньше, занял высоту 123,7¹⁹, на которой расположился 1-й батальон полка и один батальон Л. Гв. Семеновского полка, остальные батальоны этого полка заняли Седлишка Вельке²⁰.

Неприятель везде в полном отступлении по направлению на юг и юго-восток. Потери полка не приведены в известность. Больше всех пострадал Л. Гв. Преображенский полк (I и II батальоны).

¹⁹ Отметка в саженях; названная высота располагалась к югу от фольварка Анусин. – *Примечание автора.*

²⁰ На самом деле лейб-гвардии Семеновский полк расположился на ночлег у перекрёстка дорог у южного ската высоты 264, расположенной по другую сторону леса за фольварком Анусин. – *Примечание автора.*

Батальон Л. Гв. Измайловского полка в 4 час. вечера выступил на д. Ольшанку в распоряжение нач-ка 1-й гренад. дивизии. Последний батальон Л. Гв. Измайловского полка и три батареи Л. Гв. Артил. бригады прибыли и стали у д. Майдан Палицкий. Таким образом, у д. Майдан Полицкий находятся три батальона Л. Гв. Измайловского полка, три батареи Л. Гв. 1-й арт. бригады и ½ роты Л. Гв. Саперного батальона. Сюда же прибыл отряд Красного Креста и немедленно открыл свои действия.

Один парк парковой артиллерийской бригады частью высадился уже в Люблине, частью высаживается.

Испрашиваются дальнейшие указания.

Нач. 1-й гв. пех. дивизии ген. лейт. Олохов» (*Головин Н.Н.* Русская армия в Великой войне. Дни перелома Галицийской битвы. Париж, 1940. С. 69).

Австрийцы поспешно отходили. Ночь и бездействие командования дали неприятелю возможность оторваться, и соприкосновение с ним вскоре было окончательно потеряно. Откровенно пишет об этом Семёновец полковник Зайцов 1-й: «Штаб дивизии дал полкам довольно смутные указания. Размеры победы застали врасплох и наше командование. Полку было назначено занять высоту 264 по ту сторону леса за фольварком Анусиным. В полной темноте полк двинулся в указанном ему направлении. Найти эту высоту ночью, имея одну карту на полк, оказалось однако не так просто. Проплутав некоторое время, полк стал на ночлег у перекрестка дорог (как выяснилось потом, у южного ската этой пресловутой высоты) и выставил круговое охранение во все стороны. Нам тогда казалось это признаком неумения воевать в современных условиях... Сейчас, однако, когда известны действия и наших противников, можно критиковать распоряжения на эту ночь нашего штаба дивизии, но для полка, при полной неизвестности, куда отошел противник (а он как раз отошел не в том направлении, как предполагало наше командование), единственно разумным решением было именно стать где бы то ни было, но непременно выставить круговое охранение» (*Зайцов А.А.* Семёновцы в 1914 году. Гельсингфорс, 1936).

Купленная в значительной степени огромными потерями Старой гвардии, решительная победа в бою у деревень Владиславов, Стрыйна и фольварка Анусин в дальнейшем не дала желаемых плодов. Составив бодрые репортажи о действиях своих частей за боевой день, штаб 1-й гвардейской дивизии не позаботился должным образом о развитии успеха. То же самое можно сказать и про штаб Гренадерского корпуса. В результате: кавалерия не преследовала противника, разведка не имела точных данных о его действиях и местоположении, плохо была организована связь, топографические карты отсутствовали даже у командиров батальонов.

По утверждению полковника Зайцова 1-го: «Главной помехой в наступлении 21 августа были не австрийцы, а отсутствие связи и карт, а также полная неясность общей обстановки» (*Зайцов А.А.* Семёновцы в 1914 году. Гельсингфорс, 1936).

В то же время австрийцы под прикрытием арьергардов отошли на новый оборонительный рубеж: верховье реки Пор – Быхово и основательно укрепились на нём. Нерешительность всего отряда генерала Мрозовского в дальнейшем стоила двум гвардейским дивизиям большой крови во время штурма новой австрийской позиции, но об этом рассказ впереди...

Глава четвертая. Долгожданное наступление

В последующие два дня подошли другие гвардейские полки, а главное – корпусная артиллерия, которой так не хватало в бою у Владиславова. Теперь обе гвардейские дивизии в полном составе смогли принять участие в деле. Теснимые свежими частями 1-го гвардейского корпуса, австрийцы отступали к своей государственной границе, ведя ожесточённые арьергардные бои на хорошо подготовленных позициях.

В числе выбывших офицеров после боя у деревни Владиславов – тяжело раненный в левую ногу штабс-капитан Кутепов. В тот же день, 20 августа (2 сентября), его эвакуировали в дивизионный лазарет 2-й гренадерской дивизии. Врач осмотрел рану – австрийская пуля прошла сквозь мягкие ткани и раздробила кость. Такое ранение требовало длительного лечения. На фронт Александр Павлович смог вернуться лишь 24 ноября (7 декабря) (РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 44501. Послужной список 378–865. Л. 3 об.). Всё время лечения он не терял связь с полком и использовал любую возможность узнать что-то новое о своих боевых товарищах. Тем временем Старая гвардия вступила в череду непрерывных боёв.

Вскоре после боя у Владиславова последовала телеграмма Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. В ней говорилось, что ситуация на всех фронтах требует высокого напряжения сил гвардии. Немецкие войска уверенно наступали на Париж. Лишь ценой разгрома второй армии Северо-Западного фронта, что отвлекла на себя часть германских сил, удалось спасти столицу Франции.

На рассвете 21 августа (3 сентября) весь отряд генерала Мрозовского перешёл в наступление в южном направлении. К этому времени подошли части лейб-гвардии Измайловского полка и три артиллерийские батареи. В журнале боевых действий 1-й гвардейской пехотной дивизии находим запись: «21 VIII. Отряд ген. Мрозовского наступает в напр. на юг, развивая вчерашние успехи. Дивизия на участке которой подошла бриг. 2 гв. Пех. Див., атакует противника, занимающего линию Ченстоборовице – Крщонов. П. (Преображенцы) – наступали в промежуток между д. Жуков – Валентинов; С. (Семёновцы) – наступали на д. Валентинов; И. (Измайловцы) – наступали на д. Жуков; Е. (Егеря) – продвигались уступом за левым флангом дивизии, на д. Рыбчевице; А. (артиллерия) – 1, 2 и 4 бат-и присоединились к дивизии. К вечеру полки с боем вышли на сев. – вост. опушку Крщоновского леса. Заночевали на позиции». (Журнал боевых действий 1-й Гвардейской Пехотной Дивизии 1914 г. Составлен и издан исторической комиссией гвардейского объединения. С. 6.)

Преображенцы располагались в центре фронта дивизии, имея соседом справа измайловцев, слева наступали семёновцы. Уступом за левым флангом дивизии находились егеря. До полудня гвардия наступала, не встречая заметного сопротивления. Лишь крупный разезд австрийских улан смог просочиться на стыке расположения полков Старой гвардии и был уничтожен частями 2-го батальона преображенцев. Австрийское командование спешно затягивало кавалерией разрыв между своими X и V корпусами, и после двенадцати часов боевые столкновения усилились.

Устремляясь в промежуток между деревнями Жуков и Валентинов, в боевой линии преображенцев шёл их 4-й батальон. Под огнём вражеской артиллерии его роты всё больше увязали в перестрелках с отрядами спешенной вражеской кавалерии. На 16-ю роту налетел в конном строю один эскадрон, но был отброшен и понёс значительные потери. На подмогу графу Литке командир полка двинул 2-й и 3-й батальоны.

На рассвете семёновцы собрались в деревне Поличизна. Развернувшись в боевой порядок, они перешли в наступление к селу Рыбчевице в общем направлении на юго-запад. В первой линии шли 1-й и 3-й батальоны. Их левый фланг скользил вдоль реки Гелчев. Приданные полку 3-я и 4-я батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады поддерживали наступление

пехоты. Первые несколько часов движения семёновцы не встречали сопротивления. Отсутствие объективных сведений о местоположении неприятеля заставляло наступать осторожнее, чем можно было бы в сложившейся ситуации. Лишь австрийские шрапнели рвались высоко в небе розовыми вспышками, не причиняя лейб-гвардейцам никакого вреда. С наступавшими за левым флангом полка егерями связи не было. Она прервалась ещё накануне в полдень 20 августа (2 сентября) и весь следующий день отсутствовала. Возникла опасность просачивания вражеской кавалерии на стыке расположения семёновцев и егерей. Поэтому для обеспечения безопасности левого фланга полка, миновав Рыбчевице, генерал фон Эттер приказал третьей роте удерживать село Ченстоборовице на правом берегу реки Гелчев. Его левым берегом продолжали движение основные силы семёновцев. На высоте села Ченстоборовице левофланговый 1-й батальон подвергся усиленному обстрелу вражеской артиллерии, что не повлияло на темп наступления полка. На ночлег 1-й, 2-й и 4-й батальоны обосновались в деревне Валентинов, в районе деревни Доманч заночевал 3-й батальон. Штаб полка находился в селе Рыбчевице.

К вечеру на фронте преображенцев усилился огонь вражеских батарей и упорство австрийских арьергардов, но старейший гвардейский полк продолжал развивать наступление. К 16 часам после короткого боя преображенцы достигли северо-восточной окраины крщоновского леса и ворвались в деревню Валентинов. Все деревенские хаты и постройки были полны раненых и умирающих австрийцев. Увидев полкового священника отца Михаила Тихомирова, многие из тяжелораненых умоляли причастить их перед смертью. Тем временем, прикрывая отход своих частей, открыла огонь вражеская конная батарея. Полк занял позицию. Батальоны рассыпались в цепи. Под грохот рвущихся шрапнелей отец Михаил с христианской любовью исполнил волю умирающих...

Вскоре по-осеннему быстро стали сгущаться сумерки. Обезопасив себя сторожевым охранением, преображенцы обосновались на ночлег на опушке крщоновского леса. По итогам боевого дня командир 4-го батальона полковник граф К.Н. Литке Высочайшим Приказом от 12 (25) февраля 1915 г. был награждён Георгиевским оружием «...за то, что 21 августа 1914 г., командуя головным отрядом, IV батальоном, впоследствии усиленным II и III батальонами, под усиленным артиллерийским, пулемётным и ружейным огнём захватил высоты у д. Валентинов и лес между Валентиновым и Крщоновым, выбив оттуда противника, чем способствовал продвижению соседнего боевого участка».

Первый день наступления прошёл успешно, почти без потерь и без крупных боевых столкновений. Но офицеры понимали, что отступивший под прикрытием арьергардов враг готовит новый укреплённый рубеж обороны, который придётся штурмовать. Лейб-гвардейцев возмущало отсутствие связи и топографических карт. Весь день не было сведений о действиях егерей. Поэтому семёновцам приходилось особое внимание обращать на свой открытый левый фланг. Штаб гренадерского корпуса и штаб 1-й гвардейской дивизии не сочли нужным организовать преследование неприятеля кавалерией. О местоположении и действиях австрийцев командование имело лишь приблизительные данные, но должным образом не организовало разведку. В итоге гвардейские полки наступали в атмосфере полной неясности общей обстановки, что впервые дало лейб-гвардейцам повод усомниться в полководческих способностях своего дивизионного и корпусного начальства. Ведь за ошибки штабов, за их действия по лекалам войн XIX века, за привычку полагаться лишь на «авось» и стойкость «царицы полей» – русской пехоты, солдатам и офицерам на фронте приходилось дорого платить кровью.

Как только появлялся на передовой штабной офицер, он сразу же становился объектом общего внимания. У него пытались выведать хоть что-нибудь о действиях неприятеля и планах командования. В дневнике командира 5-й батареи полковника Альтфатера описан его разговор со старшим адъютантом штаба 1-й гвардейской дивизии Генерального штаба капи-

таном Гушиным^[48]. На вопрос о видении штабом дивизии ситуации на фронте он ответил, что неприятель, по его мнению, так бежит, что и кавалерия за ним не сможет угнаться. Из разговора полковнику Альтфатеру стало ясно, что, находясь под впечатлением от победы в бою у Владиславова, гвардейское командование недооценивает врага. А семёновец полковник Зайцов 1-й так прокомментировал данный эпизод: «По-видимому, исходя из этого, нашу конницу и не посылали вдогонку. Такое примитивное представление нашего командования о действительной обстановке, конечно, объясняет, почему 23 августа им решено было “почтить на лаврах”. В то время, пока мы отдыхали, австрийцы рыли окопы, а вовсе не бежали, и эти окопы нам пришлось штурмовать с 24-го по 27-е августа, понеся такие потери (особенно Измайловцы и 2-я гвардейская пехотная дивизия), которые и теперь после войны и всего пережитого за 3 года ее ведения, кажутся прямо чудовищными» (Зайцов А.А. Семёновцы в 1914 году. Гельсингфорс, 1936).

22 августа (4 сентября) в два часа дня 1-я гвардейская дивизия вместе с другими частями отряда генерала Мрозовского продолжила наступление, темпы которого по причине усиления сопротивления неприятеля существенно снизились. Кроме того в середине дня зарядил дождь и подули резкие ветра, что также тормозило движение войск. Всё же к шести часам вечера преображенцы вытеснили австрийский арьергард из крщоновского леса и закрепились на его западной опушке в виду деревни Крщонов, где враг успело основательно окопаться. Во время боя получил ранение младший офицер 12-й роты подпоручик Комаров 2-й^[49]. Решив не штурмовать австрийские окопы в сумерках, преображенцы остаток дня провели в перестрелке. Еще днём поступила новость, что 21 августа (3 сентября) части 3-й армии генерала от инфантерии Рузского заняли Львов. Сообщение это подняло дух лейб-гвардейцев и укрепило веру в успех общего дела.

Семёновцы в тот день наступали в направлении юго-восточной части крщоновского леса, стремясь ударить в правый фланг V австрийского корпуса, где располагалась 37-я гонведная дивизия. Во время разведки в лесном массиве получил ранение младший офицер 10-й роты подпоручик Бойе ав Геннэс^[50].

К вечеру семёновцы с боем заняли юго-западную опушку крщоновского леса, где и остались на ночлег. Штаб полка расположился в домике лесника, наметив штурм Крщонова утром следующего дня. До самого рассвета австрийцы не прекращали обстрел леса. То и дело в темноте раздавались щелчки ружейных пуль и взрывы артиллерийских снарядов. Создавалось впечатление, что части 37-й гонведной дивизии собираются удерживать Крщоновский оборонительный рубеж. Но ситуацию изменила обстановка на фронте правого фланга X австрийского корпуса. Потерпев неудачу, он 22 августа (4 сентября) отступил за реку Пор, что вынудило австрийское командование на следующий день отвести и V корпус на линию Быхово – река Пор. Приказ об отходе в 37-ю гонведную дивизию передали рано утром, и австрийцы поспешно начали его выполнять, оставив в окопах усиленный арьергард. Не зная об отступлении неприятеля из Крщонова, штаб 1-й гвардейской дивизии приказал Старой гвардии лобовой атакой на рассвете овладеть укрепленным районом.

С восходом солнца сильный предутренний туман стал рассеиваться, и к восьми часам утра взору открылась картина вражеской позиции. На возвышенностях виднелись брустверы, ряды свежей выброшенной глины отмечали несколько линий окопов. Предстоящий бой виделся упорным. Погода тоже не баловала. По винтовкам струилась вода. Сапоги увязали в грязи. Промокшие до нитки, измазанные глиной, лейб-гвардейцы готовились к атаке.

Семёновцы повели наступление с юго-западной опушки крщоновского леса на деревню Майдан Крщоновский. По стройным цепям лейб-гвардейцев австрийцы открыли огонь из винтовок и пулемётов. Ружейная пуля ранила командира 12-й роты капитана Штейна^[51]. К полудню почти без потерь семёновцы овладели деревней, где провели вторую половину дня и заночевали. Соприкосновение с неприятелем было потеряно. И гвардейское

командование, и штаб генерала Мрозовского вновь не посчитали нужным организовать преследование врага. Благодаря такой беспечности русского командования австрийцы спокойно отошли на новую оборонительную линию: верховье реки Пор – Быхава и основательно укрепились на ней.

В тот же день, 23 августа (5 сентября), согласно приказу штаба дивизии, преображенцы штурмовали в лоб укрепленный район у деревни Крщонов. 2-й, 3-й и 4-й батальоны выдвинулись в боевую линию. В девятом часу утра 3-й батальон вышел из укрытий и двинулся в наступление на высоту 247. В то же время слева поднялся в атаку 2-й батальон. Уступом за левым флангом шёл 4-й батальон. Австрийцы открыли ураганный огонь по 2-му батальону, наступавшему по открытой местности, и приостановили его движение. На поддержку из резерва выдвинулись рота Его Величества и 3-я. Одновременно роты 3-го батальона, пользуясь укрытиями на местности, не снижали темп наступления. Им активно помогали пулемёты подпоручика Зубова 1-го^[52]. Цепи двигались перебежками, падая на мокрую глину после очереди гранат или низких разрывов шрапнели. Комья мокрой земли и осколки снарядов свистели над их головами. То и дело захлёбываясь, такали австрийские пулемёты. Выбрав удобный момент, мокрые, все измазанные грязью, преображенцы вновь поднялись и быстро пошли вперёд. Их цепи заметно принимали влево, устремляясь на околицу Крщонова и на ключевую высоту 247.

В одиннадцатом часу подпоручик Абаза^[53], размахивая револьвером, первый вскочил на бруствер вражеского окопа у высоты 247. За ним во вражеский окоп бросилась группа солдат 12-й роты. Через несколько мгновений на бруствере другого окопа уже стоял подпоручик Комаров 1-й^[54] и стрелял из револьвера по врагу. Ощетинившись штыками, за ним последовала часть 11-й роты. За этот подвиг обоих офицеров представили к ордену Святого Георгия 4-й степени.

Стремительную атаку 3-й батальон завершил рукопашной схваткой, овладев сердцем позиции, высотой 247, и пленив около сотни австрийцев при двух пулемётах. Во время атаки в 3-м батальоне из строя выбыло до ста пятидесяти солдат и три офицера. Смертельно ранен поручик Вансович 1-й^[55]. Он скончался через два дня, 25 августа (7 сентября). Тяжёлые ранения получил прапорщик Кистер 1-й^[56]. Его отправили в лазарет, но не прошло и месяца, как преображенцы узнали о его кончине 18 сентября (1 октября). Ранение получил младший офицер 9-й роты прапорщик Яковлев 1-й^[57].

Но враг ещё не сдавался. Пользуясь тем, что роты 2-го батальона оказались, как на ладони, на совершенно открытой местности, австрийские пулемёты не давали преображенцам поднять голову. Всё же, выждав удобный момент, в тридцать пять минут двенадцатого 2-й батальон с криками «ура» бросился в решительную атаку. Австрийцы не выдержали натиска, к тому же левый фланг их позиции смял 3-й батальон преображенцев. Началось быстрое отступление, местами переходившее в беспорядочное бегство. 2-й батальон взял около 500 пленных и 4 пулемёта. В плен австрийцы сдавались целыми группами. При этом добровольно сдавшиеся русины в знак дружбы показывали свои нестреляные винтовки. В общей сложности в плен попало около тысячи нижних чинов при восьми офицерах и шести пулемётах.

В тот день с поручиком Торнау приключился любопытный случай, характерный для начала Великой войны. Находясь в цепях 2-го батальона, он увидел раненого австрийского офицера. «Ружейной пулей у него была перебита рука, и он очень страдал, – писал о происшествии барон С.А. Торнау. – При мне находилась фляжка с коньяком, и я налил ему немного в рот. Нагнувшись, я заметил лежащую около него сумку с картами, которую тотчас же и отобрал. Раскрыв сумку, я стал разглядывать карты со сделанными на них цветным карандашом отметками. Заинтересовавшись, что означали эти отметки, я обратился к офицеру с просьбой объяснить это мне. Как восторженный, австриец вскочил на ноги и, взяв здоро-

вую руку под козырек, спросил меня, с кем он имеет честь разговаривать. Я назвал себя и свой полк. Тогда австриец, оказавшийся впоследствии офицером Генерального штаба, сказал мне, что он такой же офицер, как и я, и что я должен прекрасно понимать, что на такие вопросы он не вправе отвечать. Молча отдав ему честь, я забрал с собой карты и отнес их графу Игнатьеву» (*Торнау С.А. С родным полком (1914–1917)*. Берлин, 1923. С. 32).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Граф Игнатьев Николай Николаевич (21.08 (02.09.).1872, Константинополь – 20.02.1962, София). Из потомственных дворян Тверской губернии. Окончил Александровский кадетский корпус (1889), Пажеский корпус (1891), выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Преображенский полк. Чины: поручик (1895), штабс-капитан (1900), капитан (1903), полковник (1910), флигель-адъютант (1912). В 1897 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Старший штаб-офицер лейб-гвардии Преображенского полка (1911–1914). 14 (27).07.1914 назначен командующим лейб-гвардии Преображенским полком. В этой должности 01 (14).08.1914 выступил на Великую войну. Награждён орденом Святого Георгия 4-й степени (Высочайший приказ 30.01 (12.02).1915) «за то, что с отличным мужеством руководил блестящими действиями полка в боях Люблинской операции с 19 августа по 2 сентября 1914 г., особенно 20 августа 1914 г. у Владиславова, при обороне взятой полком высоты 114,3, когда, несмотря на неоднократные бешеные натиски противника, сильные потери (17 офицеров и 800 нижних чинов) и двукратное приказание отойти, удержал позицию и тем обеспечил фланг дивизии и успех Суходольской операции» и Георгиевским оружием (Высочайший приказ 18 (31).07.1916) «за то, что, будучи в чине полковника, 13 октября 1914 года, состоя командиром лейб-гвардии Преображенского полка и руководя боевыми действиями названного полка под Ивангородом, под сильным ружейным и артиллерийским огнём, с боя захватил деревню Пенков и удержал этот важный пункт до конца боя». Генерал-майор (1915) с зачислением в Свиту Его Величества. Начальник штаба гвардейского отряда (1915–1916), исполняющий дел начальника штаба войск Гвардии (1916), командовал 1-й бригадой 1-й гвардейской пехотной дивизии (1916–1917), затем 1-й гвардейской пехотной дивизией (1917). Отчислен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа. Служил в армии гетмана Скоропадского, командовал 6-й кадровой дивизией (1918). Участвовал в Гражданской войне в составе ВСЮР (Вооружённых Сил Юга России). В декабре 1919 г. возглавлял оборону Одесского района. В январе 1920 г. эвакуирован из Одессы. В эмиграции: через Турцию попал в Париж, жил у старшего брата в Лондоне. Затем обосновался в Болгарии, в Софии, где работал в Национальной библиотеке. Скончался в Софии 20.02.1962. Ю.В. Макаров в книге «Моя служба в Старой гвардии 1905–1917» писал о нём: «...под его командованием, энергичным и умелым, Преображенский полк вписал в свою боевую историю не мало блестящих страниц. ... В первые годы войны, имея командиром слабого, нерешительного и совершенно не военного Эттера, мы очень завидовали “Захарам” (прозвище Преображенцев), что у них такой отличный командир, и дорого бы дали, чтобы поменяться. Осенью 1916 г. Н.Н. Игнатьев получил нашу дивизию, уже усталую и потрепанную, и сделал все, что было в человеческих силах, чтобы привести ее в порядок. Между прочим, его гражданскому мужеству наши полки обязаны тем, что они, единственные во всей российской армии, сохранили воинский дух и боеспособность до самого конца».

2.

Зуев Дмитрий Дмитриевич (10 (22).10.1890, Вена – 26.06.1931, Ленинград) Из потомственных дворян Псковской губернии. Отец: Зуев Дмитрий Петрович (11 (23).06.1854 – 04 (17).09.1917). Генерального штаба генерал от инфантерии. Мать: Зуева Вера Лавровна (урождённая Рудановская) (1853–1933 (1934?)). 08 (21).11.1902 Д.Д. Зуев поступил в Пажеский корпус. 01 (14).09.1907 был переведён в младший специальный класс, а в сентябре 1908 г. при переходе в старший специальный класс стал камер-пажом вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. Пажеский корпус Д.Д. Зуев окончил в 1909 г. с отличием, и его имя было занесено на мраморную доску. В июне 1909 г.

камер-паж Д.Д. Зуев прикомандирован к лейб-гвардии Преображенскому полку и в день полкового праздника (06 (19).08.1909) произведён в подпоручики, младший офицер роты Его Величества. Зимой 1910–1911 получил должность полкового адъютанта. Поручик (06 (19).12.1913). 01 (14).08.1914 поручик Д.Д. Зуев выступил на Великую войну с лейб-гвардии Преображенским полком полковым адъютантом. После боя под Петриловым 27.07 (09.08).1915 назначен командующим 4-й ротой. 20.08 (02.09).1915 в бою за Гудулинские высоты (под Вильно), командуя 4-й ротой, поручик Д.Д. Зуев был тяжело контужен в голову. До конца 1915 г. восстанавливался после контузии. Затем был прикомандирован к Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве, куда прибыл 22.01 (04.02).1916. Там он сопровождал английскую военную миссию. 30.05 (12.06).1916 подал рапорт об отправке на фронт и 07 (20).07.1916 вернулся в лейб-гвардии Преображенский полк, в 4-ю роту, где был произведён в штабс-капитаны. 3 (16).09.1916 в бою у деревни Свинюхи Д.Д. Зуев получил тяжёлые ранения в руку и ногу. Сначала лечился в госпитале Кауфманской общины имени Государыни Императрицы Марии Фёдоровны в Луцке, а затем его перевезли в госпиталь в Царское Село. 25.12.1916 (07.01.1917) приходит приказ о производстве его в капитаны. В мае 1917 г. назначается командующим 1-м батальоном. 05 (18).12.1917 произведён в полковники. В декабре 1917 – январе 1918 г. председатель полковой демобилизационной комиссии. Из протокола допроса 08 января 1931: «12-ХП-1917 года в дер. Лука-Мале я последний раз виделся с Кутеповым. Он мне предложил: “Едем на Дон, или, если хочешь, доверши демобилизацию, езжай в Петроград, береги полковое добро и, когда немцы займут город, обереги вдов, жен и всех, кого надо”. Я принял второе и остался до конца января демобилизовывать полк. С головкой Полкового Комитета, комиссией, архивом и денежным ящиком я 2 февраля выгрузился на ст. Петроград». С февраля до июля 1918 г. по инициативе генерал-майора Б.В. Шульгина состоял в контрреволюционной офицерской организации, «блоке 4-х полков» (Преображенского, Семёновского, Волынского и Финляндского), которые, по замыслу руководителей, должны были стать основной военной опорой предполагаемого восстания. После разоружения Преображенского полка 15.03.1918 надежда на успех восстания пропала. В 1918 г. у себя на квартире (улица Захарьевская (улица Каляева (1923–1991), дом 15, кв. 2) Д.Д. Зуев спрятал полковое знамя лейб-гвардии Преображенского полка (было найдено при обыске в 1930 г.) и полковую реликвию – шпагу командира гвардейского корпуса великого князя Михаила Павловича (брата императора Николая I). Рукоятка и оправа шпаги были украшены алмазами и изумрудами, работа придворной гранильной Петергофской фабрики 1830-х годов, клинок шпаги – Златоуст (найден при обыске в 1920-х во время командировки Д.Д. Зуева на Туркестанский фронт, когда был пущен слух, что он ушёл к белым). Из протокола допроса Д.Д. Зуева 25.01.1931 в ОГПУ: «Конверт с остатками полотнища был мною положен в деревянный ящичек из-под серебра и зарыт в сарае...» До 20.05.1918 – председатель Ликвидационной комиссии Преображенского полка. В 1918–1919 гг. сотрудник Главархива в Петрограде. В 1918, зимой 1918/19 гг. встречался с эмиссарами генерала А.П. Кутепова, приехавшими в Петроград для вербовки желающих служить в Добровольческой армии. В 1919–1923 гг., как военный специалист РККА, был в командировке на Туркестанском фронте, где активно работал над созданием военного архива. В октябре 1919 г. Д.Д. Зуев выезжает в Самару, где его переводят в распоряжение командования Туркестанского фронта. В начале ноября 1919 г. направляется в Военно-дипломатическое управление Реввоенсовета Туркфронта, а после его расформирования работает в Военно-научном управлении штаба фронта. С сентября 1920 по март 1921 г. находился в Москве, возглавив делегацию, отправленную в столицу для решения вопроса об открытии военного факультета Туркестанского государственного университета, а так же для сбора научной библиотеки и инвентаря. В этот период Д.Д. Зуев женился на Ксении Владимировне

Селивачёвой (1896–193?). В марте 1921 г. возвратился в Ташкент на должность начальника военно-исторического отделения оперативного управления Туркфронта и одновременно являлся председателем Среднеазиатского военно-научного общества, секретарём окружного журнала «Красная казарма», вёл военный отдел фронтовой газеты. Весной 1922 г., в дни боёв с частями Энвер-Паши, Д.Д. Зуев некоторое время исполнял обязанности начальника штаба экстренно созданной Бухарской группы частей Красной армии, принимал участие в разработке плана разгрома войск Энвер-Паши. 24.06.1923 Д.Д. Зуев вернулся из Средней Азии в Петроград. В конце августа его навестил полковник Жуковский – связной А.П. Кутепова. Д.Д. Зуев сообщил об этом начальству и был завербован ОГПУ. Оперативный псевдоним: «Аккуратный». Он действовал от имени якобы существовавшей «военной организации» командиров РККА из бывших офицеров Императорской армии. В 1924–1928 гг. участвовал в операции «Д-7» иностранного отдела КРО ГПУ, с целью выявления эмиссаров председателя РОВС генерала А.П. Кутепова, их вербовки и внедрения своих агентов в латвийскую разведку и РОВС, для его развала. 16.11.1925 Д.Д. Зуев назначается начальником общего отдела инспекторов Ленинградского военного округа (ЛВО), а 27.10.1926 – начальником 4-го отдела штаба ЛВО, а также начальником Лужского лагерного сбора. Окончил Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНС) и выезжает в командировку в Германию. Осенью 1930 г. назначен временным войсковым руководителем на созыв КУВНС. С 05.12.1930 назначен начальником учебного сектора КУВНС. Намечается перевод в Москву. 30.12.1930 арестован органами ОГПУ как «участник контрреволюционной офицерской организации». Приговорен 30.05.1931 ОСО (Особое совещание) при Коллегии ОГПУ к высшей мере наказания – расстрелу. Расстрелян 26.06.1931 в Ленинграде. Место захоронения неизвестно. В 1957 г. реабилитирован.

3.

Мещеринов Сергей Александрович (1890 – 22.01.1978, Франция). Окончил Пажеский корпус в 1909 г. Выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Преображенский полк. На 01 (14).01.1914 поручик С.А. Мещеринов в том же полку, младший офицер роты Его Величества. 01 (14).08.1914 в той же должности поручик С.А. Мещеринов выступил на Великую войну с лейб-гвардии Преображенским полком. 27.08 (09.09).1914 в бою у деревни Зарашов во время штыковой атаки был ранен пулей в правую руку. К 1917 г. – капитан. В период Гражданской войны служил в рядах Белого движения. Подполковник. Эмигрировал во Францию. К 1940 г. секретарь, член правления Союза пажей. Жена: Варвара Фёдоровна Мещеринова (урождённая графиня Уварова) умерла 26.07.1966 в Ницце. С.А. Мещеринов скончался 22.01.1978, о чём сообщила парижская газета «Русская мысль» в № 3188 за 26.01.1978. Похоронен 26.01.1978 в Ницце на кладбище Кокад.

4.

Фон дер Лауниц Александр Владимирович (1890 – 24.08 (06.09).1914). Из рода остзейских дворян. Отец: фон дер Лауниц Владимир Фёдорович (10 (22).08.1855 – 21.12.1906 (03.01.1907), генерал-майор, с 23.12.1905 (05.01.1906) по 21.12.1906 (03.01.1907) градоначальник Санкт-Петербурга, застреленный 21.12.1906 (03.01.1907) террористом-революционером Е.Ф. Кудрявцевым на пороге только что освящённого храма в честь святой мученицы Царицы Александры Римской в Петербургском институте экспериментальной медицины. Мать: фон дер Лауниц Мария Александровна, в девичестве княжна Трубецкая (1863–1922). В 1914 подпоручик лейб-гвардии Семёновского полка А.В. фон дер Лауниц проживал по адресу: Санкт-Петербург, ул. Рузовская, д. 29 (Весь Петербург 1914). 02 (15).08.1914 подпоручик А.В. фон дер Лауниц выступил на Великую войну младшим офицером 2-й роты. Убит шрапнелью в бою 24.08 (06.09).1914. Тело А.В. фон дер Лауница

его мать, Мария Александровна, увезла в родовое имение Каргашино, Елатомского уезда Тамбовской губернии (ныне Сасовский район Рязанской области), где похоронила его рядом с могилой отца В.Ф. фон дер Лауница.

5.

Тихомиров Михаил Владимирович (? – 13.02.1931, Ленинград). В 1913 г. – священник Спасо-Преображенского собора. Проживал по адресу: СПб., улица Спасская, дом 3 (Весь Петербург 1913). Полковой священник протоиерей отец М.В. Тихомиров выступил на Великую войну с лейб-гвардии Преображенским полком 1 (14).08.1914. Награждён золотым наперстным крестом на георгиевской ленте (1915). В феврале 1918 г. с остатками полка вернулся в Петроград. В ночь с 25 на 26 декабря 1930 г. в Ленинграде были арестованы 13 человек, которых сотрудники ОГПУ объединили как членов кружка Н.М. Рункевич. Среди арестованных был и М.В. Тихомиров. По решению Особого отдела ОГПУ от 10 февраля, протоиерей Спасо-Преображенского собора Михаил Владимирович Тихомиров был расстрелян 13.02.31.

6.

Зайцов Арсений Александрович (16 (28).10.1889 – 2.04.1954, Париж, похоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа). Из потомственных дворян. Окончил Пажеский корпус (1906, общие классы) и Николаевское инженерное училище (1909) из которого вышел в лейб-гвардии Семеновский полк. Незадолго до начала Великой войны поступил в Императорскую Николаевскую военную академию (1913), переведен на старший курс (1914), но не успел ее окончить, уйдя на войну в составе своего полка. Окончил старший класс 1-й очереди ускоренных курсов Николаевской военной академии (1917). Капитан. Причислен к Генеральному штабу (приказ по ГШ № 24 от 28.06 (11.07).1917). Награждён Георгиевским оружием (ВП 29.08 (11.09).1916. В сб. «Военный орден...» не отмечен). На 23.11 (06.12).1916 – командир 6-й роты, штабс-капитан. На 21.11 (4.12).1917 – начальник штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии, капитан Генерального штаба. Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР. В апреле 1919 г. начальник боевого участка Сводного Гвардейского батальона на Акманайских позициях (Акманайский перешеек на востоке Крыма). В 1919 командир роты в Сводном Гвардейском полку. На январь – февраль 1919 г. начальник штаба Гвардейского отряда. С 8.07.1919 командир 1-го батальона, осенью 1919 командир батальона лейб-гвардии Семеновского полка в 1-м сводном гвардейском полку. На январь 1920 командир Сводного батальона 1-й гвардейской пехотной дивизии. Участник Бредовского похода. 20.07.1920 эвакуирован в Королевство СХС. Возвратился в Крым. В Русской армии старший адъютант штаба Донского корпуса генерал-лейтенанта Ф.Ф. Абрамова. В эмиграции в лагере Чаталджа (близ Константинополя), на о. Лемнос. Прибыл с корпусом в Болгарию и до марта 1922 г. исполнял должность старшего адъютанта штаба Донского корпуса в Стара Загора. С августа 1922 г. помощник начальника гвардейского отряда в Болгарии. В 1924 г. вызван в Париж А.П. Кутеповым и стал одним из его ближайших помощников. Осенью 1925 г. в прикомандировании к 1-й Галлиполийской роте в Болгарии. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде. Затем в Париже в 1931 г. помощник по учебной части и член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже. «Убежденный противобольшевик, признанный знаток коммунистического аппарата войны – Красной армии», в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) тех же курсов, профессор (курс «Эволюция новейшего военного искусства»). Защитил диссертацию «Общая тактика». После смерти генерала Н.Н. Головина (1944), начиная с 1951 г. руководил ими до своей кончины. Один из организаторов и руководителей Института по исследованию проблем войны и мира им. проф. генерала Н.Н. Головина. В 1951 г. вошел в Комиссию по

празднованию 150-летия Пажеского корпуса. Член полкового объединения. Сочинения: «Семеновцы в 1914 г.». Гельсингфорс, 1936; «1918 г.». Гельсингфорс, 1934; «Орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия». Нью-Йорк, 1955; «Учебник тактики». Париж, 1932; «Служба Генерального штаба». Нью-Йорк, 1961 и др.

7.

Олохов Владимир Аполлонович (21.01 (02.02).1857 – 14.12.1920, Петроград). Из потомственных дворян Лифляндской губернии. Отец: Олохов Аполлон Алексеевич (1815–1866): генерал-майор. В.А. Олохов образование получил во 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии (1873). В службу вступил 16 (28).08.1873. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1876). Выпущен подпоручиком (10 (22).08.1876) в 3-ю гвардейскую и гренадерскую артиллерийскую бригаду. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Поручик (18 (30).12.1877). Переведён в лейб-гвардии 2-ю артиллерийскую бригаду подпоручиком гвардии (10 (22).01.1878). Поручик (28.03 (09.04).1882). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1882; по 1-му разряду). Штабс-капитан гвардии с переименованием в капитаны Генерального штаба (04 (16).04.1882). Отбывал лагерный сбор при войсках Петербургского военного округа. Помощник старшего адъютанта Виленского ВО (05 (17).12.1887 – 21.06 (03.07).1889). Штаб-офицер для поручений при штабе Виленского ВО (21.06 (03.07). – 11 (23).11.1889). Подполковник (30.08 (11.09).1889). Старший адъютант штаба Виленского ВО (11 (23).11.1889 – 31.01 (12.02).1891). Штаб-офицер для особых поручений при штабе Виленского ВО (31.01 (12.02).1891 – 23.01 (04.02).1893). Цензовое командование батальоном отбывал в 105-м пехотном Оренбургском полку (01 (13).11.1892 – 25.10 (06.11).1893). Полковник (30.08 (11.09).1893). Штаб-офицер при управлении начальника Виленской (бывшей 5-й) местной бригады (23.01 (04.02).1893 – 04 (16).09.1896). Начальник штаба 2-й кавалерийской дивизии (04 (16).09.1896 – 27.03 (08.04).1898). Начальник штаба 27-й пехотной дивизии (27.03 (08.04).1898 – 10 (23).12.1900). Командир 112-го пехотного Вяземского полка (10 (23).12.1900 – 09 (22).06.1903). Генерал-майор (09 (22).06.1903). Командир лейб-гвардии Литовского полка (09 (22).06.1903 – 31.08 (13.09).1908). Командир 2-й бригады 3-й гвардейской пехотной дивизии (31.08 (13.09).1908 – 13 (26).02.1909). Генерал-лейтенант (13 (26).02.1909). Начальник 22-й пехотной дивизии (13 (26).02.1909 – 30.05 (12.06).1912). Начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии (с 30.05 (12.06).1912). В этой должности в августе 1914 г. выступил на Великую войну. Награждён орденом Святого Георгия 4-й степени (Высочайший приказ 04 (17).11.1914). С 28.12.1914 (10.01.1915) – командир 23-го армейского корпуса. Генерал от инфантерии (22.03 (04.04).1915). Награждён Георгиевским оружием (Высочайший приказ 02 (15).06.1915) «за то, что в бою 3–6 ноября 1914 г. в районе дд. Сулошов, Ржеплин и пос. Скала, командуя 1-й гвардейской пехотной дивизией, лично находился в течение всех четырех дней боя под действительным артиллерийским огнём противника и руководил отбитием повторных атак превосходных сил противника, настойчиво пытавшегося в течение всех этих дней овладеть флангом дивизии. Удержав позиции своей дивизии, он 7 ноября передал свой участок другим частям». 01 (14).06.1915 под командованием генерала Олохова на стыке 3-й и 8-й армий Юго-Западного фронта была образована армейская группа в составе 29-го, 23-го армейских корпусов, 2-го и 5-го Кавказских армейских корпусов и 4-го конного корпуса. В ее задачу входило прикрывать намечавшийся разрыв между армиями и сообщения на Холм и Владимир-Волынский. 07 (20).06.1915 вместе с 8-й армией группа была выбита с Городокских позиций и откатилась за линию Львова. 12 (25).06.1915 группа генерала Олохова была передана Северо-Западному фронту. 12 (25) июня противник нанес удар на стык 3-й армии и группы генерала Олохова. В ходе Томашевского сражения 13–17 (26–30).06.1915 войска

генерала Олохова были отброшены на Грубешов. Получив из резерва 31-й армейский корпус, генерал Олохов получил приказ удерживать Холм. В конце июня 1915 г. группа генерала Олохова была преобразована в 13-ю армию, командование которой поручено генералу В.Н. Горбатовскому. С 25.08 (07.09).1915 командир Гвардейского корпуса. С 08.12.1915 командовал 2-м гвардейским корпусом. С 27.05 (09.06).1916 член Александровского комитета попечения о раненых. В 1917 г. вышел в отставку. В 1918 г. зачислен на службу в РККА (Рабоче-Крестьянскую Красную Армию), где был сотрудником Главархива до 1920. Включён в список Генштаба РККА 07.08.1920. 14.12.1920 скончался в Петрограде после продолжительной болезни. Похоронен на Новодевичьем кладбище. Ю.В. Макаров в своих воспоминаниях «Моя служба в Старой гвардии 1905–1917» писал о нём: «Был он мужчина высокий, представительный, с окладистой бородой и приятный в обращении. В августе – сентябре 1914 г., во время Галицийской битвы, когда наша гвардия колошматила австрийцев и гнала их перед собой, Олохова можно было иногда видеть довольно близко от боя. Во время позиционной войны он сидел в штабе, приезжая в полки только тогда, когда они стояли в резерве, и то по торжественным случаям, на раздачу крестов и т. п. Относились к нему безразлично, но не помню, чтобы его особенно ругали, что, при общем ругательном настроении офицеров на войне, само по себе уже хороший знак».

8.

Малецкий Сигизмунд Васильевич. Из потомственных дворян. Поступил в лейб-гвардии Преображенский полк в 1910 г. Произведён в офицеры из вольноопределяющихся (1910). К 1 (14) января 1914 г. подпоручик С.В. Малецкий – младший офицер 16-й роты и проживал по адресу: Санкт-Петербург, ул. Кирочная, д. 23. 01 (14).08.1914 С.В. Малецкий выступил на Великую войну с лейб-гвардии Преображенским полком ординарцем командира 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии.

9.

Герцог Лейхтенбергский Николай Николаевич (05 (17).10.1868 – 02.03.1928) Уроженец Женевы. Получил домашнее образование. В службу вступил 22.01 (03.02).1891. Выдержал офицерский экзамен при Павловском военном училище (1892). Определен в лейб-гвардии Преображенский полк. Подпоручик (04 (16).08.1892). Поручик (04 (16).08.1896). Штабс-капитан (04 (16).08.1900). Капитан (04 (17).08.1904). Командовал ротой (6 л. 5 м. 28 д.), батальоном (3 г. 6 м. 16 д.). Флигель-адъютант (с 1912). Полковник (25.03. (07.04).1912). 01 (14).08.1914 полковник Н.Н. герцог Лейхтенбергский выступил на Великую войну с лейб-гвардии Преображенским полком командующим 1-м батальоном. Командир 12-го Туркестанского стрелкового полка (с 12 (25).06.1915). Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени (Высочайший приказ (ВП) 20.08 (02.09).1916) и Георгиевским оружием (ВП 24.12.1916 (06.01.1917)). После Февральской революции отчислен от должности по болезни, с зачислением по гвардейской пехоте. Генерал-майор (22.03 (04.04).1917). Арестовывался весной 1918 г. Активный участник Белого движения, один из лидеров киевских монархистов. С 05.07.1918 посол атамана Краснова в Берлине – возглавлял миссию к кайзеру Вильгельму II, где получал согласие последнего на снабжение Всевеликого Войска Донского оружием, необходимым для борьбы казаков с большевиками. В эмиграции в Германии. Умер в Руте в Баварии. Похоронен на родовом кладбище в баварской деревне Энддорф.

10.

Казакевич Евгений Михайлович (29.04 (11.05).1869 – 1931). Из потомственных дворян. Помещик Веневского уезда Тульской губернии. Окончил Пажеский корпус (1889), был выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Преображенский полк. Чины: поручик (1897),

штабс-капитан (1901), капитан (за отличие, 1905), полковник (1912), флигель-адъютант (1915), генерал-майор (1916). После светского скандала, возникшего на почве любовной интриги, вынужден был покинуть полк. Из протокола допроса Д.Д. Зуева в ПП ОГПУ в ЛВО от 12.01.1931 о Е.М. Казакевиче: «В конце 90-х годов ушел из полка в запас вследствие женитьбы. В Петербурге был известный богач и делец фон Дервиз. Он был женат (или, вернее, его на себе женила) на Юлии Петровне Ивановой, сестре Андрея Петровича Иванова (б[ывшего] пажа, б[ывшего] офицера Пр[еображенского] п[олка], товарища Казакевича). Казакевич, атлет и редкой силы и неутомимости, “въехал” в брак Дервизов в качестве третьего. Дело кончилось разводом (в те времена – скандал!!!) и тем, что Дервиз дал “отступного” в виде громадного дома на Сергиевской бывш[ей] жене и домишку на Кирочной Андрею Петровичу. В полку после таких “сенсаций” оставаться было нельзя». В 1894–1898 гг. состоял в запасе, затем служил обер-офицером для поручений при начальнике Главного штаба (1898–1904). Участник Русско-японской войны, служил адъютантом начальника полевого штаба наместника на Дальнем Востоке (1904), адъютантом командующего 1-й Маньчжурской армией (1904–1905). В 1906 г., когда в лейб-гвардии Преображенском полку освободились офицерские вакансии (после громкого инцидента в 1-м батальоне – неповиновения солдат, названного бунтом), вновь вернулся в полк в чине капитана, командиром 4-й роты. Затем командовал ротой Его Величества, батальоном лейб-гвардии Преображенского полка. Полковник Е.М. Казакевич выступил на Великую войну с лейб-гвардии Преображенским полком 1 (14).08.1914 командиром 2-го батальона. Отличился в Галицийской битве, за бой у деревни Владиславов 20.08 (02.09).1914 награждён орденом Святого Георгия 4-й степени. В 1916 г. был переведен на Румынский фронт для командования пехотной дивизией. Летом 1918 г. стал участником антибольшевистской организации, собирал средства для царской семьи. В марте 1924 г. арестован по делу «контрреволюционной монархической организации», приговорён к трём годам лишения свободы. Отбывал наказание в Бутырской тюрьме. Освобождён в 1926 г. До 1929 г. жил в Москве у сестры, Марии Михайловны Зайончковской, вдовы Андрея Медардовича Зайончковского. В 1929 г. переехал в Ленинград, где работал сторожем Стройтреста. В 1930 г. арестован по «Преображенскому делу», другое название – «Гвардейское дело» (часть дела «Весна»). Обвинялся в нелегальной отправке полковых регалий императрице Марии Фёдоровне в Копенгаген. Бывшие однополчане говорили, что у Казакевича хранилось навершие полкового знамени, двуглавый орел. Однако сам он утверждал, что навершие выбросил в Фонтанку. В начале февраля 1931 г. приговорён к высшей мере наказания и расстрелян. Князь К.Н. Голицын и генерал Е.М. Казакевич в 1924 г. содержались в одной камере в Бутырской тюрьме. Интересен словесный портрет Е.М. Казакевича из книги «Записки князя Кирилла Николаевича Голицына»: «Евгений Михайлович обладал добрейшей душой, искренней доброжелательностью к людям и был прост в обращении с ними. Что до рисовки, то она вообще была чужда всему его складу, да и не требовалась для украшения его бесхитростных речей. Лицом он не был красив, но удивительно симпатичен, своей крупной фигуре старался придать молодцеватость, но годы делали свое дело, и Казакевич выглядел более стариком, чем белый как лунь Гадон – старший по возрасту, да и по чину. Никакими сколько-нибудь значительными познаниями Казакевич не отличался – иностранные языки и кое-какие сведения из гуманитарных наук – вот и все. Я думаю, что и в военном деле, кроме обязательной “шагистики”, он полагался более на свою физическую силу и личную храбрость. Я бы сказал, что это был вполне заурядный военный, для которого все воспринимаемое извне преломлялось сквозь призму любимого Преображенского полка и этим ограничивалось. Материально он был прежде человеком обеспеченным: богатый помещик, владелец огромного доходного дома в Петербурге на Сергиевской улице. Казакевич придерживался твердых взглядов на

долг солдата, служил верой и правдой и ни от какого ратного труда не уклонялся. Он воевал и в 1904–1905, и в 1914–1917 гг. Его могучее тело было изрешечено и японскими, и немецкими пулями: на рукаве его старой солдатского сукна шинели почти до самого локтя были нашиты золотые и серебряные галуны – за ранения и контузии. Убеждений Евгений Михайлович придерживался консервативных, и старому строю был предан всей душой. Перед памятью последнего российского самодержца он благоговел и, говоря о нем, называл не иначе, как “государь”. Словом, это был законченный тип верного слуги престола, принимавшего монархический строй без критики и “за Веру, Царя и Отечество” не колеблясь подставлявшего себя под вражеские пули» (Голицын К.Н. Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. Российское Дворянское Собрание. М., 1997).

11.

Граф Литке Константин Николаевич (1 (13).02.1873 – 31.08 (13.09).1915). Граф. Из дворянского рода Литке. Отец – действительный статский советник граф Н.Ф. Литке (1839–1887). Дед: президент Академии наук граф Ф.П. Литке. К.Н. Литке окончил Пажеский корпус (1893), выпущен из камер-пажей в подпоручики лейб-гвардии Преображенского полка. Командовал ротой Преображенского полка. Чины: поручик (1897), штабс-капитан (1901), капитан (1905), полковник (1912). Выступил на Великую войну с лейб-гвардии Преображенским полком командиром 4-го батальона. Был награжден Георгиевским оружием «за то, что 21 авг. 1914 г., командуя головным отрядом – 4-м батальоном, впоследствии усиленным 2-м и 3-м батальонами, под сильным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем, захватил высоты у дер. Валентынов и лес между Валентыновым и Кшоновым и выбил оттуда противника, чем способствовал продвижению соседнего боевого участка». Вечером 31.08 (13.09).1915 в перерыве между боями во время обхода позиций 4-го батальона К.Н. Литке погиб от разрыва тяжёлого снаряда. Его нашли в воронке, образовавшейся от взрыва, без единого увечья на теле. Был посмертно награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

12.

Барон Торнау Георгий Александрович. Окончил Пажеский корпус (1910). Выпущен в лейб-гвардии Преображенский полк подпоручиком. Младший офицер четырнадцатой роты (1910). На 01 (14).01.1914 проживал по адресу: СПб., улица Сергиевская (с 1923 г. улица Чайковского), дом 38. Выступил на Великую войну с лейб-гвардии Преображенским полком в должности помощника начальника конных разведчиков. Поручик (1914). Штабс-капитан. Капитан. В эмиграции в США. К 1931 г. – в Иллинойсе.

13.

Эллиот Фёдор Фридрихович (? – 20.08 (02.09).1914, деревня Владиславов (Польша). Из потомственных дворян. Окончил Павловское военное училище (1908). В лейб-гвардии Преображенский полк поступил в 1908 г. в чине подпоручика. На 1909 г. – в том же полку и в том же чине. Поручик (1912). На 01 (14).01.1914 проживал по адресу: СПб., улица Преображенская (с 1935 г. улица Радищева), дом 42, кв. 21. Ф.Ф. Эллиот выступил на Великую войну с лейб-гвардии Преображенским полком начальником команды пеших разведчиков. Погиб ранним утром 20.08 (02.09).1914 в самом начале боя у деревни Владиславов.

14.

Веденяпин Пётр Александрович (25.02 (08.03).1884 – 21.01.1955, Асунсьон, Парагвай). Из старинного дворянского рода. Сын инженер-генерала Александра Алексеевича Веденяпина.

Окончил Пажеский корпус по 1-му разряду (1903), выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Преображенский полк. Чины: поручик (1907), штабс-капитан (1911), капитан, полковник (1916). В 1911 г. окончил Николаевскую военную академию (по 1-му разряду). На Великую войну выступил с лейб-гвардии Преображенским полком командующим 3-й ротой. Командовал ротой и батальоном. Был награжден Георгиевским оружием за бой 15 (28).07.1916 при взятии укрепленной деревни Райместо, в котором командовал 1-м батальоном и лично вел солдат в штыковую атаку. В апреле – сентябре 1917 г. был командующим лейб-гвардии Измайловским полком. В июле возглавлял нелегальную петроградскую организацию офицеров Измайловского полка, Кавказской туземной конной дивизии и некоторых частей технических войск. 16 сентября был отчислен, за болезнью, от должности командира полка в резерв чинов. В октябре был членом подпольной Алексеевской организации в Петрограде. Участвовал в Белом движении в составе Добровольческой армии и ВСЮР (Вооружённых силах Юга России). В ноябре 1917 г. был начальником штаба генерала Алексева в Новочеркасске. Участвовал в 1-м Кубанском походе. В мае 1918 г. был представителем Добровольческой армии на Тереке, в октябре – декабре входил в Главный комитет Общества Белого Креста. В эмиграции в Китае, жил в Тяньцзине. С 1926 г. состоял членом правления отделения Союза бывших военнослужащих Российской армии и флота в Тяньцзине. На 1941 г. был членом Офицерского собрания в Шанхае. В 1949 г. переехал в Аргентину, а затем в Парагвай. Умер 21.01.1955 в Асунсьоне (Парагвай), о чём 13 марта 1955 г. в № 15660 сообщила газета «Новое русское слово», выходившая в Нью-Йорке.

15.

Князь Аргутинский-Долгоруков Константин Сергеевич (09 (21).07.1876 – 17.10.1920, Тифлис. По другим данным – погиб в 1921 г.). Окончил Павловское военное училище (1896). Выпущен подпоручиком в 13-й лейб-гренадерский Эриванский полк. Поручик (12 (24).08.1899). Штабс-капитан (12 (25).08.1903). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. Награждён орденами Святой Анны 4-й степени (1905) и Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом (1905). Поступил в лейб-гвардии Преображенский полк в 1907 г. в чине штабс-капитана гвардии. Капитан (13 (26).08.1909). Удостоен ордена Святой Анны 3-й степени (1910). На 01 (14).01.1914 проживал по адресу: СПб., улица Кирочная, дом 37. Капитан К.С. Аргутинский-Долгоруков выступил с лейб-гвардии Преображенским полком на Великую войну командиром 2-й роты. Ранен 20.08 (02.09).1914 в бою за высоту 106 у Владиславова. Награждён орденом Святой Анны 2-й степени с мечами и бантом (28.10 (10.11).1914). Полковник (06 (19).12.1915). На 01 (14).08.1916 в том же чине и полку. До июля 1916 г. – командир 2-го батальона. В феврале 1917 г. – командир запасного батальона в Петрограде. После февральской революции приказом от 03 (16).03.1917 арестован за свою нелояльность к новой революционной власти. Расстрелян 17 октября 1920 г. в Тифлисе. По другим данным – погиб в 1921 г.

16.

Моллер Михаил Николаевич (22.04 (04.05).1890 (1889?) – 1964, Версаль (Франция). М.Н. Моллер окончил 1-й кадетский корпус (1907) и Павловское военное училище (1909). Выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Преображенский полк. Поручик (1913). На 1 (14).01.1914 младший офицер 15-й роты поручик М.Н. Моллер проживал по адресу: Санкт-Петербург, ул. Кирочная, д. 37, кв. 12 (Весь Петербург 1914). 01 (14).08.1914 поручик М.Н. Моллер выступил на Великую войну с лейб-гвардии Преображенским полком помощником начальника пулемётной команды. Высочайшим Приказом от 18 (31).07.1916 штабс-капитан Моллер был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени «за то, что в бою 27 июля 1915 г.

у дер. Петрилов, будучи выдвинут из резерва на помощь угрожавшему участку позиции, штыковым ударом выбил противника и, несмотря на повторные атаки его, удержал за собой важный участок позиции, потеря которого вызвала бы необходимость отхода всего отряда». Награжден солдатским Георгиевским крестом 4-й степени № 1216561 с лавровой веточкой за то, что «будучи в чине капитана, командиром роты лейб-гвардии Преображенского полка, в бою 11 июля 1917 г. при постоянных атаках противника, под убийственным огнем в течение всего боя обходил занимаемый ротой участок и своим личным примером мужества и хладнокровия ободрял своих подчиненных. Удержал за собой этот участок, чем и способствовал успеху боя». Полковник лейб-гвардии Преображенского полка (1917). В Добровольческой армии с конца 1917 г. В декабре 1917 г. – в 3-й офицерской Гвардейской роте. В январе 1918 г. возглавил 3-ю офицерскую Гвардейскую роту, позднее вошедшую в состав 3-го офицерского батальона. Участник 1-го Кубанского похода (Ледяного похода) в составе офицерского полка, командир отделения гвардейского взвода, с 17 (30).03.1918 – командир гвардейского взвода 3-й роты. Награжден Знаком отличия 1-го Кубанского (Ледяного) похода № 2463. В июне 1918 г. – в составе 4-го батальона 1-го офицерского генерала Маркова полка. Участник 2-го Кубанского похода. 26.06 (09.07).1918 во главе группы офицеров отправлен в Новочеркасск для формирования 10-й роты. В июле – наблюдающий за маршевым батальоном. С 29.09 (12.10).1918 – начальник хозяйственной части Сводно-Гвардейского полка. В октябре 1918 г. – командир Сводно-Гвардейского полка. В марте 1920 г. эвакуировался из Новороссийска в Константинополь. В 1920 г. – в Югославии. Затем переехал во Францию. К 1931 г. – в Версале. Умер в 1964 г. в Версале. Похоронен под Парижем на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

17.

Вуич Павел Васильевич (1887 – 20.08 (02.09).1914, деревня Владиславов (Польша). Из дворянского рода Вуичей. Отец: Вуич Василий Иванович (1854–1918), действительный тайный советник, член Совета Государственного дворянского земельного банка (1917). Мать: Евреинова Софья Николаевна. Дед: генерал-майор Вуич Иван Васильевич (13 (25).04.1813–14 (26).06.1884), профессор Николаевской академии Генерального штаба. П.В. Вуич окончил Пажеский корпус (1908), выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Преображенский полк. Поручик (1912). На 01 (14).01.1914 проживал по адресу: СПб., Набережная реки Мойки, дом 99. 01 (14).08.1914 выступил на Великую войну с лейб-гвардии Преображенским полком младшим офицером 2-й роты. Погиб в бою за высоту 106 у деревни Владиславов 20.08 (02.09).1914.

18.

Галлер Вернер Михайлович (? – 11 (24).11.1914 у деревни Хелм, Польша). Из потомственных дворян. Окончил Павловское военное училище в 1909 г. Выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1913 г. проживал по адресу: Санкт-Петербург, Эртелев переулок (с 1923 – улица Чехова), дом 9, кв. 7 (Весь Петербург 1913). На 1 (14).01.1914 поручик В.М. Галлер состоял младшим офицером 6-й роты. 01 (14).08.1914 выступил на Великую войну с лейб-гвардии Преображенским полком младшим офицером 4-й роты. Ранен в бою у Владиславова 20.08 (02.09).1914. В начале ноября 1914 г. – командующий 4-й ротой. Погиб 11 (24).11.1914 в бою у деревни Хелм (Польша).

19.

Зборомирский Глеб Николаевич (1883, Сумский уезд Харьковской губернии – 27.01.34, Ним, юг Франции). Из потомственных дворян Харьковской губернии. Помещик Сумского уезда Харьковской губернии. Окончил университет в 1905 г. Прибыл в лейб-гвардии

Преображенский полк из запаса в период мобилизации в июле 1914 г. В офицерский чин произведён из вольноопределяющихся. Прапорщик Г.Н. Зборомирский выступил на Великую войну с лейб-гвардии Преображенским полком младшим офицером 3-й роты. Ранен в бою за высоту 106 у Владиславова 20 августа (2 сентября) 1914 г. Осенью 1917 г. Г.Н. Зборомирский находился в Крыму. Зимой 1918/19 гг. состоял в охране великого князя Николая Николаевича в имении Дюльбер (Крым) и вместе с ним 1 апреля 1919 г. на борту английского крейсера «Мальборо» эвакуировался на Мальту. Полковник. В дальнейшем Г.Н. Зборомирский жил в Италии и Франции. Скончался после тяжёлой болезни 27 января 1934 г. в Ниме, на юге Франции.

20.

Есимонтовский Павел Васильевич (14 (26).06.1879 – апрель 1916 (по другим данным, 14 (27).05.1915). Происходит из малороссийского дворянского рода Есимонтовских. Отец: генерал-майор Есимонтовский Василий Федорович (1851 г.р.). Мать: София Станиславовна, урожденная Туркан-Суринович (1858 г.р.), из дворян Могилевской губернии. П.В. Есимонтовский общее образование получил в Александровском кадетском корпусе. В службу вступил 31.08 (12.09).1898. Окончил Константиновское артиллерийское училище (по 1-му разряду). Выпущен в 7-ю артиллерийскую бригаду. Подпоручик (09 (21).08.1899). Поручик (09 (22).08.1903). Штабс-капитан (09 (22).08.1907). Переведен в лейб-гвардии Преображенский полк чином поручика гвардии (09 (22).08.1904). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. Штабс-капитан (09 (22).08.1908). Капитан (09 (22).08.1912). На 01 (14).09.1913 в том же чине и полку. На 01 (14).01.1914 проживал по адресу: СПб., Набережная реки Мойки, дом 35. Выступил с полком на Великую войну командиром 5-й роты. Полковник (10 (23).08.1915). На 01 (14).08.1916 в том же чине и полку. Скончался от ран в апреле 1916 г. По другим данным, скончался 14 (27).05.1915, от последствий пулевого ранения в область почек в бою у деревни Владиславов 20.08 (02.09).1914 (Польша).

21.

Чернявский Александр Степанович (? – 26.08 (08.09).1914). А.С. Чернявский окончил Императорский Александровский лицей в 1903 г. Поступил в лейб-гвардии Преображенский полк в 1904 г. Произведён в офицеры из подпрапорщиков. В 1905 г. подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка А.С. Чернявский проживал по адресу: СПб., ул. Кирочная, д. 46 (Весь Петербург 1905). Поручик (1908). На 01 (14).01.1914 – штабс-капитан, проживал по адресу: СПб., улица Спасская (с 1923 г. – улица Рылеева), д. 8, кв. 2, числился в 12-й роте и учился в Академии Генерального штаба. Штабс-капитан А.С. Чернявский 01 (14).08.1914 выступил с лейб-гвардии Преображенским полком на Великую войну командующим 7-й ротой. Скончался от ран 26.08 (08.09).1914, после ранения в бою у деревни Владиславов 20.08 (02.09).1914 (Польша).

22.

Верёвкин Владимир Петрович (? – 15 (28).07.1916). В.П. Верёвкин образование получил в Императорском Александровском лицее, который окончил в 1911 г. Произведён в офицерский чин из вольноопределяющихся. Поступил в лейб-гвардии Преображенский полк в 1912 г. На 1913 г. – в чине подпоручика. На 01 (14) января 1914 г. проживал по адресу: СПб., улица Кирочная, дом 37. 01 (14).08.1914 выступил с лейб-гвардии Преображенским полком на Великую войну младшим офицером 6-й роты. В бою у деревень Стрыйна и Владиславов 20.08 (02.09).1914 получил два ранения – сначала шрапнелью в голову, затем пулевое ранение в ногу. Убит 15 (28).07.1916 у деревни Райместо на реке Стоход разрывом

тяжёлого снаряда при возвращении в строй с перевязочного пункта. Посмертно награждён Георгиевским оружием (Высочайший приказ 26.09 (09.10).1916).

23.

Вестман Михаил Ильич (? – 1920) Из потомственных дворян. Окончил Пажеский корпус (1909). Выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Преображенский полк. На 1 (14).01.1914, подпоручик Вестман, младший офицер 6-й роты, проживал с женой, Марией Дмитриевной, по адресу: СПб., улица Кирочная, д. 32, кв. 2. Поручик (1914). 01 (14).08.1914 поручик М.И. Вестман выступил на Великую войну с лейб-гвардии Преображенским полком младшим офицером 5-й роты. Ранен 20.08 (02.09).1914 в бою у деревни Владиславов (Польша). После лечения в госпитале, к ноябрю 1914 г. вернулся на фронт и принял командование 5-й ротой. Второй раз ранен в бою у деревни Ржеплин (Польша) 5 (18) ноября. Штабс-капитан, командир 5-й роты преображенцев. В Гражданскую войну – в белых войсках Восточного фронта адмирала А.В. Колчака. Участник Сибирского Ледяного похода. В 1920 г. полковник М.И. Вестман пробивался с небольшим отрядом от станции Зима в Монголию. Убит в 1920 г.

24.

Фон Кубе Вадим Юлианович (? – 7 (20).10.1915, Царское Село, (по другим данным 20.10 (02.11).1915)). Из потомственных дворян. Отец – генерал-майор фон Кубе Юлиан Максимилианович. Мать – фон Кубе Ольга Владиславовна (Весь Петербург 1913), в 1913 г. – председатель Общества охраны прав женщин. Директор собрания Дамского Благотворительно-тюремного комитета. В.Ю. фон Кубе окончил Павловское военное училище (ПВУ) в 1913 г. Выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Преображенский полк. На 01 (14).01.1914 – в списках второго батальона, занимал должность младшего офицера 7-й роты и проживал по адресу: СПб., Литейный проспект, д. 55, кв. 16. 01 (14).08.1914 выступил на Великую войну с лейб-гвардии Преображенским полком в той же должности. Ранен 20.08 (02.09).1914 в бою у деревни Владиславов (Польша). Контужен 20.08 (02.09).1915 в бою за Гудулинские высоты (около г. Вильно). Умер в госпитале от последствий контузии 7 (20).10.1915. Отпевали в Преображенском всей гвардии соборе. Похоронен 9 (22).10.1915 на Царскосельском Кладбище в Царском Селе.

25.

Трусов Михаил Александрович. Прибыл в лейб-гвардии Преображенский полк из запаса во время мобилизации в июле 1914 г. Прапорщик М.А. Трусов 01 (14).08.1914 выступил с полком на Великую войну младшим офицером 7-й роты. Ранен в бою у Владиславова 20.08 (02.09).1914. На 01 (14).03.1917 М.А. Трусов служил в запасном батальоне лейб-гвардии Преображенского полка.

26.

Гессе Ипполит Петрович (? – 20.08 (02.09).1914, Владиславов, Польша). И.П. Гессе окончил Морской корпус. Подпоручик И.П. Гессе поступил в лейб-гвардии Преображенский полк в 1911 г. На 01 (14).01.1914 – в списках 2-го батальона, занимал должность младшего офицера 8-й роты и проживал по адресу: СПб., ул. Сергиевская, д. 69. Подпоручик И.П. Гессе 01 (14).08.1914 выступил на Великую войну с лейб-гвардии Преображенским полком в должности ординарца командира 2-го батальона. Убит шрапнелью 20.08 (02.09).1914 в первом же бою за высоту 106 у деревни Владиславов (Польша).

27.

фон Эттер Иван Севастьянович (24.07 (05.08).1863 – 12.10.1938, имение Хайко близ Борго, Финляндия). Из потомственных дворян. Отец: фон Эттер Севастьян Павлович (1829, Финляндия – 28.01 (09.02).1883, Москва): генерал-лейтенант, начальник 1-й гренадерской дивизии (30.08 (11.09).1881–28.01 (09.02).1883). И.С. фон Эттер окончил Пажеский корпус (01.09 (13.09).1880 – 12 (24).08.1883). Выпущен прапорщиком (12 (24).08.1883) в лейб-гвардии Семёновский полк 30.08 (11.09).1883. Подпоручик (30.08 (11.09).1884). Поручик (30.08 (11.09).1887). Штабс-капитан (06 (18).12.1895). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (по 2-му разряду). Капитан (06 (18).12.1899). Полковник (28.03 (10.04).1904). Командовал ротой 10 л. 10 мес., батальоном 2 г. 8 мес. 10 дн. Командир 5-го гренадерского Киевского полка (14 (27).11.1909 – 22.11 (05.12).1913). Генерал-майор (22.11 (05.12).1913). Командир лейб-гвардии Семеновского полка (22.11 (05.12).1913 – 22.08 (04.09).1915). Выступил на Великую войну с лейб-гвардии Семёновским полком 02 (15).08.1914. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени (Высочайший приказ 30.01 (12.02).1915) «за то, что с отличным мужеством руководил блестящими действиями полка в боях с 9 по 14 окт. 1914 г. под Ивангородом, особенно при личном руководстве боевыми частями полка при овладении многоярусной укрепленной позицией противника у ф. Градобиче и захождении во фланг противнику, чем сильно способствовал общему успеху», и Георгиевским оружием (Высочайший приказ 03 (16).02.1915). Зачислен в Свиту Его Величества (06 (19).05.1915). Командир бригады 79-й пехотной дивизии (с 15 (28).11.1916). В эмиграции в Финляндии, председатель объединения лейб-гвардии Семеновского полка. Скончался 12.10.1938 в имении Хайко близ Борго (Финляндия).

28.

Мельницкий Владимир Михайлович (? – 23.03.1920, Севастополь) Из потомственных дворян. Сын полковника. Поступил в лейб-гвардии Семёновский полк в 1903 г. На 01 (14).01.1909 Поручик лейб-гвардии Семеновского полка. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1909 г., по 2-му разряду). В 1913 г. проживал по адресу: Санкт-Петербург, Загородный проспект, д. 54 (Весь Петербург 1913). Штабс-капитан В.М. Мельницкий 02 (15).08.1914 выступил на Великую войну с лейб-гвардии Семёновским полком в должности командующего 8-й (имени Генералиссимуса А.В. Суворова) ротой. Капитан лейб-гвардии Семеновского полка (10 (23).08.1915). Причислен к Генеральному штабу (1914). Награждён орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами (Высочайший приказ от 02 (15).05.1915). С 27.08 (09.09).1916 переведён из лейб-гвардии Семёновского полка на должность старшего адъютанта штаба 18-го армейского корпуса (на 03 (16).01.1917 в той же должности). На 03 (16).01.1917 в чине капитана. Подполковник (20.10 (02.11).1917). С 30.11 (13.12).1917 старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. Участвовал в Гражданской войне в рядах ВСЮР (Вооружённых сил Юга России). Скончался 23.03.1920 в Севастополе.

29.

Штильберг Александр Густавович (1881 – 18/19.06.1944, Дюнкерк, Франция). Окончил Императорское училище правоведения (1906). Прапорщик А.Г. Штильберг поступил в лейб-гвардии Семёновский полк в период мобилизации в июле 1914 г. 02 (15).08.1914 выступил на Великую войну с лейб-гвардии Семёновским полком в должности младшего офицера 8-й (имени Генералиссимуса А.В. Суворова) роты. Тяжело ранен 20.08 (02.09).1914 в первом же бою у фольварка Анусин (Польша). После лечения и по возвращении в строй офицеры единогласно выбрали его хозяином офицерского собрания. На июль 1916 г. в той же должности, поручик. На 23.11 (05.12).1916 в той же должности, поручик. На 15 (28).12.1916 в той же должности, штабс-капитан. На 21.11 (04.12).1917 в той же должности, капитан.

В эмиграции во Франции (декабрь 1926 – 1938 г. в Париже). Член полкового объединения. Скончался 18/19.06.1944, Дюнкерк, Франция.

30.

Пенхержевский Александр Александрович (? – 20.08 (02.09).1914 – смертельно ранен у фольварка Анусин, Польша). Подпоручик А.А. Пенхержевский поступил в лейб-гвардии Семеновский полк в 1910 г., где к тому времени служил его родной брат подпоручик Пенхержевский Владимир Александрович. В 1913 г. А.А. Пенхержевский проживал по адресу: Санкт-Петербург, Забалканский проспект, д. 21 (Весь Петербург 1913). Подпоручик А.А. Пенхержевский 02 (15).08.1914 выступил на Великую войну с лейб-гвардии Семёновским полком в должности младшего офицера 8-й (имени генералиссимуса А.В. Суворова) роты. Смертельно ранен 20.08 (02.09).1914 в первом же бою у фольварка Анусин (Польша).

31.

Свечников (Свешников) Александр Александрович (06 (18).06.1873 – 1918, по другим данным – июнь 1923, станция Мста). Из потомственных дворян. Образование получил в Пажеском корпусе (по 1-му разряду). В службу вступил 01 (13).10.1892. Выпущен в лейб-гвардии Семеновский полк. Подпоручик (08 (20).08.1894). Поручик (08 (20).08.1898). Штабс-капитан (08 (21).08.1902). Капитан (08 (21).08.1906). В 1913 г. проживал по адресу: Санкт-Петербург, Адмиралтейский канал, д. 31. Член Императорского военного общества охоты. 02 (15).08.1914 выступил на Великую войну с лейб-гвардии Семёновским полком в должности младшего штаб-офицера 2-го батальона. Отличился в первом же бою 20.08 (02.09).1914 у фольварка Анусин – на фронте 2-го батальона в критический момент перехватил инициативу из рук неприятеля. Полковник (06 (19).12.1914). На 02.1915 в том же чине и полку (до 16 (29).06.1916). Пять раз ранен. За боевые отличия в Великую войну был награждён: Георгиевским оружием (Высочайший приказ 03 (16).02.1915), орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами (Высочайший приказ 18 (31).05.1915, орденом Святого Георгия 4-й степени (Высочайший приказ 29.05 (11.06).1915). Командир 128-го пехотного Старооскольского полка (с 16 (29).06.1916). На 01 (14).08.1916 в том же чине и должности. После 1917 г. остался в России. Трудился на земляных работах простым рабочим. По одним данным – на работах около Любани его задавило насмерть вагонеткой. По другим сведениям – погиб в результате несчастного случая на работах в начале июня 1923 г. на станции Мста.

32.

Макаров Юрий Владимирович (1888–1949). Из потомственных дворян. Русский дворянский род Макаровых появился в конце XVI века в Костромской губернии, в царствование Ивана IV Васильевича Грозного или Фёдора Иоанновича. 5 (17).08.1896 Ю.В. Макаров поступил в Ярославский кадетский корпус, полный семилетний курс которого окончил в 1903 г., затем 29.08 (10.09).1903 поступил в Павловское военное училище, из которого был выпущен подпоручиком лейб-гвардии в Семеновский полк 22.04 (05.05).1905. С конца мая 1905 г. младший офицер 9-й роты. На 01 (14).01.1909 Ю.В. Макаров – подпоручик того же полка. Поручик (1909). Три года, с осени 1908 по май 1911, учился в Институте восточных языков. Ушёл из полка в 1911 г., оставил военную службу и уволился в запас. По выходе из полка стал чиновником Министерства иностранных дел. В 1914 г. – служил в консульстве в г. Мешхеде (Персия). С началом Великой войны добровольно возвратился в ряды лейб-гвардии Семёновского полка. Оставлен при запасном батальоне в Санкт-Петербурге. В период со 2 (15) по 5 (18).12.1914 поручик Макаров прибыл на фронт во главе маршевой роты

и назначен командующим 12-й ротой. Ранен в 1915 г. Штабс-капитан. На 01 (14).01.1916 находился после ранения в Петрограде и проживал с женой по адресу: набережная реки Фонтанки, д.50 (Весь Петроград 1916). Перенёс тяжёлую операцию и около года лечился в Петрограде. С весны 1916 г. и почти до конца июля служил в запасном батальоне, заведующим «командой эвакуированных», в которую входили выздоровевшие от ран и болезней солдаты. После окончательного излечения от ранения, в 20-х числах июля 1916 г. капитан Ю.В. Макаров выехал на фронт и в начале августа прибыл в действующий полк и вновь назначен в третий батальон, командиром 12-й роты. Это был его третий и последний приезд на фронт в Великую войну. 07 (20).09.1916 в бою у деревни Свинюхи, ведя в атаку 12-ю роту, капитан Ю.В. Макаров был ранен пулей навывлет в левую ногу без повреждения кости. В Гражданскую войну служил в Вооружённых Силах Юга России (ВСЮР) по ведомству Министерства Иностранных Дел. Летом 1920 г. в Константинополе, на о. Лемнос, в Сербии. В эмиграции в Софии. К 1938 г. в Аргентине. Член полкового объединения. Автор ярких воспоминаний: «Моя служба в старой гвардии 1905–1917. Мирное время и война». Буэнос-Айрес, 1951. Женат (с 1913), двое детей.

33.

Рихтер Алексей Александрович (17 (29).04.1876, Киев – 09.07.1925, Ленинград). Из потомственных дворян. В службу вступил 01 (13).09.1894. Общее и военное образование получил в Пажеском корпусе, из которого был выпущен в лейб-гвардии Семёновский полк подпоручиком (12 (24).08.1896). Поручик (12 (25).08.1900). Штабс-капитан (12 (25).08.1904). Капитан (12 (25).08.1908). В 1914 г. проживал с женой Рихтер Еленой Михайловной по адресу: Санкт-Петербург, Загородный проспект, д. 54 (Весь Петербург 1914). Капитан А.А. Рихтер 02 (15).08.1914 выступил на Великую войну с лейб-гвардии Семёновским полком в должности командира 15-й роты. Ранен 20.08 (02.09).1914 в первом же бою у фольварка Анусин (Польша). Полковник (22.03 (04.04).1915). После 1917 г. остался в России. В 1925 г. А.А. Рихтер – пенсионер-инвалид 3-й группы. Арестован органами ОГПУ 15.02.1925 по делу «контрреволюционной монархической организации» – первоначальное официальное название. Позже в ОГПУ Ленинграда его называли то «Делом воспитанников», то «Союзом верных». Широкую известность получило неофициальное название – «Дело лицеистов». Так его называли оставшиеся в живых привлекавшиеся и их родственники. Бывший полковник лейб-гвардии Семёновского полка А.А. Рихтер значился в материалах дела как один из руководителей контрреволюционной монархической организации. Постановлением коллегии ОГПУ 22.06.1925 А.А. Рихтер и его жена Е.М. Рихтер были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведён в исполнение 09.07.1925 в Ленинграде.

34.

Рыльке Генрих Генрихович (1893 – 192?). Из потомственных дворян. Отец: Рыльке Генрих Данилович, генерал от инфантерии, член Военного совета (08 (21).04.1908 – 01 (14).01.1915). Г.Г. Рыльке образование получил в Пажеском корпусе. В 1914 г. выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Семёновский полк. Подпоручик Г.Г. Рыльке 02 (15).08.1914 выступил на Великую войну с лейб-гвардии Семёновским полком в должности младшего офицера 13-й роты. Ранен в первом же бою у фольварка Анусин (Польша). На 23.11 (06.12).1916 полковой адъютант. На 09 (22).02.1917 командующий 17-й ротой в том же чине. На 21.11 (04.12).1917 капитан Г.Г. Рыльке – исполняющий дела старшего адъютанта штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии. Возвратился с фронта в Петроград и продолжил службу в Гвардейском Семеновском резервном полку (с 1918 г. полк по охране Петрограда, переименован в 3-й Петроградский стрелковый полк городской охраны имени Урицкого).

По поручению Семеновской офицерской организации тайно командирован в Финляндию в качестве связного, состоял в распоряжении генерала от инфантерии Н.Н. Юденича. Впоследствии состоял в боевой организации и нелегально ходил в Советскую Россию (через польскую границу). Предположительно в 1921 г. арестован ВЧК. В то время Г.Г. Рыльке был польским подданным. Несмотря на ходатайства польского правительства, приговорён к высшей мере наказания и расстрелян.

35.

Буковский Александр Петрович (11 (23).08.1868 – 21.04.1944). А.П. Буковский образование получил в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе (1885). В службу вступил 01 (13).09.1885. Окончил 2-е военное Константиновское училище (1887). 11 (23).08.1886 выпущен подпоручиком и прикомандирован к лейб-гвардии 2-му стрелковому батальону (в 1910 г. развернут в полк), в котором послужил до 1910 г. Подпоручик гвардии (07 (19).08.1887). Поручик (07 (19).08.1891). В 1893 г. окончил курс Николаевской академии Генерального штаба (по 1-му разряду), однако был отчислен к своей части и по Генеральному штабу не служил. Штабс-капитан (20.05 (01.06).1893 – за отличие). Капитан (06 (19).05.1900). Удостоен ордена Святого Станислава 2-й степени (1902). Полковник (02 (15).04.1906). Награждён орденом Святой Анны 2-й степени (1906). Командовал ротой 11 л. 9 м. Командир 145-го пехотного Новочеркасского полка (01 (14).10.1910 – 14 (27).12.1913). Награждён орденом Святого Владимира 3-й степени (1912). Генерал-майор (14 (27).12.1913 – за отличие). С 14 (27).12.1913 командир лейб-гвардии Егерского полка, с которым и вступил на Великую войну 03 (16).08.1914. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени (Высочайший приказ 30.01 (12.02).1915) «за то, что в бою 20 авг. 1914 г. у дер. Владиславова, лично руководя полком и двумя батареями, занимавшими левый фланг 1-й гвардейской дивизии, искусными и решительными действиями выбил противника с ряда позиций, прорвал неприятельский боевой порядок и прочно обеспечил фланг действовавшей левее 2-й гренадерской дивизии, чем способствовал общему успеху». В 1915 г. награждён орденом Святой Анны 1-й степени с мечами и орденом Святого Станислава 1-й степени с мечами. Удостоен Георгиевского оружия (Высочайший приказ 14 (27).06.1915). Командир бригады 3-й гвардейской пехотной дивизии (с 02 (15).02.1916). С 08.1916 командующий 1-й Туркестанской стрелковой дивизией. С 10.1916 командующий 3-й гвардейской пехотной дивизией. В 01.1917 – 19.06 (02.07).1917 начальник 38-й пехотной дивизии. 19.06 (02.07).1917 отчислен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа. 30.12.1917 уволен со службы. В 1918 г. пробрался в Одессу, где в январе 1919 г. принял должность генерал-инспектора пехоты при штабе Главнокомандующего добровольческими войсками в Одессе генерале Санникове. В марте 1919 г. после эвакуации Одессы французским командованием, прибыл в Екатеринодар, где зачислен в резерв чинов при Главнокомандующем ВСЮР (Вооружённых сил Юга России). Выполнял различные поручения начальника штаба ВСЮР и состоял в комиссии по пересмотру уставов. В эмиграции проживал в Сербии. В 1930–1937 гг. жил в Белграде, затем в Осиеке. Состоял почетным членом Союза царскосельских стрелков и председателем Объединения лейб-гвардии Егерского полка, в 1930-е был редактором «Егерского вестника». Скончался в Белграде, о чём 29.04.1944 сообщил № 97 «Парижского вестника».

36.

Рыльский Константин Иосифович (12 (24).05.1871, Москва – 1921). К.И. Рыльский окончил 1-й Московский кадетский корпус (1889), затем 3-е Александровское военное училище (1891). 05 (17).18.1891 выпущен подпоручиком в Таврический 6-й гренадерский полк. Поручик (10 (22).08.1894). Штабс-капитан (06 (19).05.1900). Состоял при Финляндском

военном округе. Помощник старшего адъютанта штаба Финляндского военного округа (26.11 (09.12).1900 – 22.12.1901 (04.01.1902)). Затем в штабе того же округа обер – офицером для поручений (22.12.1901 (04.01.1902) – 20.10 (03.11).1904). Николаевская академия Генерального штаба (1900, по 1-му разряду). Капитан (14 (27).04.1902). Отбывал цензовое командование ротой в 1-м Финляндском стрелковом полку (01 (14).10.1902 – 01 (14).10.1903). Состоял помощником старшего адъютанта штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа (20.10 (02.11).1904 – 17 (30).10.1905), затем штаб-офицером для поручений при том же штабе (17 (30).10. – 22.11 (05.12).1905), затем старшим адъютантом при том же штабе (22.11 (05.12).1905 – 14 (27).08.1913). Подполковник (06 (19).12.1905). Полковник (06 (19).12.1909). С 04 (17).05 по 01 (14).09.1910 отбывал цензовое командование батальоном в 148-м пехотном Каспийском полку. 14 (27).08.1913 назначен начальником штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии, с которой и выступил на Великую войну. Возглавлял штаб 1-й гвардейской пехотной дивизии до 04 (17).11.1914. Командир 148-го Каспийского полка (04 (17).11. – 20.12.1914 (02.01.1915). Командующий, затем командир лейб-гвардии Гренадерского полка (20.12.1914 (02.01.1915) – 21.12.1915 (03.01.1916). Генерал-майор (22.04 (05.05).1915) за отличия в делах. Орден Святого Георгия 4-й степени (Высочайший приказ 31.01 (13.02).1915) «за то, что отлично и мужественно исполнял обязанности начальника штаба дивизии в боях 3, 4, 5 и 6 ноября 1914 г. в районе дер. Сулашев, п. Скала, д. Ржеплин, когда проявил исключительную доблесть и, когда на дивизию, растянутую по фронту на 16 верст, с трех сторон обрушились заведомо превосходные силы неприятеля, самоотверженно лично произвел разведку под сильным огнём противника и этим дал возможность правильно распределять силы дивизии, что привело к полному успеху, и все атаки превосходных сил противника были отбиты», Георгиевское оружие (Высочайший приказ от 03 (16).02.1915) «за то, что в период боев с 20 авг. по 2 сент. 1914 г., находясь неоднократно под действительным огнём противника, верными и точными докладами освещал начальнику дивизии боевую обстановку, что давало возможность принимать верные решения, ведущие к выигрышу боевых столкновений. Своей распорядительностью 25 авг. ночью лично поставил 2 батальона лейб-гвардии Семеновского полка у дер. Гельчев, чем помешал австрийцам сделать прорыв». Начальник штаба 1-го гвардейского корпуса (21.12.1915 (03.01.1916) – 06 (19).04.1917). Командовал 154-й пехотной дивизией (06 (19).04. – 25.04 (08.05).1917). Командовал 2-й гвардейской пехотной дивизией (25.04 (08.05). – 08 (21).07.1917). Командующий 122-й пехотной дивизией (08 (21).07. – 26.08 (08.09).1917). С 26.08 (08.09).1917 начальник штаба 10-й армии. В 1918 г. поступил на службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию (РККА). Помощник начальника Всероссийского Главного штаба Революционного военного совета республики (РВСР). Включен в списки Генерального штаба РККА на 15.07.1919 и 07.08.1920. Приказом РВС № 167 от 27.03.1920 назначен начальником информационного отделения Оперативного управления Полевого штаба РВСР. Арестован ВЧК (1920), но был вскоре освобождён. Приказом РВС № 268 от 23.09.1921 утвержден в должности начальника управления по обучению и подготовке войск Штаба РККА (15.02.1921). Вновь арестован (17.10.1921), содержался во внутренней тюрьме ВЧК. Отправлен в Архангельский лагерь (15.11.1921). Расстрелян. Приказом РВС СССР № 3 8 от 14.10.1924 (?) исключен из списков РККА.

37.

Шоманский Борис Антонович (? – август 1919? (19.11.1919). Окончил Александровский лицей (1900). Произведён в офицерский чин из вольноопределяющихся (1901). В лейб-гвардии Преображенский полк штабс-капитан Б.А. Шоманский прибыл из запаса в июле 1914 г. Выступил с полком на Великую войну младшим офицером 8-й роты. Несколько раз ранен. На 01 (14).07.1917 – капитан, командующий Гвардейским Преображенским

резервным батальоном (07 (20).07.1917 переформирован в Гвардейский Преображенский резервный полк) в Петрограде. На декабрь 1917 г. – полковник. Командовал Гвардейским Преображенским резервным полком до его расформирования (после 15.03.1918). Во время Гражданской войны умер от ран в августе 1919 г. По другим данным – убит 19.11.1919.

38.

Иванов Алексей Степанович (21.02 (04.03).1872 – 1923). Образование получил в кадетском корпусе в Санкт-Петербурге. В службу вступил 30.08 (11.09).1889. В 1889 г. поступил во 2-е военное Константиновское училище, из которого в 1891 г. был выпущен подпоручиком в Царицынский 146-й пехотный полк. Поручик (10 (22).08.1894). Штабс-капитан (06 (19).05.1900). Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг. За боевые отличия получил награды: орден Святой Анны 4-й степени (1904), орден Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом (1905) и орден Святого Станислава с мечами (1905). Был ранен и причислен к 3-му классу Александровского комитета о раненых. За боевые отличия переведён в лейб-гвардии Преображенский полк в 1907 г. Окончил офицерскую стрелковую школу. На 01 (14).01.1914 капитан А.С. Иванов командующий 3-м батальоном и проживал по адресу: Санкт-Петербург, Университетская набережная, д.15 (Весь Петербург 1914). 01 (14).08.1914 выступил на Великую войну с лейб-гвардии Преображенским полком в той же должности. Отличился в бою за деревню Крщонов 22–23.08 (03–04.09).1914 и был награждён Георгиевским оружием «за то, что в боях 22, 23 и 24 августа 1914 г., командуя батальоном, под сильным и губительным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем, занял д. Крщонов, взяв более 100 пленных и 2 пулемета. Захват д. Крщонов дал возможность продвинуться вперед соседним боевым участкам полка и дивизии» (Высочайший приказ 12 (25).02.1915). Полковник (со старшинством с 22.03.1915). (Источник: Список полковникам по старшинству на 01 (14).08.1916). На 01 (14).08.1916 А.С. Иванов продолжал службу в лейб-гвардии Преображенском полку в чине полковника. С.В. Волков приводит следующие данные о дальнейшей судьбе А.С. Иванова: «Летом – осенью 1918 г. служил в Главархиве. Расстрелян большевиками в 1923» (Волков С.В. Офицеры Российской гвардии. М.: Русский путь, 2002. С. 204).

39.

Светозаров Николай Николаевич (? – 2 (15).09.1914). Из потомственных дворян. Окончил Пажеский корпус в 1905 г. Выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Егерский полк. Штабс-капитан (1913). Н.Н. Светозаров 03 (16).08.1914 выступил на Великую войну с лейб-гвардии Егерским полком полковым адъютантом. Тяжело ранен в бою на Висле (Польша) 26.08 (08.09).1914. Скончался от ран 02 (15).09.1914. Н.Н. Светозаров был погребен в Петрограде в Новодевичьем монастыре 12 (25).09.1914. Перезахоронен в склепе церкви лейб-гвардии Егерского полка во имя святого мученика Мирона 9 (22).04.1915.

40.

Папа-Фёдоров Михаил Николаевич (16 (28).05.1868 – до 1960). М.Н. Папа-Фёдоров образование получил во 2-м Московском кадетском корпусе (1886). В службу вступил 31.08 (12.09).1886. Окончил Михайловское арт. училище (1889). Выпущен подпоручиком (07 (19).08.1887) в 3-ю гвардейскую гренадерскую артиллерийскую бригаду. Поручик (07 (19).08.1891). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (по 2-му разряду). Поручик гвардии (06 (18).12.1894 – после преобразования 3-й гвардейской гренадерской артиллерийской бригады в лейб-гвардии 3-ю артиллерийскую бригаду). Штабс-капитан (06 (18).12.1895). Капитан (09 (22).04.1900). Полковник (22.04 (05.05).1907). 5 лет и 4 месяца командовал батареей. Окончил офицерскую артиллерийскую школу. С 21.08 (03.09).1912

командир 2-го дивизиона лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. 31.07 (13.08).1914 полковник М.Н. Папа-Фёдоров выступил на Великую войну в той же должности. Генерал-майор (20.02 (05.03).1915). Командир Кавказской гренадерской артиллерийской бригады (с февраля 1915 г. по 12 (25).05.1916). За боевые отличия в лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде награжден Георгиевским оружием (Высочайший приказ 25.07 (07.08).1915). Командир лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригады (12 (25).05.1916 – 29.04 (12.05).1917). В составе гвардии участвовал в боях на Стоходе летом 1916 г. С 29.04 (12.05).1917 исполняющий дела инспектора артиллерии 32-го армейского корпуса. В Гражданскую войну служил в частях ВСЮР (Вооружённые силы Юга России), состоял в резерве чинов при штабе командующего войсками Юго-Западного края. С 13.04.1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР. С 27.06.1919 инспектор артиллерии 3-го армейского корпуса. С 15.10.1919 инспектор артиллерии войск Новороссийской области. В эмиграции в Болгарии – в 1931 г. возглавлял объединение лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригады в Шумене, на 20.05.1938 и в 1948 г. в Софии. Скончался до 1960 г.

41.

Альтфатер Дмитрий Васильевич (23.05 (05.06).1874 – 15.10.1931). Из потомственных дворян. Отец: Альтфатер Василий Егорович, генерал-лейтенант (23.06 (05.07).1842 – 08 (21).01.1909). Д.В. Альтфатер образование получил в одном из лучших и прогрессивных частных средних учебных заведений Санкт-Петербурга: реальном училище Гуревича. В службу вступил 31.08 (12.09).1891. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1894). Выпущен подпоручиком (04 (16).08.1892) в 23-ю артиллерийскую бригаду. Поручик (08 (20).08.1898). Окончил Михайловскую артиллерийскую академию (1900). Штабс-капитан (09 (22).04.1900). Капитан (09 (22).04.1904). Окончил Офицерскую арт. школу «успешно». Полковник (06 (19).12.1910). Командир 5-й батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады (с 23.06 (06.07).1911). Полковник Д.В. Альтфатер 31.07 (13.08).1914 выступил на Великую войну командиром 5-й батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. Командир 1-й батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады (с 1915). Награжден Георгиевским оружием (Высочайший приказ 25.07 (07.08).1915) «за то, что в боях 19 и 20 февраля 1915 г. у д. Кобылин, находясь непрерывно на наблюдательном пункте в сфере исключительной опасности, метким и своевременным огнем сперва остановил яростный натиск противника, занявшего уже наши окопы на важнейшем участке, а затем, развивая этот огонь, выбил противника из этих окопов и дал возможность нашей пехоте вновь их занять», и орденом Святого Георгия 4-й степени (Высочайший приказ 30.12.1915 (12.01.1916)). Командир 2-го дивизиона 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригады (с 22.02 (06.03).1916). С 23.08 (05.09).1916 назначен командиром 36-й артиллерийской бригады. За боевые отличия 06 (19).12.1916 произведен в генерал-майоры. С 17 (30).03.1917 по 24.09 (07.10).1917 – командир лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. С 07 (20).10.1917 инспектор артиллерии и командир 39-го армейского корпуса. С 07.09.1918 служил в вооружённых силах Украинской державы, во времена гетмана Скоропадского, затем в армии УНР (Украинской Народной Республики). В гетманской армии командир 1-й тяжёлой артиллерийской бригады и инспектор артиллерии. С 23.02.1919 начальник артиллерии 1-го Волынского кадрового корпуса армии УНР (Украинской Народной Республики). С 04.1919 в инспекции артиллерии Холмской группы армии УНР. 16.05.1919 под Луцком взят в плен польскими войсками. Записался добровольцем в Западную Добровольческую армию (ЗДА) князя П.Р. Авалова-Бермонта. С 05.1919 инспектор артиллерии в 1-м Добровольческом имени графа Келлера корпусе в ЗДА, с 11.1919 – Особого русского отряда в Германии, с 09.01.1920 командующий русскими войсками в Германии. Награжден Мальтийским крестом 3-й степени. До 1926 г. глава русской колонии в Целле. Умер в Больтерсене (Германия).

42.

Бурман Александр Владимирович (05 (17).08.1872 – 19.05.1941, Париж). Из потомственных дворян Витебской губернии. Отец: Бурман Владимир Георгиевич (1832–1909), инженер-генерал, комендант Новогеоргиевской крепости. А.В. Бурман в службу вступил 01 (13).09.1890. Окончил Пажеский корпус в 1892 г. Выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Егерский полк 04 (16).08.1892. Поручик (04 (16).08.1896). Штабс-капитан (04 (17).08.1900). Капитан (04 (17).08.1904). Командовал ротой 9 лет и 6 мес. Полковник (06 (19).12.1911). 03 (16).08.1914 А.В. Бурман выступил на Великую войну с лейб-гвардии Егерским полком командиром 1-го батальона. Отличился в первом же бою и был награждён Георгиевским оружием (Высочайший приказ 03 (16).02.1915) «за то, что 20 авг. 1914 г., находясь под действительным ружейным и шрапнельным огнем противника, быстро занял 1-м батальоном лес западнее дер. Седлишка-Велька и Суходолы, чем остановил охватывающее движение противника, обеспечил успех боя и занятие высоты 109,1». На 28.02 (12.03).1916 командир 184-го пехотного Варшавского полка. С 21.07 (03.08).1916 по 01 (14).08.1916 из-за болезни состоял в резерве чинов при штабе Минского военного округа. Переведён в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа (с 01 (14).08.1916 по 19.09 (02.10).1916). С 19.09 (02.10).1916 помощник начальника 4-й пехотной запасной бригады. Участник Белого движения на юге России. На февраль 1919 г. – штаб-офицер для поручений в контрразведывательном отделе штаба Донской армии. Затем служил в Екатеринославской государственной страже в составе ВСЮР (Вооружённые силы Юга России), был ранен. 02.03.1920 эвакуирован из Новороссийска на корабле «Херсон» в госпиталь в Пирее (Греция). В эмиграции во Франции, жил в Париже. Был членом суда чести парижской группы полкового объединения лейб-гвардии Егерского полка. По взглядам был монархистом-легитимистом. Скончался 19.05.1941 в Париже. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

43.

Мунтянов Михаил Кузьмич (? – 30.04.1926, имение Вуич в Усикирко, Финляндия (ныне посёлок Поляна, Сестрорецкий район, Ленинградской области)). Из потомственных дворян. Отец: Мунтянов Кузьма Евстафьевич (1 (13).11.1856 – 28.04.1931) генерал-лейтенант (по полевой лёгкой артиллерии). М.К. Мунтянов образование получил в Одесском кадетском корпусе (1908). Окончил Павловское военное училище (1910). Портупей-юнкер. Выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Егерский полк 6 (19).08.1910. В 1911 г. жил по адресу: Санкт-Петербург, Загородный проспект, д. 21, а с 1912 по 1914 г. в казармах лейб-гвардии Егерского полка на улице Рузовской, дом 16, 18. Подпоручик Мунтянов выступил на Великую войну в составе того же полка. Ранен 20.08 (02.09).1914 в бою у фольварка Жеготов (Польша). Окончил Императорскую Николаевскую военную академию. Полковник лейб-гвардии Егерского полка. В штабе 1-й гвардейской пехотной дивизии. В Гражданскую войну служил в частях ВСЮР (Вооружённые силы Юга России). В августе 1919 г. – начальник оперативного отделения штаба 1-го армейского корпуса. В эмиграции – в Финляндии. Скончался 30.04.1926 в имении Вуич в Усикирко, ныне посёлок Поляна Сестрорецкого района Ленинградской области, о чём сообщила издававшаяся в Париже газета «Возрождение» в № 341, 09.05.1926. Жена: Мунтянова Ксения Ивановна.

44.

Фон Зигель Дмитрий Михайлович (14 (26).03.1869 – 11.07.1922, Панчево, под Белградом, Сербия). Из потомственных дворян. Окончил Нижегородский кадетский корпус (1887), 2-е военное Константиновское училище (1889) и Николаевскую академию Генерального

штаба (1898). Участник похода в Китай, 1900–1901 гг. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1904 г. – старший адъютант (в оперативном отделе) Управления генерал-квартирмейстера 1-й Маньчжурской армии. Награжден Золотым оружием 5 (18).12.1905. В 1907 г. подполковник, начальник штаба 2-й Сибирской пехотной дивизии. С 04 (17).04.1908 по 15 (28).01.1914 – начальник штаба 35-й пехотной дивизии. С 15 (28).01.1914 командир 7-го гренадерского Самогитского полка. Выступил на Великую войну в той же должности с тем же полком в составе 2-й Гренадерской дивизии. Получил пулевое ранение вв время встречного боя на подступах к деревне Суходолы (Польша) 20.08 (02.09).1914. Генерал-майор (Высочайший приказ 20.08 (02.09).1914). С 30.06 (13.07).1916 командир 127-й пехотной дивизии, 1916–1917. Генерал-лейтенант Генерального штаба. Скончался в русском госпитале в Панчево близ Белграда (Сербия), о чём 16.07.1922 в № 365 сообщила издававшаяся в Белграде газета «Новое время».

45.

Кукель Михаил Иванович (27.02 (11.03).1882 – 19.02 (04.03).1915). Из потомственных дворян Виленской губернии. Отец: Кукель Иван Ксаверьевич (31.01.1838 – после 01.07.1906), генерал-лейтенант. Начальник санитарной части тыла войск Дальнего Востока. М.И. Кукель общее и военное образование получил в Пажеском корпусе (по 1-му разряду). Выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Егерский полк (13 (26).08.1901). Участник Русско-японской войны. Награждён орденом Святой Анны 4-й степени (1905), орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом (1905), орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом (1905). Поручик (13 (26).08.1905). Штабс-капитан (13 (26).08.1909). Капитан (13 (26).08.1913). Капитан М.И. Кукель 03 (16).08.1914 выступил на Великую войну с лейб-гвардии Егерским полком командиром 10-й роты. Отличился в первом же бою, по собственной инициативе развернув свою роту для флангового удара наступающему неприятелю, чем способствовал его окружению. Награждён орденом святого Станислава 2-й степени с мечами (Высочайший приказ 02 (15).05.1915). Убит в бою под Ломжой у деревни Высоке-Мале (Польша) 19.02 (04.03).1915. Погребен 03 (16).03.1915 в склепе церкви лейб-гвардии Егерского полка во имя святого мученика Мирона.

46.

Кугушев Иван Иванович (? – 7 (20).11.1914). Из русского княжеского рода, существующего с XVII века и происходящего от татарских князей. И.И. Кугушев окончил Павловское военное училище в 1897 г. Выпущен подпоручиком в 147-й пехотный Самарский полк. В 1899 г. переведён в лейб-гвардии Егерский полк в том же чине. Капитан князь Кугушев выступил на Великую войну с лейб-гвардии Егерским полком командиром 4-й роты. Убит в бою у деревни Порембо (Польша) 7 (20).11.1914. Погребен 5 (18).12.1914 в Склепе Церкви лейб-гвардии Егерского полка во имя святого мученика Мирона.

47.

Ставрович Николай Григорьевич (14 (26).05.1857 – 25.12.1933, Загреб (Югославия)) Образование получил в Киевской Владимирской военной гимназии. В службу вступил 31.08 (12.09).1874. Окончил 1-е военное Павловское училище (1876). Выпущен прапорщиком (10 (22).08.1876) в 15-ю артиллерийскую бригаду. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Подпоручик (26.12.1877 (07.01.1878)). Поручик (18 (30).12.1878). Штабс-капитан (04 (16).12.1883). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1885 г., по 1-му разряду). Капитан (29.03 (10.04).1885). Старший адъютант штаба 16-й пехотной дивизии (26.11 (08.12).1885 – 01 (13).04.1890). Подполковник (01 (13).04.1890). Штаб-офицер для особых поручений при штабе 4-го армейского корпуса (01 (13).04.1890 – 10

(22).08.1891). Начальник строевого отдела штаба Ивангородской крепости (10 (22).08.1891 – 04 (16).04.1894). Штаб-офицер при управлении 46-й пехотной резервной бригады (04 (16).04.1894 – 25.01 (07.02).1898). Полковник (17 (29).04.1894). Начальник штаба 43-й пехотной дивизии (25.01 (07.02).1898 – 05 (18).03.1901). Командир 99-го пехотного Ивангородского полка (05 (18).03.1901 – 01 (14).06.1904). Генерал-майор (01 (14).06.1904). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. Командир 2-й бригады 61-й пехотной дивизии (01 (14).06 – 03 (16).12.1904). Начальник штаба 5-го Сибирского армейского корпуса (03 (16).12.1904 – 17 (30).10.1906). Начальник штаба 22-го армейского корпуса (17 (30).10.1906 – 01 (14).05.1911). Генерал-лейтенант (15 (28).02.1911). Начальник 2-й гренадерской дивизии (с 01 (14).05.1911). В этой должности выступил на Великую войну. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени (Высочайший приказ 27.09 (10.10).1914). Состоял в резерве чинов при штабе Минского военного округа (09 (22).12.1915). Начальник 27-й пехотной дивизии (10 (23).03.1916 – 18.04 (01.05).1917). Состоял в резерве чинов при штабе Московского военного округа (16 (29).06.1917). В эмиграции в Югославии. Член Общества русских офицеров Генерального штаба в Югославии. Скончался 25.12.1933 в Загребе (Югославия) и на следующий день, 26.12, был похоронен на местном кладбище, о чём 31.12.1933 в Белграде сообщила газета «Русский голос» (№ 143).

48.

Гущин Александр Фёдорович (07 (19).04.1881 – после 1930). Образование получил в Донском императора Александра III кадетском корпусе в Новочеркасске, который окончил в 1899 г. В службу вступил 31.08 (12.09).1899 и поступил в Михайловское артиллерийское училище. 13 (26).08.1901 выпущен из училища хорунжим во 2-ю Донскую казачью батарею. Затем проходил службу в 8-й Донской казачьей батарее. Принимал участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Сотник (09 (22).08.1904). Подъесаул (09 (22).08.1908). В 1910 г. окончил Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду. 26.05 (08.06).1910 за отличные успехи в науках произведён в есаулы. Ценовое командование сотней отбывал в 1-м Уральском казачьем полку с 10 (23).11.1910 по 25.04 (08.05).1911 и 12-м Донском казачьем полку с 01 (14).05.1911 по 15 (28).11.1912. С 14 (27).08.1913 в чине капитана Генерального штаба на должности старшего адъютанта 1-й гвардейской пехотной дивизии. Выступил на Великую войну в августе 1914 г. в том же чине и в той же должности. Подполковник (06 (19).12.1915). С 06 (19).12.1916 исполняющий дела начальника штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии. Награждён Георгиевским оружием (Высочайший приказ 07 (20).02.1916). На 03 (16).01.1917 в том же чине и в той же должности. Полковник (15 (28).08.1917). 16 (29).12.1917 отчислен от должности штаб-офицера, заведовавшего обучающимися в Николаевской военной академии. Участник Белого движения на юге России в рядах Донской армии генерала П.Н. Краснова. В марте 1920 г. во время эвакуации Вооружённых сил Юга России из Новороссийска, полковник А.Ф. Гущин попал в плен к красным. В 1923 г. приехал в Шанхай, где предпринимал шаги по разложению белоэмигрантских организаций. В дальнейшем в белоэмигрантских кругах обвинялся в причастности к похищению китайскими военными генералов Б.В. Анненкова и Н.А. Денисова, тайно переданных чекистам, осуждённых 25.07–12.08.1927 на судебном заседании выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР в Семипалатинске и расстрелянных 25.08.1927. Впоследствии А.Ф. Гущин работал в Болгарии. В 1929–1930 гг. вновь находился в Китае.

49.

Комаров Николай Николаевич. Н.Н. Комаров был произведён в офицеры из вольноопределяющихся. Прибыл в лейб-гвардии Преображенский полк из запаса во время

мобилизации в июле 1914 г. 01 (14).08.1914 подпоручик Н.Н. Комаров выступил с полком на Великую войну младшим офицером 12-й роты. Получил ранение 22.08 (04.09).1914 в бою в лесном массиве, напротив деревни Крщонов (Польша).

50.

Бойе ав Геннэс Владимир Густавович (1890 – после 1938). Из потомственных дворян. Подпоручик В.Г. Бойе ав Геннэс поступил в лейб-гвардии Семёновский полк в 1912 г. 02.08 (03.09).1914 подпоручик В.Г. Бойе ав Геннэс выступил на Великую войну с лейб-гвардии Семёновским полком младшим офицером 10-й роты. Ранен во время проведения разведки в лесу около деревни Крщонов (Польша) 22.08 (04.09).1914. Капитан В.Г. Бойе ав Геннэс награждён Георгиевским крестом 4-й степени (с веточкой) за отличие в бою 23.06 (05.07).1917 у деревни Годов, где, командуя 3-м батальоном и будучи дважды ранен в голову и спину, продолжал командовать батальоном и личным примером воодушевлял подчинённых, пока от полученных ран не потерял сознание. Награждён Георгиевским оружием приказом по 11-й армии от 11 (24).10.1917. Сослуживец Ю.В. Макаров в своих воспоминаниях так писал о нём: «...был очень популярен и среди офицеров, и особенно среди солдат. Бойе вырос близь Диканьки, говорил “що” и “дытына”, и это при трехэтажной иностранной фамилии звучало особенно симпатично».

51.

Штейн Александр Фёдорович (15 (27).08.1873 – 23.02.1960). Реформатского вероисповедания. Образование получил в СПб 2-м реальном училище. В службу вступил 16 (28).10.1894. Выдержал офицерский экзамен при 1-м военном Павловском училище (по 1-му разряду). Определен в 66-й пехотный Бутырский полк. Прапорщик (02 (14).10.1895). Переведен в лейб-гвардии Семеновский полк. Подпоручик гвардии (07 (19).02.1897). Поручик (07 (20).02.1901). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. Переведен в казачьи войска с переименованием в подьесаулы. По окончании войны вновь в лейб-гвардии Семеновском полку. Штабс-капитан (07 (20).02.1905). Капитан (07 (20).02.1909). 02 (15).08.1914 капитан А.Ф. Штейн выступил на Великую войну с лейб-гвардии Семёновским полком командиром 12-й роты. Ранен ружейной пулей во время штурма деревни Майдан Крщоновский (Польша) 23.08 (05.09).1914. В лейб-гвардии Семеновском полку до 29.07 (11.08).1916. Исполняющий дела корпусного коменданта 1-го гвардейского корпуса (с 29.07 (11.08).1916). Полковник (30.07 (12.08).1916) с утверждением в должности. В 1918 г. в Петрограде, где в течение почти всего года обеспечивал связь подпольной монархической организации гвардейских офицеров с монархической группой Н.Е. Маркова 2-го. С 10.1918 в Пскове. Участвовал в формировании Особого Псковского Добровольческого корпуса (позже – Северной армии и Северного корпуса). Командовал отрядом внутренней охраны Пскова. В эмиграции к 1928 г. в Литве, член полкового объединения лейб-гвардии Семеновского полка. Участник монархического движения и Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г. Скончался 23.02.1960 в Германии.

52.

Зубов Георгий Владимирович. (02 (14).02.1892, Владивосток – 15.10.1970, Париж). Окончил Иркутское военное училище. Подпоручик Г.В. Зубов поступил в лейб-гвардии Преображенский полк в 1913 г. К 01 (14).01.1914 младший офицер 8-й роты и проживал по адресу: СПб., ул. Кирочная, дом 37 (Весь Петербург 1913). 01 (14).08.1914 выступил с лейб-гвардии Преображенским полком на Великую войну командиром взвода пулемётной команды. К июлю 1917 – капитан. 07 (20).07.1917 отличился, командуя 2-м батальоном в бою у деревни Мшаны, и был представлен к ордену Святого Георгия 4-й степени. 16 (29).12.1917

был опубликован Декрет Совнаркома об упразднении всех знаков отличия и наградные бумаги были возвращены Петроградской городской Думой без принятого решения, ввиду позднего представления документов. Поступил на службу в Добровольческую армию генерала Л.Г. Корнилова. Участник Первого Кубанского (Ледяного) похода. Затем служил во ВСЮР (Вооруженных силах Юга России). Полковник. В декабре 1919 – марте 1920 г. эвакуирован. В мае 1920 г. находился в Югославии. Затем переехал во Францию, где работал таксистом. Секретарь Союза георгиевских кавалеров. Автор статьи «Последний штыковой бой преображенцев на Юго-Западном фронте», увидевшей свет в 1929 г. в журнале «Часовой» (№ 13–14). Г.В. Зубов скончался в Париже 15.10.1970.

53.

Абаза Алексей Алексеевич (? – 25.08 (07.09).1914, Зарашов, Польша). Из потомственных дворян. Окончил Пажеский корпус (1910). Выпущен в лейб-гвардии Преображенский полк подпоручиком. В 1913 г. находился по адресу: СПб., Набережная реки Фонтанки, дом 23 (Весь Петербург 1913). По другим данным – на 01 (14).01.1914 проживал по адресу: СПб., улица Шпалерная, дом 7. Подпоручик А.А. Абаза выступил на Великую войну с лейб-гвардии Преображенским полком младшим офицером 12-й роты. За бой 23.08 (05.09).1914 награждён орденом Святого Георгия 4-й степени. Убит в бою у Зарашова 25.08 (07.09).1914.

54.

Комаров Ипполит Ипполитович (15 (27).05.1892 – 25.03.1978, Нью-Йорк). Из потомственных дворян. Окончил Пажеский корпус (1912). Выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Преображенский полк. На 01 (14).01.1914 – в учебной команде, проживал по адресу: СПб., улица Миллионная, дом 31, кв. 19. В составе того же полка 01 (14).08.1914 выступил на Великую войну младшим офицером 11-й роты. За боевые отличия в бою у Крщонова (Польша) 23.08 (05.09).1914 награждён орденом Святого Георгия 4-й степени (Высочайший приказ от 11 (24).12.1915). Ранен в бою с 11-й Баварской дивизией на линии Майдан – Кульчинский – Патрилов 27.07 (09.08).1915. Полковник. В эмиграции в 1931 – во Франции. Затем на восточном побережье США. Скончался 25.03.1978. Прах его покоится на русском православном кладбище в Ново-Дивеево в местечке Нануэт, что в 30 километрах к северу от Манхэттена.

55.

Вансович Лев Николаевич (? – 25.08 (07.09).1914). Из потомственных дворян. Окончил Пажеский корпус (1909). Выпущен в лейб-гвардии Преображенский полк подпоручиком. Поручик (1913). В 1913 г. находился по адресу: СПб., улица Захарьевская, дом 15. На 01 (14).01.1914 занимал должность младшего офицера 9-й роты и проживал с женой Марией Фёдоровной Вансович по адресу: СПб., улица Сергиевская, дом 47, квартира 3. 01 (14).08.1914 поручик Л.Н. Вансович выступил с полком на Великую войну адъютантом командующего 3-м батальоном. Смертельно ранен в бою у Крщонова 23.08 (05.09).1914. Скончался от полученных ран 25.08 (07.09).1914.

56.

Кистер Николай Владимирович (? – 18.09 (01.10).1914). Прапорщик Н.В. Кистер поступил в лейб-гвардии Преображенский полк из запаса в июле 1914 г. 01 (14).08.1914 выступил с полком на Великую войну младшим офицером 12-й роты. Смертельно ранен в бою у Крщонова (Польша) 23.08 (05.09).1914. Скончался от полученных ран 18.09 (01.10).1914.

57.

Яковлев Александр Михайлович (? – после 1967). А.М. Яковлев окончил Императорское училище правоведения 04 (17).05.1913 (74-й выпуск). Произведён в офицерский чин из вольноопределяющихся в 1914 г. 01 (14).08.1914 прапорщик А.М. Яковлев выступил на Великую войну с лейб-гвардии Преображенским полком младшим офицером 9-й роты. Ранен в бою за высоту 247 у деревни Крщонов (Польша). Полковник лейб-гвардии Преображенского полка. В эмиграции в Югославии. В 1931 г. – в Белграде. Скончался после 1967 г.